

СТЕНОГРАММАЗ А С Е Д А Н И Е

Военного Трибунала Верховного Суда СССР

от 28 декабря 1934 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Объявляю Заседание Выездной Сессии Военной Коллегии Верх.Суда - открытым. Слушается дело по обвинению НИКОЛАЕВА, КОТОЛЬНОВА, МЯСНИКОВА и других, в количестве 14 человек, по обвинению в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-8 и 58-11 Уголовного Кодекса.

Гов.Секретарь, все подсудимые на лицо?

СЕКРЕТАРЬ: Так точно: Все подсудимые - 14 человек - на лицо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый НИКОЛАЕВ, Ваше имя, отчество - Леонид Васильевич?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Год рождения - 1904?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда Вы вступили в коммунистическую партию?

НИКОЛАЕВ: В 1924 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Исключались когда?

НИКОЛАЕВ: В 1934 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В начале?

НИКОЛАЕВ: В марте м-це.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Восстановлены когда были?

НИКОЛАЕВ: В мае месяце.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой имеете образовательный ценз?

НИКОЛАЕВ: Низшее образование.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Последнее время до ареста какую Вы занимали должность и где вообще работали?

НИКОЛАЕВ: Разъездной инструктор по Истпарту в Ленинградском Институте Истории Партии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения получили?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Садитесь, пожалуйста. Подсудимый КОТОЛЬНОВ, Ваше имя, отчество - Иван Иванович?

КОТОЛЬНОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Год рождения - 1905?

КОТОЛЬНОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В ВКП(б) когда вступили?

КОТОЛЬНОВ: В 1921 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Исключались когда?

КОТОЛЬНОВ: 15-м съездом партии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Восстановлены когда были?

КОТОЛЬНОВ: В конце 1928-го года, или в первых числах 1929 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой образовательный ценз?

КОТОЛЬНОВ: 4-го декабря этого года закончил высшее образование.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: До поступления в высшее учебное заведение, чем занимались и где работали?

КОТОЛЬНОВ: Непрерывно работал в комсомоле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения получили?

КОТОЛЬНОВ: Получил.

2/1.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ШАТСКИЙ, Ваше имя, отчество - Николай Николаевич?

ШАТСКИЙ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Родились в 1892 г.?

ШАТСКИЙ: Да.

Председатель: Когда вступили в ряды ВКП/б/?

ШАТСКИЙ: В 1923 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда исключены?

ШАТСКИЙ: В 1927 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С тех пор не восстанавливались в партии?

ШАТСКИЙ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В момент ареста Вы были беспартийным?

ШАТСКИЙ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваш образовательный ценз?

ШАТСКИЙ: Высшее Учебное заведение - окончил Ленинградский Механический Институт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения получили?

ШАТСКИЙ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый РУМЯНЦЕВ, Ваше имя, отчество Владимир Васильевич, родились в 1902 году?

РУМЯНЦЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вступили в партию?

РУМЯНЦЕВ: В мае 1920 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда были исключены из рядов ВКП/б/?

РУМЯНЦЕВ: Исключен после XV-го съезда партии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы один раз исключались?

РУМЯНЦЕВ: Да, и был восстановлен в 1928 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое у Вас образование?

РУМЯНЦЕВ: Нисшее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения получили?

РУМЯНЦЕВ: Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый МАНДЕЛЬШТАМ, Сергей Осипович, Вы родились в 1896 году?

МАНДЕЛЬШТАМ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда Вы вступили в ряды ВКП/б/?

МАНДЕЛЬШТАМ: В 1917 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда исключались?

МАНДЕЛЬШТАМ: После XV-го съезда партии, за принадлежность к оппозиции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда были восстановлены?

МАНДЕЛЬШТАМ: В 1929 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы один раз исключались из партии?

МАНДЕЛЬШТАМ: Да, один.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваш образовательный ценз?

МАНДЕЛЬШТАМ: Два курса ВУЗ'а, заочного Центрального Металлургического Института.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения получили?

МАНДЕЛЬШТАМ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый МЯСНИКОВ, Николай Петрович, Вы родились в 1900 году?

МЯСНИКОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вступили в партию?

МЯСНИКОВ: В мае 1917 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда исключались из партии?

МЯСНИКОВ: Исключался два раза в Новосибирске в мае и ноябре 1927г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда были восстановлены в партии?

- МЯСНИКОВ: Примерно в июне был восстановлен, и в ноябре 1927 года вторично исключен.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой образовательный ценз?
- МЯСНИКОВ: Сдал за среднюю школу.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения имеете?
- МЯСНИКОВ: Да.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ЛЕВИН, Владимир Соломонович, Вы родились в 1897 году?
- ЛЕВИН: Да.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вступили в партию?
- ЛЕВИН: В 1917 году.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Исключались из партии?
- ЛЕВИН: Да, два раза. Первый раз исключен был в сентябре 1926 года и восстановлен в марте 1927 г.; второй раз - после XV-го съезда партии и восстановлен в мае. Был исключен за фракционную работу.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое образование?
- ЛЕВИН: Высшее народное училище.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения получили?
- ЛЕВИН: Да.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый СОСИЦКИЙ, Лев Ильич, Вы родились в 1899 году?
- СОСИЦКИЙ: Да.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вступили в партию?
- СОСИЦКИЙ: В 1919 году.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда исключались из партии?
- СОСИЦКИЙ: Был исключен в 1927 году Ленинградской Областной Контрольной комиссией и в 1927 году восстановлен. С того времени больше не исключался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое образование?

СОСИЦКИЙ: Образование низшее, 3 класса городского училища.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвинительное заключение получили?

СОСИЦКИЙ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый СОКОЛОВ, Георгий Васильевич, Вы родились в 1904 году?

СОКОЛОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вступили в партию?

СОКОЛОВ: В 1931 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не исключались?

СОКОЛОВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое образование?

СОКОЛОВ: 3 курса Электросварочного Института.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения получили?

СОКОЛОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ЮСКИН, Ваше имя, отчество - Игнатий Григорьевич?

ЮСКИН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Родились в 1898 году?

ЮСКИН: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В партию когда вступили?

ЮСКИН: В 1925 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Исключались?

ЮСКИН: Нет, не исключался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Взыскания имели?

ЮСКИН: В 1924 году, когда был кандидатом получил выговор за утерю кандидатской карточки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Образовательный ценз?

ЮСКИН: Два курса промышленной Академии: выше среднего.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения получили?

ЮСКИН: Получил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Садитесь. Подсудимый ЗВЕЗДОВ, Ваше имя, отчество - Василий Иванович?

ЗВЕЗДОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Год рождения - 1902?

ЗВЕЗДОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Образование?

ЗВЕЗДОВ: Окончил технические курсы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В партию когда вступили?

ЗВЕЗДОВ: В 1923 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Исключались?

ЗВЕЗДОВ: Нет, имею выговор с предупреждением.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В каком году?

ЗВЕЗДОВ: В 1927 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения имеете?

ЗВЕЗДОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Садитесь. Подсудимый АНТОНОВ, Ваше имя, отчество - Николай Семенович?

АНТОНОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Год рождения - 1903?

АНТОНОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В партию когда вступили?

АНТОНОВ: В 1922 году?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Исключались?

АНТОНОВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Взыскания были?

АНТОНОВ: Имею выговор за фракционную работу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В 1927-или в 1926 году?

АНТОНОВ: В 1927 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Образование?

АНТОНОВ: Учился в Ленинградском Индустриальном Институте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Копию обвинительного заключения имеете?

АНТОНОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Садитесь. Подсудимый ХАНИК!

ХАНИК: Есть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваше имя, отчество - Лев Осипович?

ХАНИК: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Год рождения - 1902-й?

ХАНИК: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Партийность с какого года?

ХАНИК: В 1920 году вступил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Исключались?

ХАНИК: Исключался заочно Харьковской Окружной Комиссией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В каком году?

ХАНИК: В 1927 году.

ПРЕДСЕДАТ.: Зачем?

ХАНИК: К

ПРЕДСЕДАТ.: Копию обвинительного заключения получили?

ХАНИК: Получил.

ПРЕДСЕДАТ.: Садитесь.

Подсудимый ТОЛМАЗОВ!

ТОЛМАЗОВ: Есть.

ПРЕДСЕДАТ.: Андрей Ильич?

ТОЛМАЗОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Родились в 1899 году?

ТОЛМАЗОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Образование?

ТОЛМАЗОВ: Нисшее.

ПРЕДСЕД.: Потом нигде не учились?

ТОЛМАЗОВ: Нет.

ПРЕДСЕД.: В партию когда вступили?

ТОЛМАЗОВ: В 1919 году.

ПРЕДСЕД.: Исключались?

ТОЛМАЗОВ: Нет.

ПРЕДСЕД.: Взыскания имели?

ТОЛМАЗОВ: Было поставлено на вид, потом сняли.

ПРЕДСЕД.: За что?

ТОЛМАЗОВ: За связь с оппозицией.

ПРЕДСЕД.: В каком учебном заведении учились?

ТОЛМАЗОВ: Нив каком; я работал.

ПРЕДСЕДАТ.: Студентом не были?

ТОЛМАЗОВ: Никогда не был. Это ошибка.

ПРЕДСЕД.: Какой образовательный ценз?

ТОЛМАЗОВ: Нисший: сельская школа.

ПРЕДСЕД.: Копию обвинительного заключения получили?

ТОЛМАЗОВ: Получил.

ПРЕДСЕД.: Садитесь.

Состав суда: Председатель - УЛЬРИХ, Члены Суда - тов.МАТУЛЕВИЧ и тов.ГОРЯЧЕВ.

Суд намечает следующий порядок допроса: НИКОЛАЕВ, АНТОНОВ, ЗВЕЗДОВ, ЮСКИН, СОКОЛОВ, КОТОЛЬНОВ, ШАТСКИЙ, ТОЛМАЗОВ, МЯСНИКОВ, ХАНИК, ЛЕВИН, СОСИЦКИЙ, РУМЯНЦЕВ, МАНДЕЛЬШТАМ. Причем, допрос подсудимого НИКОЛАЕВА мы начнем в отсутствии других подсудимых, а потом постепенно будем вызывать и остальных подсудимых. В конце судебного заседания все подсудимые будут находиться вместе для совместных вопросов, очных ставок и т.д..

ПОДСУДИМЫЙ: Можно вопрос?
МАНДЕЛЬШТАМ:

ПРЕДСЕД.: Какой вопрос?

МАНДЕЛЬШТАМ: О порядке допроса.

ПРЕДСЕД.: Какой вопрос? Никакого вопроса нет. Суд устанавливает порядок, и такой порядок будет проводиться. Регулирует судебный порядок Председатель Суда, а не подсудимый.

Тов.Комендант, остальные подсудимые вводятся, пока остается НИКОЛАЕВ. Объявляю перерыв на десять минут.

4/1.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый НИКОЛАЕВ, Вы обвиняетесь в том, что являясь членом террористической подпольной контр-революционной группы, образовавшейся из числа участников бывшей зиновьевской антисоветской группы в г. Ленинграде и членом подпольного центра к.-р. террористического "Ленинградского центра", по поручению последнего, совершили 1-го декабря 1934 года террористический акт в отношении тов. КИРОВА. Признаете себя виновным?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Полностью?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня имеется к Вам несколько общих вопросов.

Скажите, пожалуйста, чем Вы занимались до Вашего ареста, т.е. с того момента, как Вы стали взрослым, какие должности занимали?

НИКОЛАЕВ: Я работал на производстве 18 лет. Половину из них был на производстве, и половину на партийной и советской работе, начиная с сельсовета до Обл.КК РКК, На заводе К.МАРКСА, в Выборгском и Лужском районе, а также в Ленинградском Обкоме партии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В Ленинградском Обкоме в качестве кого Вы работали?

НИКОЛАЕВ: Референтом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое образование, что Вы окончили?

НИКОЛАЕВ: После 1917 года я занимался в Электро-Техническом Институте, затем вел подготовку к вступлению в Университет и в 1933-34 г. готовился к вступлению в ВКП/б/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы показали, что принадлежали к зиновьевской антисоветской группировке в 1926-27 г.г. и т.д.. Кто из подсудимых по данному делу с Вами вместе работал или с кем вам приходилось работать?

НИКОЛАЕВ: С КОТОЛЫНОВЫМ, АНТОНОВЫМ, СОКОЛОВЫМ, НИКАНОРОВЫМ, ЗВЕЗДОВЫМ, ПОПОВЫМ, ХАНИКОМ? и др.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Половина подсудимых Вам хорошо Известны?

НИКОЛАЕВ: Да, и СОСИЦКИЙ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Чем Вы об"ясняете, что остальные Ваши товарищи исключались из партии, а Вы оказались без всякого взыскания, чем это об"ясняется? Случайностью или Ваше лицо не было достаточно выявлено?

НИКОЛАЕВ: Да, случайно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы давали довольно много показаний и очень подробно по поводу убийства тов.КИРОВА, показаний содержащих ряд фактов, которые нашли подтверждение и у других подсудимых по данному делу, нам интересно выяснить еще несколько деталей, в связи с Вашими показаниями, в частности, нас интересует роль КОТОЛЫНОВА, в связи с организацией террористического акта в отношении тов.КИРОВА?

Вы подтверждаете все Ваши показания в отношении КОТОЛЫНОВА. Добавить чтонибудь можете, или Вы считаете Ваши показания исчерпывающими?

НИКОЛАЕВ: Хочу добавить. На очной ставке КОТОЛЫНОВ И ШАТСКИЙ отрицали участие в подготовке организации террористического акта над т.КИРОВЫМ, но я хочу признаться перед судом, а на следствии я этого не указал, о том, что подтверждением только может служить - скрытый мною сундук, забитый обручем в сарае у матери с документами, который находится в дровах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что в сундуке имеется?

НИКОЛАЕВ: Документы, свидетельствующие о связях с этими руководителями оппозиции, и о прошлой работе и т.д.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какого периода эти документы?

НИКОЛАЕВ: Периода раннего, один из документов оппозиционных мне был пред"явлен недавно, был зашит в мешке, но это я получил через АНТОНОВА в 1932 году, остальные документы у меня сохранились.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где они находятся?

НИКОЛАЕВ: На Лесном проспекте у матери.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мать не знает об этом?

НИКОЛАЕВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где этот ящик или сундук, что он зарыт в земле?

НИКОЛАЕВ: Под дровами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сарай во дворе?

НИКОЛАЕВ: Нет, внизу, обыкновенный сарай, под первым этажем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда этот сундук последний раз Вами вскрывался?

НИКОЛАЕВ: Незадолго до совершения мною террористического акта он был туда поставлен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Там целый архив, что-ли?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Документы какого периода, какого года?

НИКОЛАЕВ: Начиная с 1924 года мы вместе работали с КОТОЛЫНОВЫМ и целым рядом обвиняемых по настоящему делу, по комсомольской и партийной работе до 1931-32 г.г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: До 1932 года?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Документы совместной работы Вашей с КОТОЛЫНОВЫМ? или еще кого?

НИКОЛАЕВ: Со всей группой и еще, кроме Ленинграда, в Ленинградской Области.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему этот сундук оказался у Вас, в Вашем ведении, Вы сами его туда положили?

НИКОЛАЕВ: Да, документы все были у меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У Вас были?

НИКОЛАЕВ: Да.

18
ПРЕДСЕДАТ.: С КОТОЛЬНОВЫМ встречался в течение многих лет по совместной работе?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТ.: А с ШАТСКИМ?

НИКОЛАЕВ: До 1927 года. Потом ШАТСКИЙ уехал; у него был большой период отлучки: он ездил в Сталинград и вернулся в 1933 году, но встретился я с ним в феврале.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В феврале какого года?

НИКОЛАЕВ: 1934 года.

ПРЕДСЕД.: Встречались в условиях, которые Вы показывали раньше?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Значит эти показания в части ШАТСКОГО — подтверждаете?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Относительно участия его в подготовке террористических актов — тоже подтверждаете?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Желаете чемнибудь в этой части дополнить? в отношении ШАТСКОГО, или нет у Вас новых данных, чтобы всю картину восстановить полностью. Все эти Ваши показания нашли подтверждение так желательно осветить всю картину этого печального события

НИКОЛАЕВ: Нового добавить ничего нет.

ПРЕДСЕД.: Еще один эпизод, требующий некоторого уточнения: Вы сказали, что в этом архиве имеется документ, устанавливающий связь Вашу с работниками Ленинградской области. Каких именно, какой период?

НИКОЛАЕВ: Когда я был в Луге.

ПРЕДСЕД.: А кто был с Вами связан из подсудимых?

НИКОЛАЕВ: ЗВЕЗДОВ.

ПРЕДСЕДАТ.: Еще один вопрос — относительно Ваших посещений консульства. Там есть несколько не ясных моментов, требующих уточнения. Вы показывали раза два или три, что Вы у Латвийского консу-

ла три или четыре раза?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Первая Ваша встреча примерно в какой период была? Когда состоялся Ваш первый визит?

НИКОЛАЕВ: В 20-х числах сентября м-ца.

ПРЕДСЕД.: В первый раз разговор велся на какую тему?

НИКОЛАЕВ: Сначала частного порядка. Я ему сказал, что у меня якобы за границей осталось имущество от родителей, которые лет пять - десять тому назад умерли. Сделал паузу, ожидая... Он задал вопрос: какое имущество - движимое или недвижимое. Я посмотрел на него опять и сказал: должно быть, деньги. Но цель прихода была ясна и я ему сказал сразу: о деньгах.

ПРЕДСЕД.: Это в первый раз?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: И на что Вы указали?

НИКОЛАЕВ: На то, что у моих родителей в Риге якобы остались деньги.

ПРЕДСЕД.: Указали адрес?

НИКОЛАЕВ: Нет. Консул не интересовался подробностями; и мы договорились, что я наведу еще справки - где и что - чтобы через Вас именно узнать о том, что осталось для детей от родителей. Конечно, у меня там никаких родителей нет... И я просил его еще раз принять меня. Сейчас - я сказал - неудобно, здесь (сидел секретарь), лучше примите в другой и ранее обычного приема, с утра, часов в девять - десять.

ПРЕДСЕД.: В первом разговоре, Вы касались вопросов политики партии?

НИКОЛАЕВ: Нет.

ПРЕДСЕД.: Второй раз когда были?

НИКОЛАЕВ: Опять в сентябре м-це, как раз в разгар воздушной тревоги.

Здесь уже беседа у нас была в одиночестве и я перед ним чувствовал себя свободнее, чувствовал некоторую поддержку.

ПРЕДСЕД.: Вы вполне свободно разговаривали?

НИКОЛАЕВ: Да, да. Консул настолько симпатично выглядел, что я доверчиво отнесся к нему, а он ко мне.

ПРЕДСЕД.: Вам показывали карточку — это она? (показывает фотографию)

НИКОЛАЕВ: Да, да. Я указал ему, что я есть красный профессор, что я есть член подпольной организации.

ПРЕДСЕД.: Назвали какая организация?

НИКОЛАЕВ: Ну, так, оппозиционное течение; что мы ведем борьбу внутри партии, внутри ВКП.

Ну, и дальше я ему в этой беседе изложил, что я хочу передать материал за границу, материал антисоветского характера о внутреннем положении советского союза, о текущей политике партии, по хозяйственным вопросам и т.д. — с жесткой критикой таковых. И после этого я перешел на разговор с ним об установлении связи с ТРОЦКИМ.

ПРЕДСЕД.: Вы определенно указывали, что Вы желаете именно с ТРОЦКИМ связаться?

НИКОЛАЕВ: Да; как с бывшим вождем оппозиции нам необходимо установить связь для дальнейшего распространения наших материалов. Мы, по поручению организации, не думали, что консульство — буржуазная страна, фашистское государство может полностью отразить, находясь в таком соседстве с Советским Союзом, отразить наше негодование, нашу критику. Мы хотели использовать аппарат консульства, для того чтобы получить такие средства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда Вы сказали консулу о том что хотите связаться с ТРОЦКИМ, — как он отнесся к этому предложению?

НИКОЛАЕВ: Для него это было одинаково, что материал. За материал я просил также деньги. Я не мог предложить, как установить связь, но он просто дал согласие на все мои объяснения.

ПРЕДСЕД.: Вы предполагали через консула связаться с ТРОЦКИМ и передавать материал — кому? ТРОЦКОМУ?

НИКОЛАЕВ: Нет, с ним связаться, на первый случай передать, а материал....

ПРЕДСЕД.: Я спрашиваю — как Вы говорили о ТРОЦКОМ; весь разговор вертелся вокруг ТРОЦКОГО. Вы не называли организации, с которой Вы хотели связаться за границей?

НИКОЛАЕВ: Я сказал: оппозиционного характера организация, работающая внутри партии

ПРЕДСЕД.: Нет, не Ваша — зарубежная организация. Вы называли только ТРОЦКОГО, или другую организацию?

НИКОЛАЕВ: Только ТРОЦКОГО.

ПРЕДСЕД.: Консул не удивился, что Вы именно через него — консула хотите связаться с ТРОЦКИМ?

НИКОЛАЕВ: Он удивился, что я пришел к нему, на всю беседу удивился, но все-же одобрительно смотрел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сейчас рассказываете о второй беседе с консулом?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТ.: А материалы у Вас тогда с собой были?

НИКОЛАЕВ: Нет, я мог быть арестован, я думал потом, но материала тогда не было. Мне нужно было нащупать почву.

ПРЕДСЕДАТ.: Как-же отнесся консул к Вашему предложению?

НИКОЛАЕВ: Он дал согласие к нему зайти, поговорить еще и что он окажет содействие.

ПРЕДСЕДАТ.: Это второй раз Вы были, а третья беседа когда была?

НИКОЛАЕВ: Все беседы были в сентябре. На четвертую встречу я не попал, так как у меня было подозрение.

ПРЕДСЕДАТ.: В Третью беседу, что происходило?

НИКОЛАЕВ: Говорили о поддержке. О ТРОЦКОМ он, конечно, не касался, во второй беседе он сказал это. Сейчас мы говорили о материальной поддержке, я пред"явил ему паспорт латвийского гражданина.

ПРЕДСЕДАТ: А откуда Вы получили паспорт?

НИКОЛАЕВ: От родственников по жене. Паспорт от 1917 года, присланный дедушкой по жене. Этот паспорт я пред"явил для того, чтобы получить доверие, т.к. вопрос стоял о деньгах и деньги были мною получены в размере 5.000 руб.

ПРЕДСЕДАТ.: За что Вам консул дал деньги, за то, что Вы представили материал или получили аванс?

НИКОЛАЕВ: Я просил о поддержке, как латвийский гражданин, что деньги у меня есть, что деньги мы получим, но когда характер разговора стал носить антисоветскую дружбу, то он дал денег. Материал за границу передан не был. Я знал адрес по паспорту и связь уже имел по телефону. Обещал тогда представить материал, он без всяких сомнений решил этот вопрос. Ему нужно было поддержать и он меня воодушевлял, принимал в 9-10 часов, обычно за 2 часа до приема, но потом, когда я приехал в 4-й раз, то показалось подозрительно, что деньги-то я получил, но меня хотят взять. Как раз в это время стояла военная

6/2.

машина, я поднялся до первой двери и спустился обратно.

ПРЕДСЕДАТ.: При чем тут военная машина?

НИКОЛАЕВ: Я считал, что это машина Военного Трибунала, что возможно консул сообщил в Комиссариат.

ПРЕДСЕДАТ.: При чем тут Военный Трибунал?

НИКОЛАЕВ: Полагал, что это измена родине, и потом у парадной двери стоял подозрительный человек, но все-таки я решился, взял номер и пошел на верх, потом опомнился; в это время там был какой-то шум за дверями и я спустился обратно. Я помню номер машины, кажется, 106-81 и дальше я стал следить за этой машиной, чтобы установить имеет-ли отношение эта машина в данный момент ко мне, имея ввиду слежку. Я видел эту машину два раза там где-то рядом с этим зданием. Машина эта останавливалась, складывали даже вещи с машины и я не думал больше туда появляться, а решил договориться по телефону. Потом это дело перенесли, мне некогда было заниматься, а деньги мною были получены.

ПРЕДСЕДАТ.: Вам сразу консул дал деньги после третьей? встречи?

НИКОЛАЕВ: После третьей встречи, мы беседовали полчаса или час.

ПРЕДСЕДАТ.: Консул латвийский не даст Вам 5 тысяч, не-латвийскому гражданину.

НИКОЛАЕВ: Почему? Он меня мог с первого раза вовлечь в к.-р. деятельность, а после третьей беседы он дал мне деньги.

ПРЕДСЕДАТ.: Куда Вы эти деньги использовали?

НИКОЛАЕВ: Через некоторое время я передал деньги Ване КОТОЛЫНОВУ, из них десятую часть взял себе. Мы сговорились, что часть денег возьмем для своих нужд, и часть на организацию поездок в Москву.

ПРЕДСЕДАТ.: Для какой цели?

НИКОЛАЕВ: Для дальнейшей организации террористических актов в Москве.

ПРЕДСЕДАТ.: Прежде, чем Вы пошли с визитом к латвийскому консулу, Вы имели разговор с КОТОЛЫНОВЫМ?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТ.: Кто был инициатором и направил Вас в консульство - КОТОЛЫНОВ или Вы? Кто кому надоумил?

НИКОЛАЕВ: КОТОЛЫНОВ является инициатором в направлении, а мы с ШАТСКИМ в августе месяце имели договоренность. ШАТСКИЙ сказал о связи с коминтерновским работником в Москве, а я выразил желание связаться в Ленинграде с консульством.

ПРЕДСЕДАТ.: Для чего связь, чтобы связаться с заграницей?

НИКОЛАЕВ: Когда мы с ним вели разговор о существовании организации из бывших оппозиционеров и о террористических настроениях, то говорили уже и об этом плане, о том, что нам нужно именно. Тогда он сказал, что ЧУДОВ - это неподходящая кандидатура, нам нужно совершить акт над Сталиным. Я имел связь с РУМЯНЦЕВЫМ и ШАТСКИМ и мне предложили связаться с КОТОЛЫНОВЫМ Ваней. Вот здесь-то у нас и зародилась мысль о том, чтобы получить материальные средства и передать статьи, поскольку слежка была, террористические группы существовали и настроения эти были уже в течении 1933-34 г.г. Тогда он мне предложил, вернее дал мысль, об использовании работника Коминтерна.

ПРЕДСЕДАТ.: Как использовать, для получения средств или для восстановления связи с заграницей?

НИКОЛАЕВ: Для восстановления связи.

ПРЕДСЕДАТ.: А были такие работники в Коминтерне?

НИКОЛАЕВ: Да, был такой работник ДОМИНАДЗЕ, бывший заграницей несколько раз, а остальных я не знаю. Об этом мне не говорили.

ПРЕДСЕД.: А вопрос о консульстве возник у кого? У Вас, или ШАТСКОГО, КОТОЛЬНОВА?

НИКОЛАЕВ: Случайно в разговоре с ШАТСКИМ я понял этот вопрос. А когда я встретился с КОТОЛЬНОВЫМ, то мы говорили о Коминтерне и консульстве, о средствах и установлении связей.

ПРЕДСЕД.: Вы имели ввиду при разговоре с ШАТСКИМ и КОТОЛЬНОВЫМ о средствах или о связях?

НИКОЛАЕВ: О средствах.

ПРЕДСЕД.: А связи?

НИКОЛАЕВ: О связи пока что стоял вопрос, только в отношении ТРОЦКОГО.

ПРЕДСЕД.: Вы на самом деле хотели осуществить связь с ТРОЦКИМ, или упоминали только для консула?

НИКОЛАЕВ: В разговоре с КОТОЛЬНОВЫМ намечалось твердое настойчивое решение об установлении связи через ТРОЦКОГО с контр-революционными элементами заграницей - во первых, и во вторых мы думали и он дал согласие написать письмо (он парень писака) и что за это мы получим средства.

ПРЕДСЕД.: Кто "он"?

НИКОЛАЕВ: КОТОЛЬНОВ.

ПРЕДСЕД.: Какое же письмо он хотел написать?

НИКОЛАЕВ: Статью антисоветского характера.

ПРЕДСЕД.: В какой газете напечатать?

НИКОЛАЕВ: Не знаю, об этом разговора не было.

ПРЕДСЕД.: Значит Вы хотели с одной стороны получить средства для Вашей работы, с другой стороны на самом деле установить связь с ТРОЦКИМ?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: А еще с какиминибудь другими организациями заграничными хотели установить связь?

НИКОЛАЕВ: В этот период не было других намерений.

ПРЕДСЕД.: Как же Вы думали организовать связь, эту самую переписку с ТРОЦКИМ?

НИКОЛАЕВ: Мы этот вопрос будировали через консула. Отсюда ШАТСКИЙ предполагал использовать бывших Коминтерновских работников - оппозиционеров.

ПРЕДСЕД.: Я говорю о Вашей связи с консулом.

НИКОЛАЕВ: Передать письмо через консула.

ПРЕДСЕД.: Лично ТРОЦКОМУ или какимнибудь другим лицам, живущим за границей?

НИКОЛАЕВ: Других лиц не было.

ПРЕДСЕД.: Посредники какиенибудь имеются?

НИКОЛАЕВ: Не было.

ПРЕДСЕД.: С одной стороны Вы хотели получить деньги, с другой стороны хотели установить связь с ТРОЦКИМ и с третьей стороны хотели давать информацию?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Информацию для какой организации, для каких лиц, для каких целей?

НИКОЛАЕВ: Я, к сожалению, объяснить не могу.

ПРЕДСЕД.: На какое письмо, какого толка?

НИКОЛАЕВ: Тема была определенная - антисоветского характера. Взять, например, какойнибудь объект из промышленности.

ПРЕДСЕД.: Каким же организациям это должно было быть адресовано?

НИКОЛАЕВ: Сейчас мы говорили откровенно только о том, что именно через его аппарат передать материал. Это впоследствии, возможно, могло выразиться в определенной форме.

ПРЕДСЕД.: Какой определенной форме? Ближе к ТРОЦКОМУ, или фашистские органы? Вам известно, что имеются разные организации - по-

ду подпольные или легальные, враждебные советскому Союзу. Какую Вы имели в виду организацию, или отдельные газеты имели в виду. Вы наверное знаете условия жизни Риги и вообще тех районов, ориентируетесь - какие там имеются партии, газеты и пр.?

НИКОЛАЕВ: При беседе с консулом о передаче материала, не указывали именно печатного органа и твердого направления этого материала. Ясно здесь я приближаюсь к нему с доверием, что мы целиком даем материал в его пользование.

ПРЕДСЕД.: Значит, всецело в распоряжение консула?

НИКОЛАЕВ: Да, да.

ПРЕДСЕД.: В интересах кого же Вы так поступали?

НИКОЛАЕВ: Конечно, материал ложного порядка, ясно, что не соответствующий действительности материал.

ПРЕДСЕД.: Так что Вам было безразлично - какой организации консул передаст этот материал?

НИКОЛАЕВ: Поскольку сама организация - бывшая оппозиционеры - возможно, из показаний обвиняемых это дело может выясниться, но у нас тогда не было твердых указаний и установок. Одно только, чтобы пойти под предлогом латвийского гражданина и потом перейти на политические разговоры о передаче материала и характере контр-революционной работы нашей организации.

ПРЕДСЕД.: Этот материал, который Вы хотели передать консулу, должно рисующий с политической стороны состояние Советского Союза, - Вам было безразлично кому он попадет, или Вы имели определенные намерения послать в определенные организации. В интересах какого-же класса, какого государства Вы хотели передать этот материал?

НИКОЛАЕВ: Я сказал Вам, что тогда мне не было дано указаний, не было дано твердого направления. Через содействие консула, через его аппарат мы должны были передать материал в какую нибудь организацию. Мы хотели ввести консула в курс дела, завоевать доверие и получить помощь.

ПРЕДСЕД.: В разговоре Вы упоминали о террористических задачах, которые стояли у Вас, или нет?

НИКОЛАЕВ: Нет, мы говорили о настроениях контр-революционного характера организации, что организация наша на все способна и ее путь — путь жестокой критики, жестокой борьбы с Советской властью, но о террористических актах разговора не было. Консул — консулом, но все же было подозрение, мы боялись, что можем попасться.

ПРЕДСЕД.: Основная цель Вашего разговора — получить деньги, или в первую очередь связаться с ТРОЦКИМ, или дать информацию?

НИКОЛАЕВ: За информацию мы думали получить деньги — это первое.

ПРЕДСЕД.: Связаться с зарубежными организациями, пользуясь аппаратом консульства, — хотели?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Для какой цели? Для того чтобы обеспечить себе поддержку за границей или для того чтобы связаться в работе?

НИКОЛАЕВ: Влияние на организации и связь с ТРОЦКИМ.

ПРЕДСЕД.: А связь для какой цели? Для получения информации или на получение установок?

НИКОЛАЕВ: Здесь, главным образом, — подрыв авторитета нынешнего руководства партии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Через буржуазную печать?

НИКОЛАЕВ: У нас о консульстве вопрос был решен в полторы декады, и больше мы не говорили. Октябрь месяц прошел уже на обсуждения планов, на слежки. После получения денег, мы решили произвести сигнал и потом уже продолжать связь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что такое за сигнал?

НИКОЛАЕВ: После террористического акта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам нужны были деньги для террористических целей?

НИКОЛАЕВ: Да, для поездки в Москву и поддержки самой организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какими знаками получили 5 тысяч рублей?

НИКОЛАЕВ: Червонцами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сам консул давал Вам деньги?

НИКОЛАЕВ: Нет, женщина - бухгалтер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы расписку давали?

НИКОЛАЕВ: Нет, я расписку не давал, но оформил, как будто бы за ремонт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: За ремонт чего?

НИКОЛАЕВ: Не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы расписки никакой не давали?

НИКОЛАЕВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какого числа это было?

НИКОЛАЕВ: Это было после воздушной тревоги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какая связь между воздушной тревогой?

НИКОЛАЕВ: Он настроен был против воздушной тревоги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разве Вы вели такой разговор?

НИКОЛАЕВ: Нет, такого разговора не было, но так я считал. Это было числа 26-го.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В сентябре?

8/2.

НИКОЛАЕВ: Да .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О всех Ваших разговорах Вы информировали подробно КОТОЛЬНОВА? И как он отнесся ко всем разговорам и к получению денег?

НИКОЛАЕВ: После первой встречи, когда мы с ним разговорились, то он предложил мне это дело осуществить числа 15-го сентября, а затем, когда я оформил это дело, то он его одобрил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда получили деньги?

НИКОЛАЕВ: Да, когда добился результатов и получил деньги. Мы ставили вопрос в дальнейшем, чтобы получить 50 тысяч, была попытка связаться с другими консульствами, но ничего не удалось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы пытались связаться с Германским и Английским консульствами?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По Вашим показаниям - Вы 4.500 руб. дали КОТОЛЬНОВУ, а остальные взяли себе.

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как КОТОЛЬНОВ использовал эти деньги?

НИКОЛАЕВ: Половина денег должна быть запрятана, а половина могла быть использована.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кроме КОТОЛЬНОВА, о Ваших переговорах с консулом, кто еще знал?

НИКОЛАЕВ: СОКОЛОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он откуда знал?

НИКОЛАЕВ: От меня. Я говорил о последнем событии, когда в нашей организации находились деньги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Еще кому?

НИКОЛАЕВ: Затем АНТОНОВУ, я шел, чтобы проверить членов нашей организации и они

ПРЕДСЕДАТ.: Что Вы АНТОНОВУ сказали?

НИКОЛАЕВ: То-же самое сказал, что я говорил сначала; я сказал, что веду усиленную подготовку. Вообще о связях, встрече с КОТОЛЫНОВЫМ, о переданных деньгах. Часть денег в октябре мес., мы говорили, что используем на свои нужды, среди участников организации.

ПРЕДСЕДАТ.: ШАТСКИЙ ничего не знает?

НИКОЛАЕВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как отнеслись к этому СОКОЛОВ и КОТОЛЫНОВ, одобрительно или безразлично?

НИКОЛАЕВ: Одобрительно.

ПРЕДСЕДАТ.: Как выразился КОТОЛЫНОВ, когда сказали, что получили всего 5 тысяч?

НИКОЛАЕВ: Он к чертикам послать хотел, что мало. Мы думали получить несколько десятков тысяч рублей.

ПРЕДСЕДАТ.: А с германским и английским консульствами ничего не вышло?

НИКОЛАЕВ: Ничего не вышло.

ПРЕДСЕДАТ.: В Ваших показаниях указано, что Вы, КОТОЛЫНОВ и ряд других лиц... Вы подтверждаете Ваши показания о распределении ролей членов этой группы?

НИКОЛАЕВ: Да, подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТ.: Откуда Вы имели оружие? У Вас был "Наган", а у остальных что было?

НИКОЛАЕВ: у КОТОЛЫНОВА тоже был револьвер. У меня было оружие, когда я был в Райкоме-комсомола и знал, что у всех есть оружие: у АНТОНОВА, НИКАНОРОВА; мы часто его осматривали, так как там был клуб и стреляли в потолок.

ПРЕДСЕДАТ: Вы знали, что оружие все имеют.

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТ: Вы знали, что патроны все имеют?

НИКОЛАЕВ: Да, и даже не по одному, а у некоторых по 2 шт. были.

ПРЕДСЕДАТ: Вы давали уже по этому поводу ряд подробных показаний, достаточно правдоподобных, может быть желаете чтонибудь добавить о подготовке террористического акта, как в отношении покойного тов. КИРОВА, так и других. Вы заявили, что хотите сказать на суде всю правду. Нам желательно выяснить все.

НИКОЛАЕВ: Да, я все сказал.

ПРЕДСЕДАТ: Из лиц, не привлеченных к процессу, есть лица, которые в курсе этого дела?

НИКОЛАЕВ: Да, есть. Я хочу добавить в отношении КОТОЛЫНОВА; на очной ставке КОТОЛЫНОВ и ШАТСКИЙ отрицали санкцию на убийство тов. КИРОВА. В беседе со мной он говорил, что я должен пойти на самопожертвование, убить т. КИРОВА и себя,

... я знал его, как моего начальника по работе и принадлежности к оппозиционной работе; понимал, когда он мне в строгой форме сказал, что "никаких признаний я на себя брать не буду.."

ПРЕДСЕД.: Это КОТОЛЬНОВ сказал?

НИКОЛАЕВ: Да. В дальнейшем он, как мне известно из показаний, как будто ответственность принял на себя. И вот сейчас я желаю разоблачить полностью организацию эту. На следствии я вел себя долгое время так, что якобы я этот акт совершил единолично. Теперь я указал на те документы, которые возможно еще сохранились.

Я забыл Ваш вопрос - последний?

ПРЕДСЕД.: Знаете ли Вы какихнибудь лиц, которые не являются подсудимыми, но которые знали о подготовке террористического акта?

НИКОЛАЕВ: КУЛИШЕР мною указан, ЕРМОЛАЕВА мною указана, ПОПОВ мною был указан; это по линии руководства "Комсомольского Боевого Землячества", это по другой линии.

ПРЕДСЕД.: В какой мере ПОПОВ был осведомлен?

НИКОЛАЕВ: С ПОПОВЫМ я был связан до этого террористического акта.

ПРЕДСЕД.: Еще ни-кого не можете назвать?

НИКОЛАЕВ: Нет, за неимением полной информации и ввиду строгой конспирации. Работа настолько была конспиративна, что я мог встречаться с КОТОЛЬНОВЫМ, с ШАТСКИМ и т.д. - и только, но других связей я уже не устанавливал. КОТОЛЬНОВ, ШАТСКИЙ мне также указали авторитетную кандидатуру - РУМЯНЦЕВА и его связи и ХАНИКА, СОСИЦКОГО и их связи.

Я помню как в 1934 году еще, в Истпарте в огромном зале собралось около 30-ти бывших старых комсомольских работников и партизан, под руководством ХАНИКА и ПОПОВА... Добавить еще когонибудь я не могу, и выходит, что здесь некоторая малень-

кая группа вершила таким делом; если же взять сфотографировать, то это представляет огромную организацию.

И в этот вечер под руководством самых заядлых оппозиционеров, которые сейчас объединяют бывших старых комсомольских работников и партизан, еще по линии партизанов в Доме Красной Армии... Отсюда видно, что влияние, большое влияние бывших оппозиционеров - не только КОТОЛЬНОВА в стенах Института, но и Льва ХАНИКА... Знал я также РУМЯНЦЕВА, ТОЛМАЗОВА, АЛЕКСАНДРОВА, так что я чувствовал, вернее я думал, что здесь будет осведомлена вся организация, но не только КОТОЛЬНОВ, АНТОНОВ и СОКОЛОВ.

ПРЕДСЕД.: О террористических настроениях РУМЯНЦЕВА знали?

НИКОЛАЕВ: Я опасался с ним встречи после того как боялся ему помешать. Раза два видел у КОТОЛЬНОВА, затем у, но он был в таком одушевленном состоянии, что я боялся передать наши встречи с ШАТСКИМ, зная, что в последнее время он там приобрел огромный авторитет.

ПРЕДСЕД.: Где "там"?

НИКОЛАЕВ: В Выборгском Районном Совете.

ПРЕДСЕД.: Но ведь он тоже был враждебно настроен?

НИКОЛАЕВ: Да, ШАТСКИЙ мне передавал.

Когда я с ним встретился зимой в феврале, мы говорили о КОТОЛЬНОВЕ и других лицах и тогда он уже указал прямо на то, что надо установить как можно быстрее связи и влезть в партию.

ПРЕДСЕД.: В Ваших показаниях от 13 декабря Вы говорите, что РУМЯНЦЕВ в частности, тоже принадлежал к группе ШАТСКОГО. Одна группа - КОТОЛЬНОВ, НИКАНОРОВ, ЗВЕЗДОВ и пр., а вторая - ШАТСКИЙ, РУМЯНЦЕВ, ПОПОВ и пр.. Расскажите об этих группах?

9/3

НИКОЛАЕВ: Я знаю из встреч и переговоров с ШАТСКИМ и КОТОЛЫНОВЫМ, что эти две группы одинаково сначала вели слежку за КИРОВЫМ, и по своей возможности и силе, какая либо должна была совершить террористический акт, но в свое время подготовить и вторую группу на СТАЛИНА.

Договоренность была полная. Когда производили слежку за КИРОВЫМ, ЧУДОВЫМ (здесь не коснулись того момента - как я встал на этот путь) уже эти группы существовали. Это было в августе, я проезжал на велосипеде, ШАТСКИЙ меня остановил, информировал о возможной встрече с ЧУДОВЫМ и КИРОВЫМ. В определенное время проезжал ЧУДОВ. Здесь он также говорил о ЧУДОВЕ, что это не подходящая кандидатура для совершения над ним террористического акта, и что он (ШАТСКИЙ) ведет наблюдение за квартирой КИРОВА, и что надо совершить террористический акт над СТАЛИНЫМ. Он здесь указал, что надо выработать план, организовать группу и сослался - почему у него такие настроения: что СТАЛИН заявил на 17-м съезде, что оппозиционеров надо отстранить от работы, вообще отстранить подалеже. Выразил недовольство по адресу СТАЛИНА и сделал такое определенное заявление. Когда я ему высказал свои антипартийные взгляды, а они у меня были от старого знакомства с оппозицией и в тот момент я особенно переживал свое несогласие с партией - в момент исключения. И я дал согласие. Настроения уже были террористические у него и я дал согласие принять участие. Он мне предложил связаться с КОТОЛЫНОВЫМ Ваней.

ПРЕДСЕД.: Значит ШАТСКИЙ свел Вас с КОТОЛЫНОВЫМ?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Руководила фактически работой подготовки террористического акта над КИРОВЫМ группа КОТОЛЫНОВА или ШАТСКОГО?

10/1.

НИКОЛАЕВ: ШАТСКИЙ теперь беспартийный, он входил в организацию бывших оппозиционеров, ему было поручено руководство для совершения террористического акта над т.КИРОВЫМ, и в его группе, лежало руководство на нем; а по линии КОТОЛЫНОВА - руководство лежало на КОТОЛЫНОВЕ и группу вел КОТОЛЫНОВ, поскольку он знал о подготовке и слежке ШАТСКОГО, откуда, КОТОЛЫНОВ при встрече предложил мне также, вступить в эту группу.

ПРЕДСЕДАТ: КОТОЛЫНОВ входил в ленинградский центр?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТ: А ШАТСКИЙ, как руководитель, тоже связанный, входил в ленинградский центр?

НИКОЛАЕВ: Да, он входил в организацию.

ПРЕДСЕДАТ: А общее руководство группой, как ленинградского центра, в чьих было руках - КОТОЛЫНОВА или ШАТСКОГО?

НИКОЛАЕВ: Общее руководство было в руках ленинградского центра. КОТОЛЫНОВ ссылался мне на авторитет, в одной из бесед, что наш ленинградский центр и наша группа, имеет связь с ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ.

ПРЕДСЕДАТ: С московской группой?

НИКОЛАЕВ: Да, откуда мы имели план восстановить связь с Москвой.

ПРЕДСЕДАТ: В ленинградский центр - кто персонально входил?

НИКОЛАЕВ: Я знаю эту группу террористическую, что она входила.

ПРЕДСЕДАТ: Нет, кто персонально?

НИКОЛАЕВ: КОТОЛЫНОВ, РУМЯНЦЕВ, ТОЛМАЗОВ.

ПРЕДСЕДАТ: ЛЕВИН входил?

НИКОЛАЕВ: Да, ЛЕВИН и СОСИЦКИЙ.

ПРЕДСЕДАТ: ленинградский центр был связан с каким центром?

НИКОЛАЕВ: С московским центром, у нас велась сильная подготовка к

10/2.

и тому, чтобы во что бы то ни стало, зимой форсировать отъезд меня, КОТОЛЫНОВА и КСКИНА в Москву, но поскольку, у нас был план покушения на КИРОВА, в ноябре месяце составлено письмо в ЦК, мы решили и здесь уже санкционировали совершение террористического акта в Ленинграде, так как в Москве потребуется больше связей, наступал декабрь месяц, что потребуется больше времени на слежку и т.д., и этот вопрос был оставлен открытым.

ПРЕДСЕДАТ: МАНДЕЛЬШТАМ входил в центр?

НИКОЛАЕВ: Я со всей группой центра связи не имел, не мог установить этого.

ПРЕДСЕДАТ: Когда обсуждался план в отношении террористического акта над т.КИРОВЫМ, то не было ли у Вас плана к побегу за границу?

НИКОЛАЕВ: На следствии этот момент, как будто, упустили, но при первом варианте обсуждения совершения террористического акта, на одном из углов Петроградской стороны, имеется большое удобство - кусты и площадь. У нас безусловно была мысль о том, чтобы выстрелить и спрятаться в кусты и дальше дать ход делу. Потом было так решено, что все-равно следы будут найдены и еще более...

ПРЕДСЕДАТ: Конкретно о побеге за границу говорили?

НИКОЛАЕВ: О побеге за границу нет, но о скрывании преступления говорили. Обсуждали о средствах связи с заграницей.

ПРЕДСЕДАТ: Вы получили деньги, которые, собственно говоря, должны были быть использованы на террористические цели, как на покупку билетов, а еще на что?

НИКОЛАЕВ: На распространение литературы, приобретения документов; готовились на писать статью, распространить прокламацию, на техническую связь среди оппозиционеров.

10/3.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У Вас типографии не было?

НИКОЛАЕВ: Нет, но нужно было печатать, потом пришлось бы не раз съездить в Москву, для чего потребовались бы денежные средства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Об оружии Вы не беспокоились? Жж

НИКОЛАЕВ: Нет, оружие у нас было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У всех?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЪЯВЛЯЕТ ПЕРЕРЫВ НА 10 МИНУТ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Заседание продолжается.

Подсудимый АНТОНОВ /АНТОНОВ встает/, признаете Вы себя виновным в пред"явленном Вам обвинении?

АНТОНОВ: Да, я признаю себя виновным в том, что состоял в контр-революционной организации зиновьевцев, которая, в своем крайнем озлоблении, скатилась к фашистским методам борьбы. Я себя признаю виновным в том, что принимал участие в тех контр-революционных разговорах, которые велись среди членов нашей организации о смене руководства партии и о стремлении привлечь к руководству ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА.

Я дальше признаю себя виновным в том, что я был связан с членом контр-революционного центра - КОГОЛЬНЫМ, который меня информировал о чрезвычайно озлобленных террористических настроениях НИКОЛАЕВА, который информировал меня о составе ленинградского и московского центров, который дальше мне рассказывал о готовящемся решительном выступлении зиновьевцев против руководства партии. И этим самым, я готов нести ответственность, и политическую и физическую, за убийство КИРОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как понимать слова "решительное выступление против руководителей партии"?

АНТОНОВ: Совершенно очевидно, что надо подразумевать террористические выступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам было известно, что НИКОЛАЕВ готов совершить террористический акт в отношении КИРОВА?

АНТОНОВ: Я уже сказал: я знал о террористических намерениях НИКОЛАЕВА, но практически о подготовке - об этом я не имел сведений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы об этом знали, что Ваша группа готовит террористическое выступление?

АНТОНОВ: От КОТОЛЬНОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разговоры у Вас на эту тему часто были?

АНТОНОВ: Этот разговор был в конце октября нынешнего года в стенах Института.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он сам Вам сказал, или Вы завели разговор на подобную тему?

АНТОНОВ: Он сам сказал. Тут был еще один разговор: Он говорил о том, что надо оберегаться НАДЕЛЯ и СЕВЕРОВА, которые раньше принадлежали к зиновьевской оппозиции и которые, по его мнению, связаны были с ОГПУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда Вы узнали, что Ваша группа готовит террористические выступления против отдельных руководителей партии, — как Вы лично отнеслись: одобрительно или отрицательно?

АНТОНОВ: Я принципиально против террористических выступлений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но фактически — за?

АНТОНОВ: Но фактически, поскольку я никаких мер не принял, я должен нести ответственность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы об этом другим сказали?

АНТОНОВ: Я сказал ЗВЕЗДОВУ об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С НИКОЛАЕВЫМ Вы лично часто виделись?

АНТОНОВ: Последний раз встретился в 1932 году и до этого встречался в 1922-23 г.г., когда он работал в Выборгском райкоме комсомола Управделами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит, о подготовке террористического акта в отношении т.КИРОВА Вы узнали от КОТОЛЬНОВА, не от НИКОЛАЕВА?

АНТОНОВ: Нет, нет. Я с НИКОЛАЕВЫМ не виделся. Узнал от КОТОЛЬНОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Следовательно, взаимоотношения у Вас были вполне доверительные?

АНТОНОВ: Да, да, конечно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Чем Вы доказали КОТОЛЬНОВУ, что Вы не выдадите КОТОЛЬНОВА, не расскажете об этом?

АНТОНОВ: Дело в том, что я принадлежал в свое время к зиновьевской оппозиции. КОТОЛЬНОВ об этом знал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С какого же времени, бывшие зиновьевцы организационно стали готовить террористические акты против отдельных руководителей партии?

АНТОНОВ: Я узнал об этом в ноябре месяце.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы удивились?

АНТОНОВ: Я лично считал, что до такой степени не скатится наша организация.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И вот, скатилась.

АНТОНОВ: Да, вот

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто входил в ленинградский центр Вашей организации?

АНТОНОВ: Я знал о трех лицах, о которых говорил КОТОЛЬНОВ.

Это он, РУМЯНЦЕВ и я назвал еще ЦАРЬКОВА, но, повидимому я ошибся и должен был назвать ШАТСКОГО.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С ШАТСКИМ у Вас были какие-нибудь разговоры на террористические темы?

АНТОНОВ: Нет. Я его давно не встречал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Садитесь.

Подсудимый ЗВЕЗДОВ /ЗВЕЗДОВ встает/, Вы признаете себя виновным?

ЗВЕЗДОВ: Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда Вы впервые узнали о том, что эта группа, в которую Вы входили готовит террористические акты против отдельных руководителей ЦК партии и нашего Правительства?

ЗВЕЗДОВ: Я узнал об этом 4-го ноября в Институте. В библиотеке я встретился с НИКОЛАЕВЫМ, он мне передал. Правда, не в такой форме, что террористический акт...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А в какой же форме?

ЗВЕЗДОВ: А в такой, что подготавливается решительное выступление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое выступление - словесное?

ЗВЕЗДОВ: Он мне обещал рассказать подробнее в следующий раз, мотивируя тем, что он сам хорошо не знает, но надо полагать, что речь шла именно о подготовке террористического акта.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Еще от кого Вы слышали о подготовке террористического акта?

ЗВЕЗДОВ: Больше не от кого не слышал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваши показания, данные раньше, подтверждаете?

ЗВЕЗДОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто входил в ленинградский центр Вашей организации?

ЗВЕЗДОВ: В ленинградский центр входили - РУМЯНЦЕВ, КОТОЛЬНОВ, НИКОЛАЕВ...

ПРЕДСЕДАТ: ТОЛМАЗОВ входил или нет?

ЗВЕЗДОВ: Называл он там ТОЛМАЗОВА и еще ЦАРЬКОВА.

ПРЕДСЕДАТ: Вы действительно были сторонником устранения СТАЛИНА, КАГАНОВИЧА, КИРОВА, в какой форме Вы это себе представляли?

ЗВЕЗДОВ: Да, говорили это с момента открытия оппозиции о том, что необходимо отстранить от руководства СТАЛИНА, КАГАНОВИЧА, КИРОВА и этот вопрос усиленно обсуждался.

ПРЕДСЕДАТ: В какой форме Вы полагали отстранение от руководства?

ЗВЕЗДОВ: В форме того, что найдутся способы и сила у лидеров оппозиции, которые путем использования какого-нибудь материала, сумеют добиться того, чтобы...

ПРЕДСЕДАТ: Чего добиться?

ЗВЕЗДОВ: Добиться устранения из состава руководства. Я хочу рассказать, как мыслю, - первое время, в процессе внутрипартийной демократии...

ПРЕДСЕДАТ: Я говорю о периоде 1934 г., когда у Вас у всех были револьверы в карманах, Вы скажите, как наметили устранение руководства партии?

ЗВЕЗДОВ: Я считаю, что устранение могло быть таким образом, именно опорой на внутрипартийное пробуждение, на организацию внутрипартийных сил.

ПРЕДСЕДАТ: В какой форме думали выступать, в вооруженной или думали, что соберете свою организацию и будете голосовать, что такой-то член Политбюро должен уйти?

ЗВЕЗДОВ: Те сведения, которые передал АНТОНОВ, говорят о том, что в Москву вернулись основные лидеры, что эти лидеры имеют возможность восстановиться в своих правах.

ПРЕДСЕДАТ: Каким путем?

ЗВЕЗДОВ: Чтобы организовать мнение общественное и партийное о непригодности этих руководителей партии.

ПРЕДСЕДАТ: Вы считали, что большинство членов партии, поддерживает ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА?

ЗВЕЗДОВ: Что нужно создать так.

ПРЕДСЕДАТ: От кого Вы и где услышали, что готовится выступление такого характера в отношении нашего правительства и ЦК?

ЗВЕЗДОВ: Я имел разговор с АНТОНОВЫМ.

ПРЕДСЕДАТ: АНТОНОВ ссылался еще на какие нибудь фамилии?

ЗВЕЗДОВ: На КОТОЛЫНОВА.

ПРЕДСЕДАТ: Как Вы отнеслись к этому разговору?

ЗВЕЗДОВ: Я отнесся таким образом, что, собственно, точно и не знал в какой форме, но оно совпадало с моим настроением. Мои настроения не так враждебны партии... так что особенно...

ПРЕДСЕДАТ: Вы считали естественным, что в Вашей группе появилась подготовка к активному выступлению?

ЗВЕЗДОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТ: Что за активное выступление, в какой форме?

ЗВЕЗДОВ: В период XV-го съезда комсомола, наша группа имела своей задачей активное выступление, чтобы захватить в свои руки комиссию по организации XV-ти летнего юбилея, таким образом, суметь создать авторитет в глазах молодежи; лидерам нашей молодежной организации это удалось сделать, что в состав комиссии губернской и ряда районных организаций, вошли наши активные работники. Вот пример такого рода выступления, когда опять упирались на материалы, готово-ли сейчас выступление, но мне не удалось это точно выяснить. Мне АНТОНОВ обещал подробно рассказать, как это дело обстояло, - но не удалось.

12/3.

ПРЕДСЕДАТ: Кого Вы еще знаете из бывших единомышленников, которые были с террористическим настроением?

ЗВЕЗДОВ: Террористические настроения, как и настроения такого резкого озлобления, питались очень у многих. Я видел НИКОЛАЕВА в 1934 году весной и, судя по тем настроениям, которые тогда питались, можно было, при большей тщательности, судить о том, что он способен на совершение преступления, но больше я с ним не встречался и не беседовал.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый АНТОНОВ, Вы давно со ЗВЕЗДОВЫМ в хороших отношениях?

АНТОНОВ: Да, давно, с 1922-23 г.

ПРЕДСЕДАТ: А политические единомышленники все время?

ЗВЕЗДОВ: Да.

МАТУЛЕВИЧ: Вы с НИКОЛАЕВЫМ встречались?

ЗВЕЗДОВ: Да, когда он работал инструктором Истпарте, а я в это время учился.

МАТУЛЕВИЧ: Разговор был у Вас?

ЗВЕЗДОВ: Да, но на политические темы не был, мы этих тем касались в связи с тем положением, которое он переживал.

МАТУЛЕВИЧ: Что Вам сообщал АНТОНОВ?

ЗВЕЗДОВ: Он мне сообщил, что КОТОЛЬНОВ готовит решительное выступление против руководства партии, в частности, против тов. КИРОВА.

МАТУЛЕВИЧ: Как Вы это поняли, что КОТОЛЬНОВ готовится к решительному выступлению против партии, в частности против тов. КИРОВА?

ЗВЕЗДОВ: Я понял, что это будет, очевидно, клевета, которая будет выставлена со стороны нашей организации.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы АНТОНОВА не спрашивали в чем это дело?

ЗВЕЗДОВ: Он сказал, что сообщит мне дополнительно.

т. МАТУЛЕВИЧ: А от кого узнает?

ЗВЕЗДОВ: От КОТОЛЬНОВА. Я не понял и не оценил.

т. МАТУЛЕВИЧ: Не подумали, что это террористический акт?

ЗВЕЗДОВ: Я интересовался, в чем сущность.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы о террористическом акте не думали?

ЗВЕЗДОВ: Нет, мне мысль такая не приходила в голову.

т. МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый АНТОНОВ - правильно, так было?

АНТОНОВ: Да, это было так.

т.МАТУЛЕВИЧ: Из Ваших слов, которые Вы передали ЗВЕЗДОВУ, он должен был понять, что идет разговор о террористическом акте?

АНТОНОВ: Видите, я сам это недостаточно оценил.

т.МАТУЛЕВИЧ: Но Вы-то сами понимали, что КОТОЛЬНОВ говорил о террористическом акте?

АНТОНОВ: Тоже недостаточно. Я не думал, что наша организация докажется до такого дела. Но из этого разговора можно было понять, что речь идет о террористическом акте.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы понимали это, но суду не хотите сказать. Иначе нельзя было это понять.

АНТОНОВ: Мне КОТОЛЬНОВ имен не называл, он говорил, что готовится решительное выступление против руководителей партии со стороны нашей организации.

т.МАТУЛЕВИЧ: НИКОЛАЕВ был упомянут?

АНТОНОВ: Нет. НИКОЛАЕВА он упоминал в другом разговоре в тот-же день.

т.МАТУЛЕВИЧ: И в тот-же день КОТОЛЬНОВ говорил, что НИКОЛАЕВ террористически настроен?

АНТОНОВ: Совершенно верно. Отсюда надо было увязать, что НИКОЛАЕВ готовится к террористическому акту.

т.МАТУЛЕВИЧ: Это для Вас было тогда совершенно ясно и, повидимому ЗВЕЗДОВ знал. Садитесь, пожалуйста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какая связь между Ленинградским центром и Московским; в чем эта связь заключалась и персонально кто ее поддерживал?

ЗВЕЗДОВ: Здесь связь была для того чтобы информироваться о состоянии дел в московском центре и кроме того все время происходила информация о мероприятиях...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Каких мероприятий?

ЗВЕЗДОВ: Всех мероприятий, которые имели обсуждения со стороны контр-революционной группы. Эти мероприятия, по моему, шли из Москвы, из центра. В составе центра указывались такие фамилии -

ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, БАКАЕВ, ЕВДОКИМОВ, НИКОЛАЕВ и еще...
сейчас... еще одна фамилия...

ПРЕДСЕД.: Тоже поддерживал связь с Московским центром?

ЗВЕЗДОВ: Из работников нашего центра.

ПРЕДСЕД.: Кто-же?

ЗВЕЗДОВ: Нам передавали через КОТОЛЬНОВА. В частности я лично знал все это от АНТОНОВА.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ЗВЕЗДОВ, Вы признали себя виновным после окончания предварительного следствия и сегодня. Обвинение сформулировано было следующим образом, в отношении Вас - ЗВЕЗДОВА: "ЗВЕЗДОВ изобличается в том, что..." (читает). Сегодня на судебном следствии Вы это тоже подтвердили...

ЗВЕЗДОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Никто Вас не обвиняет в том, что Вы лично из Вашего револьвера стреляли. Обвинение сформулировано достаточно ясно.

ЗВЕЗДОВ: Я подтверждаю еще раз.

ПРЕДСЕД.: Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый ЮСКИН (Юскин встает), Вы признаете себя виновным в пред"явленном Вам обвинении?

ЮСКИН: Да, в этом преступлении есть доля моей вины.

ПРЕДСЕД.: Какая доля?

ЮСКИН: В обвинительном заключении указано, о якобы моем участии в деятельности анти-партийной группы. Я никогда не участвовал ни в каких антипартийных группировках и им не сочувствовал.

Второе - я совершенно не знал политического лица НИКОЛАЕВА, и тем более я не знал, что он входит в одну из этих групп.

В чем я признаю себя виновным? В том, что в 2-х последних встречах с НИКОЛАЕВЫМ, когда НИКОЛАЕВ мне жаловался на несправедливое отношение к нему: его отправляли в деревню, не предоставляли ему отпуска, путевки в санаторий, — здесь я ему посочувствовал, вместо того чтобы как настоящий член партии разбить эти его настроения. Также сочувствовал ему и в следующую встречу, также по этому поводу и этому же вопросу. Значит, я считаю, что в этом сочувствии НИКОЛАЕВУ — нуждался он в нем или не нуждался — все равно, — но это сочувствие являлось антипартийным, антисоветским.

ПРЕДСЕД.: А когда НИКОЛАЕВ говорил, что он готовит террористический акт, то кому Вы сочувствовали — НИКОЛАЕВУ или КИРОВУ?

ЮСКИН: ... и второе — я признаю себя виновным в том, что когда он сказал, что собирается ехать в Москву по своему делу, — я предложил ему не ехать в Москву, а обратиться к Сергею Мироновичу КИРОВУ. Он сказал, что "КИРОВ меня не принимает, — я этого добиваюсь в течение целого месяца — словно чувствует, что я его убью".

Я себя признаю виновным в том, что я, как член партии не обратил внимания на эту фразу и тоже, отделавшись фразочками антипартийного характера, и забыв через час об этом разговоре, тем самым допустил выполнение этого злодейского преступления.

ПРЕДСЕД.: На следствии 10-го декабря, Вам был задан вопрос — что Вы, в ответ на заявление НИКОЛАЕВА о террористическом акте над КИРОВЫМ, ответили: "что КИРОВ — надо СТАЛИНА". Подтверждаете Вы это?

ЮСКИН: Да, я это подтверждаю. Когда он сказал, что меня не принимает Сергей Миронович, словно чувствует, что я его убью, — то я это принял за такую обвинительскую бряхню, на которую снизошла такая персона (ведь он крупным работником был), и в таком же тоне я ему ответил с насмешкой: "что КИРОВА — надо СТАЛИНА", а потом добавил, что он говорит глупости, что он недостоем звания члена партии, кажется поругал и сказал, что партия не учит индивидуальному террору, даже по отношению к нашим врагам. Этот разговорчик действительно велся. Просто нелепость.

ПРЕДСЕД.: Какая нелепость? Один член партии говорит другому, что "я хочу убить члена Полит.Бюро КИРОВА", а другой говорит "что КИРОВ — лучше СТАЛИНА".

ЮСКИН: Совершенно верно. Но я никогда не мог представить, что человек, работающий бок о бок с Сергеем Мироновичем КИРОВЫМ ... ведь я считал НИКОЛАЕВА хорошим членом партии, крупным работником и не мог допустить мысли, что это было сказано серьезно.

ПРЕДСЕД.: Вам был задан вопрос — Прорабатывали-ли Вы вместе с НИКОЛАЕВЫМ вариант убийства тов.КИРОВА в Смольном, — Вы ответили: "Да, мне было известно о подготовке убийства в Смольном".

ЕТ-ПД.

14/1.

ЮСКИН: Я не мог не обратить иначе, первый раз мне НИКОЛАЕВ заявил, что его не принимает КИРОВ, "словно чувствуя, что я его убью". Я знал, что КИРОВ принимает только в Смольном, а отсюда - убийство должно произойти в Смольном.

ПРЕДСЕДАТ: В показаниях от 19 декабря Вы признали себя виновным, что Вам было известно со слов НИКОЛАЕВА, что он готовится к убийству т.КИРОВА.

ЮСКИН: Я и являлся соучастником убийства т.КИРОВА потому, что как бывший большевик, не мог не раз"яснить тогда так, как это расцениваю я сейчас. Благодаря следствию, теперь надо понимать, как это было, и я пришел к убеждению, что если бы я был бдительным членом партии, то этого бы не произошло, а эта неуместная фраза поставила меня в эти события.

ПРЕДСЕДАТ: 20-го декабря с Ваших слов было записано, что: "считаю себя виновным, что знал о готовящемся террористическом акте против тов.КИРОВА, скрыл это и стал участником этого мерзкого преступления". Подтверждаете Вы это?

ЮСКИН: Я не могу сказать, что я знал о террористическом акте.

ПРЕДСЕДАТ: Предполагали о террористическом акте?

ЮСКИН: Нет, не предполагал, и никогда не мог представить, что НИКОЛАЕВ позволит это сделать.

ПРЕДСЕДАТ: Я оглашу показание, которое Вы давали на допросе у прокурора СССР - АКУЛОВА и Зам.прокурора ВЫШИНСКОГО: "считаю себя виновным в том, что знал о готовящемся террористическом акте против т.КИРОВА, скрыл это и стал участником"... Это показание не отличается от того, что Вы подтверждали.

Ю С К И Н: Я еще раз подчеркиваю, что в тот момент, фразу, сказанную НИКОЛАЕВЫМ, не мог понять, я не мог никак придти к убеждению или к выводу, что он действительно способен и готовит террористический акт, ибо в моих глазах он был не плохим членом партии.

ПРЕДСЕДАТ: Если Вы не отрицали и высказали свои антисоветские настроения, как понять то доверие, что он Вам высказал?

Ю С К И Н: Я сочувствовал его состоянию здоровья, и посылке его в деревню. Я расцениваю свое сочувствие, как разговор, конечно, как антисоветский.

ПРЕДСЕДАТ: На очной ставке от 19/ХП- на вопрос: что Вам было известно о НИКОЛАЕВЕ, о подготовке убийства т.КИРОВА в октябре 1934 г., - отвечаете, что "меня НИКОЛАЕВ посвятил на квартире о том, что он готовится к убийству КИРОВА."

Ю С К И Н: Нет, НИКОЛАЕВ сказал, что "меня не принимает КИРОВ, словно чувствуя, что я его убью".

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый НИКОЛАЕВ, скажите - в какой форме Вы рассказали ЮСКИНУ о подготовке Вами террористического акта в отношении т.КИРОВА?

НИКОЛАЕВ: С сентября месяца, на протяжении последних месяцев и ноября, у меня было несколько встреч. После встречи с КОТОЛЫНОВЫМ, после проработки плана и слежки, я пришел к ЮСКИНУ, уже с полным планом совершения террористического акта над т.КИРОВЫМ, и с продолжением своих террористических планов в отношении т.СТАЛИНА. Я рассказал о составе группы и о предстоящем покушении ЮСКИНУ с тем, чтобы он оказал помощь группе. Он впоследствии мне сказал, что по нашему плану, по всей слежке можно убить КИРОВА в Смольном, но не утром, а вечером. Он сам неоднократно бывал в Смольном,

также знает хорошо Смольный, именно, говорил об этом варианте покушения, говоря, что "здесь я работал и акт этот, якобы, террористический, будет носить характер единоличного порядка. Я ему рассказал о плане этого варианта, это у квартиры на Каменостровском и он одобрил. Дальше, когда уже принял участие и знал настроения террористической группы, он первый предложил мне действительно в такой форме что "не КИРОВА, а лучше СТАЛИНА". Он выразил свои услуги, что мы можем поехать вместе с ним в Москву и предложил связаться с ЕРМОЛАЕВОЙ, резко настроенной против КИРОВА.

ЕРМОЛАЕВА в группе Промышленной Академии, и на КИРОВА смотрит с недоверием, что у нее большие связи в Москве и предложил мне обратиться к ней, дав телефон и сказал, чтобы сейчас-же позвонил. Я не звонил к ней сейчас-же, но потом у меня был разговор в другие дни по телефону. Кроме того, он мне посоветовал, что ЕРМОЛАЕВА знает многое о КИРОВА и связана какими-то родственными отношениями с ним. Мне с ЕРМОЛАЕВОЙ встретиться не пришлось, чтобы проверить, т.к. после нашей встречи ЮСКИН уже встречался с ЕРМОЛАЕВОЙ и просил оказать помощь, именно для поездки в Москву, для оказания материальной помощи мне. Знает он ЕРМОЛАЕВУ немного позже, я знаю раньше. Остальные знают по работе в Выборгском Райкоме комсомола.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый НИКОЛАЕВ, как отнесся ЮСКИН, когда он услышал первый раз о террористическом акте?

НИКОЛАЕВ: Одобрительно. Я с ним беседовал смело, также, как он меня характеризует с положительной стороны. Я подошел в тот момент с планом организации, о намерении совершить террористический акт, с такой-же смелостью, как это было с его стороны в 1928-29 г., в то время, как он не знал моего скрытого участия в оппозиции.

Когда он излагал свои антипартийные взгляды, в то, время, когда он не знал моего скрытого участия в оппозиции, в то время он еще при встрече излагал свои оппозиционные антипартийные взгляды, недовольство к руководству и утверждал, что надо добиваться путем насильственного устранения главных противников оппозиции...

ПРЕДСЕД.: Насильственного отстранения — ЮСКИН говорил?

НИКОЛАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Что Вы, ЮСКИН, скажите?

ЮСКИН: Я затрудняюсь — что сказать. Я с НИКОЛАЕВЫМ с года не разговаривал. Мы стали здороваться с НИКОЛАЕВЫМ с момента установки телефона. Я стал спрашивать о здоровье супруга и "как поживаете". Но уже после сплетни о ЕРМОЛАЕВОЙ я сам стал искать встреч с Ним, потому что, как член парткома Промышленной Академии, я не мог пропустить даже сплетни и считал необходимым добиться письменного заявления. Он мне сказал, что ЕРМОЛАЕВА...

ПРЕДСЕД.: О чем сплетня?

ЮСКИН: Он пришел как то звонить по телефону и сказал: "у Вас есть ЕРМОЛАЕВА"? Есть. "Я ее знаю с 1922 года. Между прочим, как она вела себя на чистке"? Я сказал, что она во время чистки заболела и это кажется странным. Он говорит, что "это не странно, потому что она духовного происхождения и занимается хиромантией". Я просил его подтвердить это письменно, но он сказал, что письменно не подтвердит. Я считал необходимым добиться от него письменного заявления.

ПРЕДСЕД.: А в отношении заявления НИКОЛАЕВА о том, что он готовит

15/2

террористический акт над КИРОВЫМ - на это не надо было письменного заявления, этого не надо было проверить.

ЮСКИН: Нет, он так не говорил.

ПРЕДСЕД.: Но Вы же не отрицаете того, что слышали от НИКОЛАЕВА о том, что он хочет убить КИРОВА. Об этом Вы не считали нужным брать заявления?

ЮСКИН: Я никак не мог представить, что НИКОЛАЕВ это может говорить серьезно.

ПРЕДСЕД.: Вы думаете, что Ваши показания производят впечатление искренних показаний?

ЮСКИН: Да, это искренняя правда.

ПРЕДСЕД.: Когда он говорил, что ЕРМОЛАЕВА занимается хиромантией, на это Вы обратили внимание, а когда он говорит, что готов убить КИРОВА, на это Вы не обратили внимания...

ЮСКИН: В этом моя вина.

НИКОЛАЕВ: Позвольте, я об"ясню.

ПРЕДСЕД.: Пожалуйста.

НИКОЛАЕВ: В самый момент разгрома оппозиционного блока (1929 год) надо вспомнить, тов. ЮСКИН, мы сидели на кожанном диване и беседовали; ты мне прямо поставил вопрос - "к чему ведет политика партии"... А насчет ЕРМОЛАЕВОЙ, конечно, я ее характеризовал с той целью, сказал, когда он мне о настроении сказал, чтобы нам ее использовать.

ПРЕДСЕД.: Что Вы скажете в ответ на эти показания НИКОЛАЕВА. Вы слышали?

ЮСКИН: Я ничего добавить к тому, что сказал не могу. Я с НИКОЛАЕВЫМ никогда не вел политических разговоров, и отсюда не знал его политического лица. То что мне было известно, т.е. этот раз-

говор с НИКОЛАЕВЫМ, который я принял не серьезно, я целиком рассказал. И ни о каких группах не знал.

ПРЕДСЕД.: Вы же не отрицаете, что неоднократно высказывали НИКОЛАЕВУ свои антисоветские настроения?

ЮСКИН: Я считаю антисоветскими те настроения, которые проявил посочувствовав ему, сказав, что его несправедливо направляют, а направлять его могли, конечно, только партийные органы.

НИКОЛАЕВ: Позвольте мне.

В отношении этой темы разговора, о том, что я добиваюсь встречи с КИРОВЫМ, к сожалению, это было не в Комитете. Я записался у СВЕШНИКОВА на прием^И, все-же, имея ввиду задание и санкцию убить КИРОВА, но не решался идти в Комитет убивать, потому что это будет более гнусно. И эти показания понял ЮСКИН, когда сказал, что КИРОВА — надо СТАЛИНА.

А в отношении путевки так обстояло: у меня был прекрасный документ из Наркомздрава, так что идти к КИРОВУ за путевкой мне не зачем было. Это был только предлог — использовать момент для приема. У нас с КОТОЛЬНОВЫМ было твердое решение 4-го ноября: убить КИРОВА в праздничные дни. Это вызвало бы возмущение особое и смазало бы праздники. Но я на это дело не решился. А ЮСКИНУ сказал, что добиваюсь убить КИРОВА.

ЮСКИН: Можно ответить?

ПРЕДСЕД.: Пожалуйста.

ЮСКИН: Конечно, и было бы смешно: я, конечно, не мальчик думать, что НИКОЛАЕВ пойдет к Сергею Мироновичу говорить о путевке. Я предполагал, что он пойдет говорить о холодном, безчувственном отношении к нему со стороны организаций, на которые он жаловался. Причем, он мне показывал личную записку тов. К.... в Совз, с просьбой оказать содействие...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое отношение имеют все эти записки, когда Вы не отрицаете все те факты, о которых он говорил.

НИКОЛАЕВ: Позвольте еще мне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

НИКОЛАЕВ: Мне кажется, что у него такой характер — именно сейчас прикриться, только потому что мы кроме оппозиционных связей и разделения антипартийных взглядов, мы имеем близкие дружественные взаимоотношения. Поэтому он больше всего заостряет внимание на этом. Мне кажется, что сейчас — большевику, коммунисту говорить об этом нечего. И я скажу, что если бы мне нужно было, то я был бы ... я был на даче и без этого два месяца.....

Кроме того, когда я, то другого исхода для подготовки у меня не было. Я был направлен по Вашему адресу к Это было для того, чтобы использовать в своих антипартийных взглядах бывших людей.

ЕТ-ПД.

Ю С К И Н: Я никогда не был в дружеских отношениях с НИКОЛАЕВЫМ, никогда не был приятелем, и теплые отношения никогда не существовали. Для меня он был крупным работником Смольного, и даже ходили слухи, что он является секретарем т. КИРОВА.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый СОКОЛОВ - признаете себя виновным в пред"явленном Вам обвинении?

СОКОЛОВ: Да! -

ПРЕДСЕДАТ: С какого времени состояли в этой к.-р. группировке?

СОКОЛОВ: С 1934 г. Меня вовлекли старые товарищи, которых я знал с 1924 года по работе в Райкоме комсомола. Персонально я говорил с ЗВЕЗДОВЫМ, с которым я вместе работал.

ПРЕДСЕДАТ: Какие цели ставила эта к.-р. группа, в которой Вы состояли?

СОКОЛОВ: Она была недовольна руководящими органами партии, исходя из тех установок, которые были у нас с 1924 г. В конце октября 1934 г. я узнал точно на стадионе КСИ во время игры в футбол от АНТОНОВА, где он мне сказал, что эта группа готовит активные действия, которыми будет руководить КОТОЛЬНОВ. Здесь-же упоминалось о том, что РУМЯНЦЕВ часто встречается ТОЛМАЗОВА и ХАНИНА, и что он часто встречается, поэтому предложил мне заходить на праздники, что -будет ряд ребят и ВИНОГРАДОВ.

ПРЕДСЕДАТ: Об активном действии был разговор?

СОКОЛОВ: Тогда не указывалось точно, какие террористические или общие.

ПРЕДСЕДАТ: Какое, моральное?

СОКОЛОВ: Теперь я понимаю, тогда было просто сказано о том, что группа решила принять активные действия против руководителей партии.

ПРЕДСЕДАТ: О каком действии, против кого?

СОКОЛОВ: О террористическом действии.

ПРЕДСЕДАТ: В показании Вашем от 19/ХП- сказано, что "необходимо устранение руководителей партии.". Как с оружием нападать или без оружия?

СОКОЛОВ: Конечно, нападение только с оружием, террористический акт.

ПРЕДСЕДАТ: Вы признали себя виновным в том, что состояли в к.-р. организации и знали о террористическом плане по отношению к партии и правительству. Вы подтверждаете это?

СОКОЛОВ: Да, подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТ: Вы говорили об активизации?

СОКОЛОВ: Может быть это нельзя было говорить тогда на стадионе, но ясно, что активизация - это активное выступление, т.е. борьба с оружием в руках против руководящих органов партии.

ПРЕДСЕДАТ: Кого Вы считали руководителем этой группы?

СОКОЛОВ: Мне сообщил АНТОНОВ, что руководит непосредственно КОТОЛЬНОВ - крупный работник, в 1924 г. руководил комсомолом в Ленинграде.

ПРЕДСЕДАТ: Вы знали о том, что НИКОЛАЕВ персонально готовит террористическое наступление в отношении т.КИРОВА?

СОКОЛОВ: Нет, я не знал, что персонально НИКОЛАЕВ готовит это дело.

ПРЕДСЕДАТ: У Вас был разговор относительно получения билетов на торжественное заседание в ноябре мес., где должен был быть т.КИРОВ?

СОКОЛОВ: У меня в ноябре, 2-го или 4-го числа, была встреча с НИКОЛАЕВЫМ в Смольном, как войдешь налево, я спросил - нельзя-ли достать билет не на торжественное заседание,

а на площадь УРИЦКОГО. Но он ответил, что у него билета нет и достать не может. После этого, я обратился к ряду других лиц, чтобы мне достали билет на площадь.

ПРЕДСЕДАТ: Какого числа это было?

СОКОЛОВ: 2-го ноября.

ПРЕДСЕДАТ: О знакомстве АНТОНОВА с НИКОЛАЕВЫМ Вам было известно?

СОКОЛОВ: Да, было известно.

ПРЕДСЕДАТ: Было известно о том, что единомышленники?

СОКОЛОВ: Да, мне было известно.

ПРЕДСЕДАТ: Зачем Вам нужно было получить билет на парад?

СОКОЛОВ: Так как я не мог идти с Академией, я был освобожден, то хотел свою дочь отвести на парад. Я просил сотрудника Обл.Исполкома у т.ШЕВЧЕНКО, РЕЙФЕЦА, сотрудники физкультуры.

ПРЕДСЕДАТ: О том, что НИКОЛАЕВ принадлежал к к/р. организации Вы знали?

СОКОЛОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТ: Знали, что он готовит террористическое выступление?

СОКОЛОВ: Что он план готовит.

ПРЕДСЕДАТ: Вы знали, что кто-то из вашей группы готовит террористическое выступление?

СОКОЛОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый НИКОЛАЕВ, считаете показания СОКОЛОВА относительно встречи с Вами - правильными?

НИКОЛАЕВ: Нет, неправильно. Во-первых, мы насчет числа долго разбирались, они спутали число, это было их накануне Октябрьских торжеств, в день торжественного собрания общегородского актива в Мариинке.

59

Все то, что происходит с КОТОЛЫНОВЫМ накануне за два или за четыре дня. Ставился вопрос об оказании мне помощи, потому что убить КИРОВА в такой праздник, когда я установил, что за КИРОВЫМ ходят две машины, мотоцикл, на углу каждой трамвайной остановки также имеются дежурства ГПУ, и накануне празднеств много народу, то я буду заподозрен и план не выполнен, потому что от простой слежки мне нужно перейти к активному нападению. И вот, СОКОЛОВ, как раз накануне за два часа до торжественного заседания мы там провели; усиленно бегали по этажам, доставать билеты в Смольном. Мы еще хотели установить КИРОВА: может быть выпадет случай. И когда к шести часам результатов не добились, то решили это дело перенести.

В
Билеты мы доставали не на парад, а ~~ни~~ на маршину. СОКОЛОВ наводит сам на себя подозрение. О параде в Смольном речи не было; там даже билеты сами по себе, но там по мандатам.

ПРЕДСЕД.: Вы желаете добавить чтонибудь тоже, СОКОЛОВ?

СОКОЛОВ: 6-го числа, я с тов. НИКОЛАЕВЫМ не виделся. 6-го числа я был вместе с тов. ЯСИНЬМ с 11 ч. утра. С 2-х часов мы расстались и я находился в помещении Облпрофсовета, из которого сейчас-же выехал с товарищем..... на базу, где я находился до часу ночи, откуда выехал с тов. ЛОБАНОВЫМ и мы вместе сели на трамвай, направились домой на 18 номере. Он отвозил пакеты КУЗНЕЦОВА, я - свои пакеты.

НИКОЛАЕВ: Я не настаиваю. Может быть это было не 6-го.

ПРЕДСЕДАТ.: Сколько раз вы встречались с СЕКОЛОВЫМ по этим террористическим делам?

НИКОЛАЕВ: С СОКОЛОВЫМ мы живем на одной территории, встречаемся часто. На почве террористическ~~их~~о разговоров встречались раза три в продолжении сентября.

т.МАТУЛЕВИЧ: В Смольном была встреча по договоренности с СОКОЛОВЫМ?

НИКОЛАЕВ: Да, да.

т.МАТУЛЕВИЧ: И СОКОЛОВ знал, что в этот день возможно убийство КИРОВА?

НИКОЛАЕВ: Да, да.

т.МАТУЛЕВИЧ: Правильно это?

СОКОЛОВ: Я не знал, что НИКОЛАЕВ персонально должен убить КИРОВА.

т.МАТУЛЕВИЧ: Но Вы договаривались о встрече в Смольном?

СОКОЛОВ: Нет, это было случайно.

т.МАТУЛЕВИЧ: Где Вы встретились?

СОКОЛОВ: В коридоре, на первом этаже, против Совета Физической Культуры.

НИКОЛАЕВ: Позвольте напомнить.

Мы говорили о том, что необходимо убить тов.КИРОВА. Мы пошли на 2-й этаж, пошли выше, — на третий этаж, и не случайно мы встретились. Вмольный ведь большой и трудно сойтись случайно; мы-же договорились, потому и сошлись.

СОКОЛОВ: Вторично мы встретились... Я пошел к трамвайной остановке, к 3-му номеру трамвая, смотрю — стоит НИКОЛАЕВ с женщиной. Он вышел раньше.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы встретились случайно, когда были в Смольном и когда выходили?

СОКОЛОВ: Да, да. Я с ним не договаривался.

НИКОЛАЕВ: Позвольте мне.

Мы договорились, что надо достать билеты, и я пошел доставать по своей линии. Ты сказал "я пойду достану"...

СОКОЛОВ: Да, это я сказал, что пойду достану билеты, потому что надеялся достать билеты в Облисполкоме.

ПРЕДСЕД.: Вы знали, что НИКОЛАЕВ имеет террористические настроения?

СОКОЛОВ: Знал.

ПРЕДСЕД.: Знали, что эта группа, куда входит НИКОЛАЕВ, имеет террористические настроения?

СОКОЛОВ: Знал.

ПРЕДСЕД.: Перерыв на один час.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый КОТОЛЫНОВ, признаете себя виновным в пред"явленных обвинениях?

КОТОЛЫНОВ: Нет, не по всем пунктам.

ПРЕДСЕДАТ: По каким пунктам признаете себя виновным?

КОТОЛЫНОВ: В принадлежности к зиновьевской к.-р. организации - я признаю себя виновным, в остальном не признаю.

ПРЕДСЕДАТ: В принадлежности к организации в качестве рядового члена организации и одного из руководителей организации?

КОТОЛЫНОВ: Работая по комсомольской линии, я продолжал оставаться также руководителем и до последнего конца. В состав ленинградского центра я не входил и о существовании такого центра я совершенно не знал.

ПРЕДСЕДАТ: в Показании от 13 декабря, на вопрос - кто стоял у руководства ленинградской к.-р. организации, Вы даете ответ так: что руководителями организации являются РУМЯНЦЕВ, ЛЕВИН, МАНДЕЛЬШТАМ, ТОЛМАЗОВ и я - КОТОЛЫНОВ, вокруг этих людей и об"единялись члены организации? Ах

КОТОЛЫНОВ: Это показание я подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТ: Как были распределены обязанности среди руководства в этом составе?

КОТОЛЫНОВ: Распределения обязанности не было, поддерживали между собой связь, с кем я поддерживал - я сказал.

ПРЕДСЕДАТ: Вот Вы назвали пять фамилий - кто должен руководить?

КОТОЛЫНОВ: Из этих перечисленных товарищей, я встречался не со всеми последний год, а только с РУМЯНЦЕВЫМ и МАНДЕЛЬШТАМ.

ПРЕДСЕДАТ: Кто РУМЯНЦЕВ или МАНДЕЛЬШТАМ являлся руководителем?

КОТОЛЫНОВ: Я совсем не знаю, об этом разговора не было.

63
18/2.

ПРЕДСЕДАТ: Как понять, что-же эти пять лиц были руководителями организации?

КОТОЛЬНОВ: Это остались какие-то пережитки бывшей зиновьевской оппозиции. В свое время эти люди...

ПРЕДСЕДАТ: ...Я не говорю о периоде 1927 г., а о периоде 1934 г.

КОТОЛЬНОВ: Я поддерживал в этот период связь только с РУМЯНЦЕВЫМ.

ПРЕДСЕДАТ: Имея какие цели?

КОТОЛЬНОВ: Это были пережитки старых традиционных связей.

ПРЕДСЕДАТ: Вы принадлежали к к.-р. организации в Ленинграде. Какая-то организация существовала, не просто пережитки прошлого, а организация, и во главе бывает какое-то руководство?

КОТОЛЬНОВ: Дело в том, что ХУ-й с"езд ВКП/б/ принял решение о роспуске фракций и группировок, в противном случае, это будет считаться контр-революционной организацией. Говорилось о роспуске зиновьевской фракции, но она распущена не была и продолжала существовать, влача жалкое существование. Она продолжала существовать, т.к. люди между собой встречались, обменивались политическими информацией, велись разговоры. Я лично поддерживал связь с быв. зиновьевской оппозицией после ХУ-го с"езда.

ПРЕДСЕДАТ: Какие ставила перед собой задачи организация, в которой Вы принимали участие, в качестве одного из руководителей, какие были поставлены цели в 1934 г.?

КОТОЛЬНОВ: Четко и ясно не формулировались, а поддерживал связь с РУМЯНЦЕВЫМ, МАНДЕЛЬШТАМОМ. В разговоре шла речь о привлечении бывших оппозиционеров к партийной работе. Кроме партийных решений, речь шла и об отдельных политических фактах, новых информациях, никакой четкой формулировки не было и я не в курсе.

ПРЕДСЕДАТ: Как понять Ваши слова, что Вы считаете себя виновным только в том, что принадлежали к к.-р. организации?

КОТОЛЫНОВ: После ХУ-го съезда я должен был порвать старые традиционные товарищеские связи. Я часть связей порвал, а часть товарищеских связей остались, которые фактически, были так перепутаны, что трудно было понять, где оппозиционная связь, где товарищеская. Вот в этом я виноват. Потому, что, по существу, влившись в партию, зиновьевцы продолжали связь и фактически продолжала существовать организация зиновьевцев.

ПРЕДСЕДАТ: Вы считаете, что Вы тоже несете политическую и моральную ответственность за убийство т. КИРОВА?

КОТОЛЫНОВ: Мне часто задавали этот вопрос, и я подчеркивал, что политических взглядов и настроений НИКОЛАЕВА - я совершенно не знал, т.к. из моего поля зрения НИКОЛАЕВ выпал с 1924 года и я с ним не встречался, политических разговоров не вел и не был в курсе - принадлежал ли он к зиновьевской оппозиции, Продолжал ли участвовать в бывшей оппозиции - мне это совершенно неизвестно. Но раз я узнал, что НИКОЛАЕВ принадлежал к бывшей к.-р. зиновьевской организации, я должен, раз я сказал "а", значит должен сказать "б", я говорил о настроениях этой организации, говорил, что эти озлобленные настроения против партийного руководства, могли среди отдельных горячих голов, породить террористические настроения. Я говорил, что к.-р. организация зиновьевцев ответственна за эти настроения, которые могли, еще раз повторяю, в отдельных горячих головах, породить террористические настроения, независимо от того, что будь это НИКОЛАЕВ, СИДОРОВ или ПЕТРОВ, но зиновьевцы обязаны взять ответственность за эти настроения.

18/4.

ПРЕДСЕДАТ: Кто создавал эти настроения?

КОТОЛЬНОВ: Конечно, эти настроения создавались руководителями и поддерживались членами организации.

ПРЕДСЕДАТ: Какие руководители?

КОТОЛЬНОВ: Это, с момента существования к.-р. организации - КАМЕНЕВ, ЗИНОВЬЕВ, БАКАЕВ и др.

ПРЕДСЕДАТ: Кто этим делом занимался в Ленинграде?

КОТОЛЬНОВ: Не помню, но среди бывших оппозиционеров такие выпады, против руководителей партийного руководства, имели место сплошь и рядом.

ПРЕДСЕДАТ: В Вашем показании сказано о том, что "признаю, что состоял в к.-р. организации, был одним из руководителей ленинградской организации, и наша организация несет политическую и моральную ответственность за убийство т.КИРОВА, которое объективно должно привести, как активного члена этой организации, к ответственности." Вы сказали, что нами создавались такие настроения.

... Так тут сказано более четко, чем Вы говорите.

КОТОЛЫНОВ: Там, в конце этого протокола есть уточнение.

ПРЕДСЕД.: Уточняю: "что мы создавали такие настроения, которые могли объективно привести к террору". Как видно подстрекательство — это объективно?

КОТОЛЫНОВ: Нет, подстрекательства не было, но озлобленность настроений, которая имела место среди быв. оппозиционеров, могла отдельные горячие головы привести к террористическим настроениям.

ПРЕДСЕД.: Кто эти настроения создавал? Вы сказали, что к руководству ленинградской организации принадлежало 6-ть человек, в том числе назвали себя. Так кто же из этих 6-ти человек развивал эти террористические настроения?

КОТОЛЫНОВ: Специально эти террористические настроения не создавались, но они могли являться объективным следствием самого факта продолжения существования контр-революционной зиновьевской организации.

ПРЕДСЕД.: Вы же говорите, "нами создавались такие настроения", и под "нами" подразумевается руководство.

КОТОЛЫНОВ: Под "нами" я подразумеваю вообще бывших оппозиционеров.

ПРЕДСЕД.: Вы же говорите, что во главе ленинградской организации стояло 6-ть человек и перечисляете их. То выходит, что эта руководящая группа, этот ленинградский центр развивал эти террористические настроения?

КОТОЛЫНОВ: Под "нами" я имел ввиду бывших оппозиционеров.

ПРЕДСЕД.: В Ваших показаниях Вы заявляете, что руководство ленинградской группой, руководство московского центра — ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, ХАРИТОНОВ и т.д.; когда Вы это показывали, что "В свое время наши ..." (чита-

19/2

ет). Вы подтверждаете это?

КОТОЛЬНОВ: Да, это имело место.

ПРЕДСЕД.: "От ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА, ХАРИТОНОВА, я..." (читает). Подтверждаете это?

КОТОЛЬНОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: "Воспитанные таким образом..." (читает). Подтверждаете это Ваше показание?

КОТОЛЬНОВ: Подтверждаю.

ПРЕДСЕД.: Я говорю пока только о Ваших показаниях.

Затем Ваше заявление от 26/ХП - вчерашнего дня - где Вы записали следующее: "Факт существования контр-революционной организации зиновьевцев..." (читает).

Подтверждаете Вы это?

КОТОЛЬНОВ: Подтверждаю.

ПРЕДСЕД.: "За смерть КИРОВА..." (читает). Словом, та же мысль, только в ином изложении.

КОТОЛЬНОВ: Это тоже самое, что я здесь сказал.

ПРЕДСЕД.: В Вашем показании от 26/ХП записано: "Наша борьба против партии ..." (читает).

Подтверждаете это Ваше показание?

КОТОЛЬНОВ: Да, подтверждаю. Я считаю, что это все в разных вариантах, но одно и то же.

ПРЕДСЕД.: Вы помните очную ставку между Вами и НИКОЛАЕВЫМ по поводу разговора о совершении террористического акта над КИРОВЫМ. Вы сегодня в каком настроении: будете подтверждать или отрицать?

КОТОЛЬНОВ: Это зависит не от моего настроения. Мои показания обусловлены не настроением, а тем что было и чего не было. То, что было я могу сказать; чего не было — я категорически буду отрицать по прежнему.

ПРЕДСЕД.: Но Вы же подтвердили 6-ть вариантов наших показаний, что руководители московской и ленинградской организаций систематически проводили мысли, которые создавали террористические настроения у Ваших единомышленников, и НИКОЛАЕВ говорит, что в результате разговоров с Вами у него тоже появились террористические настроения.

КОТОЛЬНОВ: Это не правда, что в результате разговоров со мной, потому что я не виделся с ним с 1924 года, если не считать мимолетную встречу летом 1932 или 1933 года в столовой ВКП(б).

ПРЕДСЕД.: Подсудимый НИКОЛАЕВ, что Вы скажете в отношении слов КОТОЛЬНОВА о том, что он с Вами не виделся ~~никогда~~ в последнее время и не имел разговоров террористического характера. Согласны ли Вы с этим, если не согласны, то как было на самом деле?

НИКОЛАЕВ: Не согласен.

ПРЕДСЕД.: А как было на самом деле?

НИКОЛАЕВ: КОТОЛЬНОВ меня возможно не узнает и забыл с 1924 года, в то время как я был связан с АНТОНОВЫМ до последних дней. Мы с ним встречи в 1934 году опять возобновили. Знаю КОТОЛЬНОВА с 1923 года. Из бесед с ШАТСКИМ, я узнал, что во-

круг КОТОЛЫНОВА группируются старые комсомольцы - оппозиционеры, и когда ШАТСКИЙ сделал мне предложение вступить в организацию, поговорить с группой КОТОЛЫНОВА, то я прежде всего обратился к КОТОЛЫНОВУ, затем вел разговоры с отдельными товарищами. КОТОЛЫНОВ являлся, безусловно, нашим руководителем, руководителем нашей группы. О террористических настроениях против руководителей партии, советской власти, в частности, против СТАЛИНА - мы с ним при встрече в сентябре-октябре переговорили.

ЕТ-ПД.

20/1.

НИКОЛАЕВ: КОТОЛЫНОВ признает моральную и политическую ответственность. Я совершил прямое поручение, но нельзя считать, что я был руководителем террористической группы, а он признает только вину, что он состоял членом этой организации. Здесь нужно начать с того, — со встречи с ШАТСКИМ. Я имел встречу, он мог знать, что настроения у группы, у самой организации бывших оппозиционеров, еще с того момента 1933-34 г., когда происходила партийная чистка, когда в этот момент происходил 17-й партс"езд и ожидали полного разгрома своих рядов оппозиции, поэтому оппозиция старалась принять более решительные шаги, сколотить свои ряды в Москве и Ленинграде и действовать путем насильственного применения методов защиты своих интересов, и путем организации террористических актов. КОТОЛЫНОВ являлся одним из противников разгрома ленинградской оппозиции, и с ним мы согласились сделать покушение. Эти же об"екты я проверял через АНТОНОВА, насколько известно группе, затем мы обсудили письмо, целый ряд политических вопросов текущей политики, письмо на имя ЦК партии, и договорились, без условно, о ноябрьской встрече у Индустриального Института. Он перед праздниками согласие давал. Была проведена слежка одной группой и другой возле квартиры КИРОВА. У нас не состоялось покушение и 4 ноября, перед праздником он еще раз проверил готовность и решительно дал санкцию на то, чтобы в ближайший момент совершить это дело.

КОТОЛЫНОВ: Позвольте мне сказать.

ПРЕДСЕДАТ: Пожалуйста.

10/2.

КОТОЛЫНОВ: Как и всякое ложное показание имеет внутренние противоречия, так показывает и НИКОЛАЕВ. Он говорит, что лично виделся, что КОТОЛЫНОВ не мог не знать через других товарищей, которым было известно о его настроениях, во-вторых, - нужно прямо сказать, с 1923 по 1933 год виделся ты с КОТОЛЫНОВЫМ или нет? Ответ четко и прямо.

ПРЕДСЕДАТ: Вы говорите суду и не обращайтесь к НИКОЛАЕВУ.

КОТОЛЫНОВ: НИКОЛАЕВ утверждает, что будто я его вовлек в к.-р. организацию, в то время, как говорит, что до этого времени предшествовала встреча с ШАТСКИМ, который вовлек его в организацию. Встреча ШАТСКОГО предшествовала встрече с КОТОЛЫНОВЫМ, и кто вовлек в организацию, если этой встрече предшествовала встреча с ШАТСКИМ, значит ШАТСКИЙ и вовсе, нечего впутывать КОТОЛЫНОВА. Третье обстоятельство, которое утверждает, что встреча в 1934 г., так сказать, в сентябре месяце, была с КОТОЛЫНОВЫМ, но в своих показаниях он утверждает, что еще летом 1934 года они встречались с ШАТСКИМ, возле квартиры КИРОВА. Возникает вопрос, что они делали у квартиры КИРОВА летом 1934 г.? Что, ходили в гости, а если Вы собирались террористический акт делать, то зачем Вам встреча в сентябре, когда Вы летом ходили около квартиры т. КИРОВА. Вот эти внутренние противоречия, которые разоблачают ложные показания НИКОЛАЕВА. У меня есть еще целый ряд моментов, которыми он разоблачит себя. Пусть он скажет твердо, - где была встреча с КОТОЛЫНОВЫМ, он говорит в Индустриальном Ленинградском Институте, пусть скажет где, и как была организована встреча. Я берусь разбить в дым эти показания.

72
20/3.

ПРЕДСЕДАТ: Вы не отрицаете, что Ваш руководитель ШАТСКИЙ и породил террористические настроения?

КОТОЛЫНОВ: Я отрицаю, что эти террористические настроения были. Но те настроения, которые имели место в к.-р. зиновьевской организации - они могли, были в отдельных горячих головах, породить такие настроения.

ПРЕДСЕДАТ: Вы получали какие нибудь деньги в сентябре или октябре 1934 г. от НИКОЛАЕВА?

КОТОЛЫНОВ: Абсолютно никаких. Это исключительная клевета.

ПРЕДСЕДАТ: Вы отрицаете разговор с НИКОЛАЕВЫМ о посещении консульства?

КОТОЛЫНОВ: Я совершенно отрицаю, т.к. НИКОЛАЕВА не встречал~~ххх~~ в 1934 г. Категорически отрицаю, потому что этого не было.

ПРЕДСЕДАТ: С АНТОНОВЫМ встречались в сентябре или октябре мес.?

КОТОЛЫНОВ: С АНТОНОВЫМ встречались, потому что находились в одном помещении.

ПРЕДСЕДАТ: Говорили Вы с АНТОНОВЫМ, что готовите особое выступление против КИРОВА?

КОТОЛЫНОВ: Никогда этого не говорил.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый АНТОНОВ, что Вы скажете?

АНТОНОВ: У нас в конце октября была встреча с КОТОЛЫНОВЫМ в коридоре, как раз, где занимается наш факультет, я был в первом этаже, но ниже, в третьем этаже у нас там зашел разговор, во-первых, КОТОЛЫНОВ меня предупредил в отношении НАДЕЖА и СЕВЕРОВА, я уже говорил с какой точки зрения.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый КОТОЛЫНОВ, был такой разговор с АНТОНОВЫМ?

КОТОЛЫНОВ: Да, был такой разговор.

73
20/4.

АНТОНОВ: Он говорил мне об озлобленных террористических на-
стрсениях НИКОЛАЕВА.

74

КОТОЛЬНОВ: Не было этого разговора.

АНТОНОВ: ... Теперь дальше. КОТОЛЬНОВ говорил о намечающемся решительном мероприятии по отношению к руководителям партии.

ПРЕДСЕД.: Был такой разговор?

КОТОЛЬНОВ: Не было такого разговора.

АНТОНОВ: И потом КОТОЛЬНОВ мне сказал, о том, что он является представителем центра, куда входит еще целый ряд товарищей, которых я перечислил. И дальше он мне говорил относительно состава московского центра.

ПРЕДСЕД.: Был разговор о составе московского центра?

КОТОЛЬНОВ: Не было такого разговора.

ПРЕДСЕД.: О ленинградском центре был разговор?

КОТОЛЬНОВ: Не было такого разговора.

ПРЕДСЕД.: Пожалуйста, АНТОНОВ.

АНТОНОВ: Я перечислил основные моменты разговора. Я сказал о том, что он говорил, что намечается решительное мероприятие против руководства партии...

ПРЕДСЕД.: Персонально против КИРОВА?

АНТОНОВ: Тут можно было подразумевать и СТАЛИНА и КАГАНОВИЧА и КИРОВА.

ПРЕДСЕД.: Не было такого разговора?

КОТОЛЬНОВ: Не было совершенно.

ПРЕДСЕД.: И НИКОЛАЕВ и АНТОНОВ выдумывают?

КОТОЛЬНОВ: Это бесспорно.

НИКОЛАЕВ: Я хочу добавить.

ПРЕДСЕД.: Пожалуйста.

НИКОЛАЕВ: Не случайно была встреча с ШАТСКИМ. Я с ШАТСКИМ встретился в марте; он всегда мне говорил о необходимости восста-

новления связи с бывшими товарищами по оппозиции. А при встрече с ШАТСКИМ у квартиры он мне указал (если это ложь, то тогда РУМЯНЦЕВ не сидел бы на скамье подсудимых) о том, что группа во главе с ШАТСКИМ, РУМЯНЦЕВЫМ и еще кажется ПОПОВЫМ связана с организацией, с ленинградским центром — с Ваней КОТОЛЫНОВЫМ и ведет наблюдение за КИРОВЫМ. В это время проезжала машина с ЧУДОВЫМ и он сказал, что ЧУДОВ не подходящая кандидатура и, что надо совершить террористический акт над СТАЛИНЫМ. Дальше он рекомендовал встретиться с тобой (КОТОЛЫНОВЫМ), чтобы договориться о подкреплении группы, во главе которой ты стоял.

Вследствии переговоров и встреч, которые были в октябре м-це, когда я его встретил опять у квартиры КИРОВА, — я не подошел к нему, а сам усилил наблюдения за Смольным.

Это все случайно? Случайно этого никогда не бывает, в индивидуальном порядке не совершается. Тут была организована слежка, и задания, и руководство, и договоренность.

Теперь о встречах. Придется, как видно, свидетелей представить. В 1934 году ты не видеть меня не мог: живешь ты в одном районе со мной и чуть, что сейчас же летишь в Райком. Когда я работал там, ты к нам приходил и тогда мы часто беседовали, мы были недовольны и говорили об этом. Так что я считал тебя своим руководителем.

КОТОЛЫНОВ: А какие разговоры были в 1931 году политические?

НИКОЛАЕВ: Так-же — недовольство работой, учебой, так-же был недоволен работой ~~печати~~ партийных организаций и комсомольских организаций...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы уточните Ваши показания, НИКОЛАЕВ, если помните: когда, где вы встречались в 1934 году с КОТОЛЬНОВЫМ, какие задания давал КОТОЛЬНОВ?

НИКОЛАЕВ: Две встречи были при техникуме и другие в Индустриальном Институте, на верху, где правление.

КОТОЛЬНОВ: В каком помещении?

НИКОЛАЕВ: На левой стороне. Две беседы были в Индустриальном Институте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я Вас спрашиваю можете ли Вы, НИКОЛАЕВ, точно вспомнить - в каком месяце, какого числа, на какой территории были встречи с КОТОЛЬНОВЫМ, где развивался вопрос о терроре?

НИКОЛАЕВ: Последняя была в 4 часа в здании Института, на левой стороне. Это было 4 или 2 ноября.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какой разговор был?

НИКОЛАЕВ: Об оказании помощи при слежке перед празднеством. Это уже последний разговор был; у нас все было подготовлено, только он проверил еще раз мою решительность, мою готовность. Затем я рассказал о том, что слежку по следам квартиры производил в направлении работы до Смольного.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите, пожалуйста, подсудимый КОТОЛЬНОВ, как понять Ваше показание следующего характера: "Политическую и моральную ответственность..." (читает). Подтверждаете это показание?

КОТОЛЬНОВ: Я могу ответить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы отвечаете, а не подтверждаете?

КОТОЛЬНОВ: Лучше не подтверждать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что значит лучше? Вы подтверждаете или не подтверждаете?

КОТОЛЬНОВ: Не подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему же Вы писали это показание?

КОТОЛЬНОВ: Эти показания даны на основе утверждения следствия о том, что НИКОЛАЕВ состоял членом нашей организации.

ПРЕДСЕД.: Это Ваши показания или следователя?

КОТОЛЬНОВ: Мои показания.

ПРЕДСЕД.: Вы показывали или не показывали полчаса тому назад о том, что Ваша организация - и московская и ленинградская всячески развивала мысли, которые могли вызвать у некоторых горячих голов террористические настроения?

КОТОЛЬНОВ: Подтверждаю.

ПРЕДСЕД.: Следовательно, если ктонибудь из Вашей организации сделал террористический акт, это соответствует Вашим показаниям?

КОТОЛЬНОВ: Соответствует. Но я хочу уточнить...

ПРЕДСЕД.: При чем тут - уточнить, когда тут ясно написано: "Политическую и моральную ответственность ..." (читает).

КОТОЛЬНОВ: Я подчеркиваю, что я дал эти показания доверяя следствию в том, что он состоит членом нашей организации.

ПРЕДСЕД.: Доверили следствию? Вас допрашивал следователь, или Вы его допрашивали?

КОТОЛЬНОВ: Я писал потому что мне заявили, что он состоял членом организации. Иначе мне следствие говорило, что "ты не разоружился", но так как я решил разоружиться до конца...

ЕТ-ПД.

22/1.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему Вы револьвер держали при себе?

КОТОЛЬНОВ: Мне был подарен.

ПРЕДСЕДАТ: Для чего?

КОТОЛЬНОВ: Для самоохраны

ПРЕДСЕДАТ: От террористов, от кого?

КОТОЛЬНОВ: Просто тогда я изложил.

ПРЕДСЕДАТ: Вы были членом террористической организации, у Вас был револьвер взят, для чего он находился нерегистрированный, в кого Вы хотели стрелять?

КОТОЛЬНОВ: Ни в кого.

ПРЕДСЕДАТ: А для чего?

КОТОЛЬНОВ: Револьвер был мне подарен, на него имелось разрешение, которое было просрочено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда разрешение было получено?

КОТОЛЬНОВ: Я не помню, но летом, уезжая в совхоз, я разговаривал о возобновлении разрешения, мне помогал РУМЯНЦЕВ, партийным комитетом была дана характеристика, которая находится в моем деле, на получения разрешения на револьвер.

ПРЕДСЕДАТ: В показании имеется: "постепенно в наших рядах нарастали крайние настроения.". Подтверждаете Вы это показание, Ваше вчерашнее показание? "Я считаю необходимым сказать, что вся эта атмосфера"... Какая это атмосфера и кто ее создавал?

КОТОЛЬНОВ: Я уже говорил о тех настроениях, которые имелись в к/р. организации.

ПРЕДСЕДАТ: Кто создавал такие настроения? Такую атмосферу?

КОТОЛЬНОВ: Такая атмосфера была создана руководителями зиновьевской к.-р. организации - ЗИНОВЬЕВЫМ, КАМЕНЕВЫМ, БАКАЕВЫМ и др.

22/2.

ПРЕДСЕДАТ: У Вас в Ленинграде было совершено убийство тов. КИРОВА, членом вашей-же к.-р. организации НИКОЛАЕВЫМ. Кто эту атмосферу создавал в Ленинграде? Вы называли руководителей, но кто-же из них занимался этими террористическими настроениями, разговорами, Вы, РУМЯНЦЕВ, ЛЕВИН или еще кто?

КОТОЛЬНОВ: Террористическими настроениями никто не занимался, но злобные разговоры и выпады против партийного руководства были.

ПРЕДСЕДАТ: Вы занимались подстрекательством к убийству тов. КИРОВА или РУМЯНЦЕВ?

КОТОЛЬНОВ: У РУМЯНЦЕВА не было террористических настроений, не помню.

ПРЕДСЕДАТ: А какого характера были выпады?

КОТОЛЬНОВ: В 1932 году имелись такие разговоры, что СТАЛИН Бонопарт, что не видно выхода, что может довести страну до войны, чтобы пролетарское государство погибло в борьбе с капиталом.

ПРЕДСЕДАТ: Это не соответствует содержанию Вашего показания, что атмосфера злобы и ненависти, является подстрекательством к самым крайним формам борьбы против вождей и партии.

В чем они заключаются?

КОТОЛЬНОВ: Во время обсуждения решений XIV-го съезда партии...

ПРЕДСЕДАТ: Вы помните, как идет дальше фраза из вчерашнего показания: "Я считаю несомненным, что выстрел НИКОЛАЕВА..."

КОТОЛЬНОВ: Да, мое показание, я давал.

ПРЕДСЕДАТ: Было правильно и неправильно?

КОТОЛЬНОВ: То-же самое, что и давал.

ПРЕДСЕДАТ: Правильно или неправильно?

КОТОЛЫНОВ: Правильно.

ПРЕДСЕДАТ: Позовите ШАТСКОГО.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый ШАТСКИЙ, признаете себя виновным в предъявленных обвинениях?

ШАТСКИЙ: Нет.

ПРЕДСЕДАТ: Ни в какой части?

ШАТСКИЙ: Нет, ни в какой части.

ПРЕДСЕДАТ: В какие годы принадлежали к зиновьевской организации?

ШАТСКИЙ: В 1925 и потом в 1927 г.

ПРЕДСЕДАТ: Вас исключали из партии в 1927 году?

ШАТСКИЙ: Да, в 1927 г.

ПРЕДСЕДАТ: Вы не поддерживали никаких групп - ни антисоветской, ни террористической?

ШАТСКИЙ: Нет.

ПРЕДСЕДАТ: НИКОЛАЕВА Леонида Вы знаете?

ШАТСКИЙ: Да, я встречался на комсомольской работе в 1923 г.

ПРЕДСЕДАТ: Почему Вы на допросе, когда спросили у Вас - знаете-ли Вы НИКОЛАЕВА, ответили - не знаю?

ШАТСКИЙ: Когда речь шла о НИКОЛАЕВЕ, то я спросил о каком НИКОЛАЕВЕ идет речь?

ПРЕДСЕДАТ: Который работал в Выборгском Райкоме комсомола.

ШАТСКИЙ: О том, что его звали Леонидом я не знал, я знал только, что у нас был НИКОЛАЕВ в Выборгском Райкоме.

ПРЕДСЕДАТ: Вам было так и сказано - знаете Вы НИКОЛЕВА, выборгского работника, Вы сказали, что не знаете, здесь и район был указан. Почему не узнали?

ШАТСКИЙ: Говорили об инструкторе.

ПРЕДСЕДАТ: Нет, вообще о бывшем работнике Выборгского Райкома комсомола.

22/4.

ШАТСКИЙ: Товарищи! Я Вам напомним...

ПРЕДСЕДАТ: Нет, мы Вам не товарищи, Вы подсудимый, а мы судьи.

ШАТСКИЙ: Там был разговор, мне говорили об инструкторе, а я знал секретаря - работника Райкома, а мне сказали - знал-ли я такого, который работал на заводе Карла ~~МАРКСА~~ МАРКСА, такого я не знал. Я говорил, что тот НИКОЛАЕВ, о котором я говорю, может быть не тот и просил фотографию или сделать очную ставку.

ПРЕДСЕДАТ: Почему отказались подписать протокол?

ШАТСКИЙ: Мне ставили вопрос - знаешь или нет?

ПРЕДСЕДАТ: Я ставлю вопрос - знаете Вы его или нет?

ШАТСКИЙ: Этого НИКОЛАЕВА я знал.

ШАТСКИЙ: Этого НИКОЛАЕВА я знал.

ПРЕДСЕД.: По работе в зиновьевской организации?

ШАТСКИЙ: Нет, я его знал в качестве секретаря.

ПРЕДСЕД.: Почему Вы отказались подписать протокол от 7/ХП, как раз об опознании НИКОЛАЕВА Леонида. Для Вас это повидимому, важный вопрос. В показании от 6/ХП Вы заявили, что не знаете Леонида НИКОЛАЕВА, а 7/ХП заявили, что знаете, но отказались подписать.

ШАТСКИЙ: Первый допрос был со следователем ЛЮШКОВЫМ, второй допрос со следователем ДМИТРИЕВЫМ, и когда речь зашла о НИКОЛАЕВЕ, я сказал, что у меня уже спрашивали о НИКОЛАЕВЕ, но я не знаю о ком идет речь и прошу дать фотографию; и когда мне пред"явили ее, то я сказал, что знаю и подписывать не отказывался: я сказал, что я хочу подписать с отговоркой, той которую здесь выкладываю, но мне в этом было отказано.

ПРЕДСЕД.: У Вас были руки, было перо могли написать сами.

ШАТСКИЙ: Мне сказали, что не полагается никаких оговорок писать.

ПРЕДСЕД.: Но сами Вы могли, вы же грамотный?

ШАТСКИЙ: Я грамотный, но мне сказали, что я должен писать так, как здесь стоят вопросы, без всяких оговорок.

ПРЕДСЕД.: Вы знаете Георгия ПОПОВА?

ШАТСКИЙ: Знаю.

ПРЕДСЕД.: Была очная ставка между Вами и Георгием ПОПОВЫМ о Ваших террористических намерениях; на вопрос - кто Вам известно о террористических настроениях ШАТСКОГО - ПОПОВ ответил "в феврале или марте..." (читает).

Вот это показание ПОПОВА, который может быть и вызван сюда для дачи показаний, - Вы подтверждаете?

23/2

ШАТСКИЙ: Нет, не подтверждаю. Я не знал даже, что группировка из бывших зиновьевцев является это "Боевое Землячество", и никаких разговоров на политические темы в этот раз не было.

ПРЕДСЕД.: В показаниях НИКОЛАЕВА Леонида в отношении Вас по вопросу террористических разговоров: "... " (читает). Вы признаете это?

ШАТСКИЙ: Да, была очная ставка ...

ПРЕДСЕД.: ... Вы считаете, что показания НИКОЛАЕВА в этой части не правильны?

ШАТСКИЙ: Нет.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый НИКОЛАЕВ, что Вы по этому поводу можете сказать?

НИКОЛАЕВ: Я хотел бы привести его разговор со мной. В феврале м-це, когда мы встретились в Институте (он пришел по делам в Истмол), я очень рад был, потому что долго не виделся и потом знаю его как сторонника оппозиции. Разговор перешел сразу же на тему установления связи с бывшими оппозиционерами из наших товарищей. Он тогда же говорил мне, что он хочет - во первых, восстановить права партизана и, во вторых, восстановить со всеми старыми товарищами - сторонниками оппозиции связь. У него было уже намерено ... Он как раз встречался в Бюро "Боевого Землячества" с ПОПОВЫМ. И не смотря на то, что я предложил ему устроить его на работу, он отрицательно отнесся к этому.

Когда же я встретил его на Петроградской стороне, то оказалось, что еще выше у него связи установлены. Он тогда, раньше, при первой встрече, очевидно, не хотел показать свои настроения, а теперь, при встрече на Петроградской стороне, сказал очень много, что он входит в группу РУМЯНЦЕВА, что связан с ним. ЧУДОВА встретили, но продолжали беседовать еще

час, или полтора. Здесь он жаловался на то, что его ОГПУ устраниет от работы.

ПРЕДСЕД.: Разговор был на эту тему?

ШАТСКИЙ: На эту тему был разговор.

ПРЕДСЕД.: Вообще эта встреча имела место?

ШАТСКИЙ: Эта встреча была в июле или августе.

НИКОЛАЕВ: Это самое главное — это после проверки машины ЧУДОВА...

ПРЕДСЕД.: Был ли случай, когда Вы стояли, разговаривали и прошел автомобиль в котором сидел ЧУДОВ?

ШАТСКИЙ: Да.

ПРЕДСЕД.: Ну, дальше.

НИКОЛАЕВ: ... Дальше он перешел на разговор о СТАЛИНЕ, он сказал, что СТАЛИН ярый противник оппозиции, что СТАЛИН на ~~шпи~~ с"езде заявил, что нужно всех оппозиционеров отстранить подальше...

ПРЕДСЕД.: Был такой разговор у Вас?

ШАТСКИЙ: Нет, такого разговора не было.

НИКОЛАЕВ: Откуда же я мог взять? И на очной ставке Вы подтвердили.

ШАТСКИЙ: Мы вообще ни о СТАЛИНЕ, ни о решениях с"езда не беседовали.

ПРЕДСЕД.: Какой разговор был о ЧУДОВЕ?

НИКОЛАЕВ: Он дал характеристику, что ЧУДОВ не подходящая кандидатура для террористического акта.

ПРЕДСЕД.: Это Вы отрицаете или подтверждаете?

ШАТСКИЙ: Не так говорил я.

ПРЕДСЕД.: Но автомобиль с ЧУДОВЫМ проезжал?

ШАТСКИЙ: Проезжал.

ПРЕДСЕД.: Был разговор о нем?

ШАТСКИЙ: Когда ЧУДОВ проехал, то НИКОЛАЕВ сказал: "Знаешь, проехал ЧУДОВ", я добавил — "Вершитель судеб". Или что то такое.

ПРЕДСЕД.: Дальше, о чем разговор был во время этой встречи?

НИКОЛАЕВ: Он указал, что в группу входит ЦАРЬКОВ, РУМЯНЦЕВ, и что цели и задачи ее — насильственное отстранение КИРОВА, организация и подготовка к покушению на СТАЛИНА, установление связи с Москвой, с работниками Коминтерна, Кима. Мое предложение о связи с Консульствами и мое согласие с его предложением связаться с группой КОТОЛЫНОВА, — все это было тогда.

ПРЕДСЕД.: В этой части показания НИКОЛАЕВА подтверждаете или отрицаете?

24/1.

ЕТ-ПД.

- ШАТСКИЙ: Я такой махровой контр-революции не слыхал. Я говорил только о том, что меня уволили, или в этот раз...
- ПРЕДСЕДАТ: Вы не говорили, что Вас уволили с работы?
- ШАТСКИЙ: Это он сам подтверждал, что я ему рассказывал.
- ПРЕДСЕДАТ: Когда подсудимый НИКОЛАЕВ говорил о Вашем увольнении, Вы говорили, что не было такого увольнения?
- ШАТСКИЙ: Сказал, что было.
- ПРЕДСЕДАТ: Еще какие разговоры велись тогда, Вы встречали НИКОЛАЕВА?
- ШАТСКИЙ: В августе.
- ПРЕДСЕДАТ: Кроме этой встречи, какие были у Вас встречи с ШАТСКИМ?
- НИКОЛАЕВ: В ноябре месяце я встретил его в районе квартиры КИРОВА.
- ПРЕДСЕДАТ: О чем Вы тогда разговаривали?
- НИКОЛАЕВ: Мы не встретились, я из беседы с КОТОЛЫНОВЫМ знал, что он ведет наблюдение и отсюда ушел потому, что знал, что готовится покушение на КИРОВА, и я избрал другой объект, - вокзал и Смольный..
- ПРЕДСЕДАТ: Был такой случай встречи?
- ШАТСКИЙ: В какое время в ноябре месяце?
- НИКОЛАЕВ: Днем, перед праздниками.
- ШАТСКИЙ: Я не был в предпраздничные дни, я был 7 ноября около 2-х часов дня.
- НИКОЛАЕВ: Вопрос уже был решен перед праздниками или в праздничные дни выступить. Я ходил и 7 и 8-го ноября.
- ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый ШАТСКИЙ - Вы были около этого места 6-го ноября?
- ШАТСКИЙ: Совершенно верно.
- ПРЕДСЕДАТ: 7-го ноября Вы видели НИКОЛАЕВА в этом-же месте, издали проходившим или проезжавшим?

24/2.

ШАТСКИЙ: Нет, не видел.

НИКОЛАЕВ: Я был на другой стороне.

ПРЕДСЕДАТ: После этого была встреча с ШАТСКИМ?

НИКОЛАЕВ: Нет, не была. У нас были две встречи, считая встречу августовскую и ноябрьскую.

ПРЕДСЕДАТ: В ноябрьскую разговоров не было?

НИКОЛАЕВ: Нет, не было.

ПРЕДСЕДАТ: Встреча была длительная, которая сопровождалась беседой на террористические темы в августе месяце?

НИКОЛАЕВ: Да, в августе.

ПРЕДСЕДАТ: С кем у Вас был разговор о террористической деятельности ШАТСКОГО?

НИКОЛАЕВ: В августе месяце я узнал от самого ШАТСКОГО.

ПРЕДСЕДАТ: С кем у Вас была беседа о том, что ШАТСКИЙ готовит?

НИКОЛАЕВ: С КОТОЛЫНОВЫМ и, впоследствии, с СОКОЛОВЫМ, АНТОНОВЫМ, ЮСКИНЫМ.

ПРЕДСЕДАТ: О ШАТСКОМ у Вас были разговоры, как о террористе?

НИКОЛАЕВ: Я пытался встретиться с РУМЯНЦЕВЫМ, но ничего не вышло, а с КОТОЛЫНОВЫМ вел беседу и был введен в курс дел и вступил в группу КОТОЛЫНОВА.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый КОТОЛЫНОВ, Вы отрицаете разговор о ШАТСКОМ?

КОТОЛЫНОВ: Я не видел его, примерно, с 1923 г. и у меня встречи не было в 1934 г., поэтому я не мог с ним говорить.

т. МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый ШАТСКИЙ, когда Вы приехали в Ленинград?

ШАТСКИЙ: В конце февраля 1934 г.

т. МАТУЛЕВИЧ: А уехали из Ленинграда?

ШАТСКИЙ: В декабре 1932 г.

т. МАТУЛЕВИЧ: До 1932 г. проживали в Ленинграде?

ШАТСКИЙ: В 1932 г. я тоже был не весь год в Ленинграде. В 1931 г. я был в Сталинграде, в 1932 г. был с марта по декабрь.

24/3.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы раньше КОТОЛЫНОВА знали?

ШАТСКИЙ: Я знал его по комсомольской работе и в период оппозиции. Знал, что он разделяет оппозиционные взгляды и в 1926 году я вместе с ним работал.

т. МАТУЛЕВИЧ: Знали о том, что разделял с Вами взгляды?

ШАТСКИЙ: Да, знал.

ПРЕДСЕДАТ: Когда приехали в Ленинград в 1932 г. знали уже?

ШАТСКИЙ: Нет, не знал. Если-бы я сейчас не увидел, совершенно не узнал.

т. МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый ШАТСКИЙ, скажите, где Вы встречали первый раз НИКОЛАЕВА?

ШАТСКИЙ: В Институте, я явился туда для того, чтобы узнать, где Бюро "Боевого Землячества", мне хотелось поделиться своими воспоминаниями о пребывании в комсомольской роте. Я встретил, перед этим, ЦЕЙТЛИНА около Финляндского вокзала, который спросил меня, где я живу, я рассказал ему. Он спросил меня, - не связан-ли я с Истомолом, даю-ли я сведения о жизни и участии в гражданской войне. Я сказал нет. Он сказал мне примерно, где помещается "Боевое Землячество", и я, в один из свободных дней, заехал туда, зашел в комнату...

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы сразу узнали НИКОЛАЕВА?

ШАТСКИЙ: Да, сразу узнал.

т. МАТУЛЕВИЧ: На какую тему имели разговор?

ШАТСКИЙ: Я подошел к НИКОЛАЕВУ и сказал, что разыскиваю сотрудника, попросил показать, а тут рядом с его столом, сидел другой работник и я с ним больше не разговаривал.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы знали, что НИКОЛАЕВ живет в Ленинграде?

ШАТСКИЙ: Нет, я ничего не спрашивал.

т. МАТУЛЕВИЧ: Не спрашивали о его партийности?

ШАТСКИЙ: Нет, не интересовался.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы знали, что НИКОЛАЕВ разделял с Вами взгляды?

ШАТСКИЙ: Не знал, что он разделял взгляды ЗИНОВЬЕВА

т. МАТУЛЕВИЧ: Вторая встреча была у трамвайной остановки?

ШАТСКИЙ: Да, она была на углу площади, либо на ул. Красных Зорь и я к нему подошел.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы увидели, что он шел мимо?

ШАТСКИЙ: Я шел мимо, так как живу недалеко, около Ботанического сада и проходил, как раз около остановки трамвая, увидел его и он остановил меня.

т. МАТУЛЕВИЧ: В этом разговоре Вы каждый излили свою ненависть?

ШАТСКИЙ: Я остановился с ним, он спросил, - как я живу, где я был. Я рассказал, как живу и где был, рассказал о последнем переживании.

т. МАТУЛЕВИЧ: С какой целью, когда проезжал ЧУДОВ, он сказал "знаешь кто это?" Что Вы ответили?

ШАТСКИЙ: Я сказал, что я его не знаю, меня меньше всего интересовало.

ПРЕДСЕД.: Значит Вы не знаете?

ШАТСКИЙ: Совершенно верно: я его не знал, но я после того как он проехал продолжал свой разговор и вообще этим не интересовался едет ли ЧУДОВ.

ПРЕДСЕД.: Какие Ваши взгляды были в 1934 году?

ШАТСКИЙ: Я разделял мероприятия партии.

ПРЕДСЕД.: Значит считали правильной политику партии?

ШАТСКИЙ: Да, я осудил свою фракционную деятельность и взгляды, и поставил перед собой задачу, чтобы в ближайшее время взять общественную работу...

ПРЕДСЕД.: Как-же Вы совмещаете Ваши показания и НИКОЛАЕВА?

ШАТСКИЙ: Я говорил о том, что знаю...

(ПРЕДСЕД.: ... Какая цель у НИКОЛАЕВА оклеветать Вас?

ШАТСКИЙ: Этого я не знаю, это он должен знать.

ПРЕДСЕД.: Вы РУМЯНЦЕВА знали?

ШАТСКИЙ: Да, знал.

ПРЕДСЕД.: Вы у него бывали?

ШАТСКИЙ: Да, в 1934 году. Я заходил к нему.

ПРЕДСЕД.: Сколько раз?

ШАТСКИЙ: У РУМЯНЦЕВА в 1934 году я был один раз и один раз встретил его на улице.

ПРЕДСЕД.: Сколько времени Вы живете в Ленинграде, после возвращения из провинции?

ШАТСКИЙ: После возвращения из провинции? Примерно, с февраля по сей момент.

ПРЕДСЕД.: Сколько переменили работ в течение этого времени?

ШАТСКИЙ: Основная работа - на последней службе ...

ПРЕДСЕД.: Почему ушли с первой службы?

ШАТСКИЙ: С первой меня уволили.

ПРЕДСЕД.: За что?

ШАТСКИЙ: Мне ничего не сказали. Мне сказали... я думал, что мне не доверяют на этом ответственном участке.

ПРЕДСЕД.: Как же - не доверяют, если Вы говорите, что поддерживали генеральную линию партии?

ШАТСКИЙ: Точно я не знаю: то-ли организация со мной не сработалась, или другое. Предполагать я могу, но знать не знаю.

ПРЕДСЕД.: Сколько времени Вы без работы?

ШАТСКИЙ: Недели что то две, или даже меньше.

ПРЕДСЕД.: Квартиру имели?

ШАТСКИЙ: Имел.

ПРЕДСЕД.: Прописанным жили?

ШАТСКИЙ: Да, был прописан.

ПРЕДСЕД.: Чем же об"ясняются показания НИКОЛАЕВА? Что-же у Вас личные
III счета были?

ШАТСКИЙ: Личных счетов быть не могло: я знал его в 1922-21 году и больше не видел до 1934 года.

ПРЕДСЕД.: А показания ПОПОВА?

ШАТСКИЙ: С ПОПОВЫМ тоже не было личных счетов. Люди вероятно попутали, забыли с кем о чем говорили.

ПРЕДСЕД.: Садитесь.

Подсудимый ТОЛМАЗОВ!

ТОЛМАЗОВ: Я (встает).

ПРЕДСЕД.: Вы знаете в чем Вас обвиняют?

ТОЛМАЗОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Признаете себя виновным?

ТОЛМАЗОВ: Да.

25/3

ПРЕДСЕД.: Полностью?

ТОЛМАЗОВ: Да, так как сформулировано.

ПРЕДСЕД.: Расскажите, кто и когда из контр-революционной организации, к которой Вы принадлежите, развивал террористические настроения.

ТОЛМАЗОВ: Я знаю - один случай - это Владимир РУМЯНЦЕВ. Когда приходилось разговаривать по общим вопросам, в частности о руководстве ЦК ВКП(б), то у РУМЯНЦЕВА проскальзывали такие настроения по отношению к СТАЛИНУ такого негодующего порядка, которые сводились даже к ненависти. Доходило до того, что когда говорилось имя СТАЛИНА, то у него было такое напряжение, что можно было понять, что если наступит нужный момент, он проявит более максимальные меры.

ПРЕДСЕД.: Кроме террористических настроений РУМЯНЦЕВА, известны ли Вам террористические настроения или разговоры других Ваших единомышленников?

ТОЛМАЗОВ: Больше никого назвать не могу, потому что с другими редко очень встречался, а с РУМЯНЦЕВЫМ чаще.

ПРЕДСЕД.: На вопрос следствия - "кто из членов организации наиболее четко формулировал взгляды о терроре и говорил более прямо", - Вы ответили "Наиболее четко говорил об этом РУМЯНЦЕВ..." (читает). Подтверждаете?

ТОЛМАЗОВ: Совершенно верно.

ПРЕДСЕД.: Вы говорите, что РУМЯНЦЕВ был выразителем наиболее четким террористических взглядов... ну, а остальные, менее четкие?

ТОЛМАЗОВ: Сказать о том каких настроений был КОТОЛЬНОВ в этом отношении - не могу, потому что мне не приходилось на эту тему разговаривать.

25/4

ПРЕДСЕД.: В том же показании имеется такая фраза: "В такой атмосфере.." (читает). Вы здесь имеете в виду слова РУМЯНЦЕВА или всю совокупность?

ТОЛМАЗОВ: Я считаю, что здесь слова РУМЯНЦЕВА, а РУМЯНЦЕВ являлся центральной фигурой.....У ряда ребят такие настроения могли быть, которые могли привести к отдельным террористическим актам.

ПРЕДСЕД.: С кем из подсудимых по этому делу Вам приходилось встречаться по вопросам Вашей организации?

ТОЛМАЗОВ: Один раз с КОТОЛЬНОВЫМ - в 1934 году, когда он приехал из Москвы информировать какие информации он получил в Москве. Я пришел к нему на квартиру, попал на середину разговора. И в этом рассказе выяснилось, что он не только как информатор докладывал это дело, но как определенная фигура, которая занимает центральное место в области руководства организацией.

ПРЕДСЕД.: какое же центральное место - 1-е, 2-е или 3-е?

ТОЛМАЗОВ: Судить об этом очень сложно, но во всяком случае одно из первых мест.

ПРЕДСЕД.: А РУМЯНЦЕВ - 1-е?

ТОЛМАЗОВ: Может быть и 1-е; во всяком случае - одна из первых фигур. Второй фигурой я считаю КОТОЛЬНОВА.

ПРЕДСЕД.: А ЛЕВИНА?

ТОЛМАЗОВ: ЛЕВИНА я вообще не знаю.

ПРЕДСЕД.: АНТОНОВА Вы знаете?

ТОЛМАЗОВ: Знаю, потому что он мне родственник даже.

ПРЕДСЕД.: Что Вам известно о его взглядах?

ТОЛМАЗОВ: С АНТОНОВЫМ я встречался в году...

ЕТ-ПД.

26/1.

ТОЛМАЗОВ: Месяца 4-5 тому назад я встретился/в бытовых отношениях, был в ссоре/ у ФАДЕЕВА на квартире, он был немножко выпившим и никаких разговоров у меня с АНТОНОВЫМ не было. Выпили по бутылке пива и растались, а до этого, когда в 1932 году писали статью, то АНТОНОВ, как грамотный человек, принимал участие в корректировании его, чтобы сдать письмо в Истомол. В дальнейшем разговоров не было, т.к. я с АНТОНОВЫМ был в бытовой ссоре.

ПРЕДСЕДАТ: Ваша личная роль в к/р. организации?

ТОЛМАЗОВ: В том, что я, время от времени посещал РУМЯНЦЕВА, информировался о тех вопросах, которые мне рассказывали и не до конца рассказывали, не полностью, - у меня лично сложилось такое мнение, что ряд вопросов, которые имеются в обвинительном заключении, для меня являются новым, о чем я даже часто не слышал. Первый раз я встретился с РУМЯНЦЕВЫМ в 1934 г., причем он разговаривал на высокие общественные и партийные темы, информировал меня об отдельных моментах, отдельного порядка, чисто оппозиционного. Я был занят на работе и встречался с ребятами редко.

ПРЕДСЕДАТ: Что Вам известно о НИКОЛАЕВЕ?

ТОЛМАЗОВ: Я ничего не знал, только один раз встречался.

ПРЕДСЕДАТ: Вам известно, что он принадлежал к к/р. организации?

ТОЛМАЗОВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТ: А прежде?

ТОЛМАЗОВ: Он был из комсомольцев, которые в те времена, особенно Выборгский район, , но как о фигуре, о личности НИКОЛАЕВА, я вообще ничего не знал.

26/2.

ПРЕДСЕДАТ: Чем об"ясните Ваши показания, если Вы НИКОЛАЕВА не знали и настроений его не знали, то зачем Вы берете на себя ответственность политическую и моральную, за убийство тов.КИРОВА?

ТОЛМАЗОВ: Об этом деле меня информировал следователь, что этот гражданин является воспитанником этого дела. Я говорю, - раз так, независимо от того, знаю я или нет, раз я принимал участие в этой организации, то я несу, как моральную, так и политическую ответственность, хотя эту фигуру не видел и не знаю.

ПРЕДСЕДАТ: В вашей к.-р. организации, где Вы состояли в 1934 г. - имели место террористические настроения?

ТОЛМАЗОВ: Я расскажу по поводу РУМЯНЦЕВА, с другими ребятами я не встречался.

ПРЕДСЕДАТ: Имели место с РУМЯНЦЕВЫМ?

ТОЛМАЗОВ: Да,

ПРЕДСЕДАТ: Ваша организация несет ответственность, которая выражала и воспитывала, имея такой идейный багаж, что террористические настроения имели место.

ТОЛМАЗОВ: Логически так. Всякое контр-революционное мероприятие, которое проводится или намечается к проведению - есть ограничение свободного мероприятия и может привести к этому моменту.

ПРЕДСЕДАТ: Ваша организация проповедывала убийство наших вождей, за это вас и судят. В показании от 13 декабря имеется; "что в такой атмосфере"... Вы это сами писали?

ТОЛМАЗОВ: По существу правильно.

ПРЕДСЕДАТ: РУМЯНЦЕВ был один из руководителей группы. Все Ваши группировки и центр - это был террористический центр?

26/3.

ТОЛМАЗОВ: Я в числе центра не был.

ПРЕДСЕДАТ: Около центра?

ТОЛМАЗОВ: Я был связан с фигурой, как РУМЯНЦЕВ.

ПРЕДСЕДАТ: РУМЯНЦЕВ был руководителем?

ТОЛМАЗОВ: Да, руководителем.

ПРЕДСЕДАТ: В качестве кого Вы состояли у РУМЯНЦЕВА?

ТОЛМАЗОВ: Я просто приходил к РУМЯНЦЕВУ и разговаривал и на этом ставили точку.

ПРЕДСЕДАТ: Какую ставили точку? О чем разговаривали? О картошке, о карточках или об убийстве т.КИРОВА?

ТОЛМАЗОВ: Об убийстве т.КИРОВА и вообще о террористических актах, - разговора не было.

ПРЕДСЕДАТ: В самом заявлении Вы указывали, что четко говорил РУМЯНЦЕВ.

ТОЛМАЗОВ: Совершенно правильно, когда шла речь в части охраны, у него были такие настроения.

ПРЕДСЕДАТ: Какие?

ТОЛМАЗОВ: Когда шел разговор о СТАЛИНЕ, о статье "Головокружение от успехов" и других моментах, которых обсуждались и по которым разговаривали, то у него выходило так, что, по его мнению, мероприятий к устранению СТАЛИНА нет никаких. Когда он упоминал фигуру СТАЛИНА, то у него в этот момент был скрежет зубов. Из этого ясно, что РУМЯНЦЕВ был настроен не только против, но и к насильственным действиям.

ПРЕДСЕДАТ: В показании от 15-го декабря РУМЯНЦЕВ делал вывод, что "только устранить СТАЛИНА"... Вот это выражение "устранить" говорил РУМЯНЦЕВ насильственным путем и неоднократно был такой разговор.

ТОЛМАЗОВ: Да, раза два-три.

ПРЕДСЕД.: "РУМЯНЦЕВ ..." (читает). Подтверждаете Вы это?

ТОЛМАЗОВ: Подтверждаю.

ПРЕДСЕД.: Все таки, какую роль Вы исполняли при РУМЯНЦЕВЕ?

ТОЛМАЗОВ: Роль моя заключалась в том, что я время от времени приходил, говорил по общим вопросам работы, по общим вопросам партийного порядка. Он выслушивал меня, давал свои некоторые вопросы по этим вопросам и в результате разговор на этом кончался и я уходил. Никакой роли особого порядка у меня не было. Я даже больше скажу: видимо не всегда мне досказывали; потому что с рядом вопросов я совершенно не был знаком, о чем я и заявлял следователю.

ПРЕДСЕД.: С ЛЕВИНЫМ Владимиром Вам приходилось встречаться?

ТОЛМАЗОВ: Один раз встретился в Смольном и даже не поздоровкался за руку, а так.

т.МАТУЛЕВИЧ: Когда КОТОЛЬНОВ приехал из Москвы и пришел к РУМЯНЦЕВУ, — кто Вас предупредил об этом?

ТОЛМАЗОВ: Я специально пришел и попал на половину разговора.

т.МАТУЛЕВИЧ: Кто же там был во время этого Вашего "случайного" прихода?

ТОЛМАЗОВ: КОТОЛЬНОВ, РУМЯНЦЕВ и его жена, и КОТОЛЬНОВ их информировал.

т.МАТУЛЕВИЧ: О чем он информировал?

ТОЛМАЗОВ: О том, что он был у ФАЙВИЛОВИЧА и ТАРАСОВА, о чем они разговаривали между собой ... Во время рассказа всплыла такая мысль — кем можно заменить СТАЛИНА в случае, и решили, что КАГАНОВИЧ не подойдет, что недостаточно авторитетный и что одна из фигур, наиболее авторитетная, это ЗИНОВЬЕВ.

т.МАТУЛЕВИЧ: На чем же закончился разговор?

ТОЛМАЗОВ: Я пришел и застал разговор на половине, и его стали сводить на нет, быстро перешли на бытовые темы...

27/2

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы что — считаете, что вас стеснялись там? Вы заранее, видимо, были предупреждены, что КОТОЛЫНОВ должен был прийти на квартиру к РУМЯНЦЕВУ и сделать информацию.

ТОЛМАЗОВ: Нет, я честно заявляю, что попал случайно.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы были солидарны с этими разговорами?

ТОЛМАЗОВ: Нет, в отдельных вопросах я не был солидарен.

т.МАТУЛЕВИЧ: А с основным вопросом — о необходимости отстранения руководства?

ТОЛМАЗОВ: Я никогда на это дело не реагировал прямо.

т.МАТУЛЕВИЧ: Я сейчас Вас спрашиваю — Вы согласны были с политикой партии или нет?

ТОЛМАЗОВ: Был согласен.

т.МАТУЛЕВИЧ: Как же Вы были согласны с РУМЯНЦЕВЫМ о необходимости смены руководства?

ТОЛМАЗОВ: Я всегда сводил разговор к тому, что надо горбом добывать авторитет.

т.МАТУЛЕВИЧ: Тогда скажите — в чем Вы были согласны с РУМЯНЦЕВЫМ и с кем не согласны?

ТОЛМАЗОВ: Например, о всяких настроениях я был целиком и полностью не согласен в области террора, о том, что желательно, чтобы в результате т.е. приблизить к партийному руководству тех людей, которые до сегодняшнего дня... ну, в частности, ЗИНОВЬЕВА.

т.МАТУЛЕВИЧ: Значит так и скажите, что Вы считали необходимым возвращение к руководству ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА.

ТОЛМАЗОВ: Да.

т.МАТУЛЕВИЧ: Как же Вы говорите, что были согласны с политикой партии, в то время как Вы мечтали о возвращении ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА?

27/3

ПРЕДСЕД.: А отсюда, Вы были согласны с выводом некоторых Полит.Бюро.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы были согласны с РУМЯНЦЕВЫМ и сами жили этой мыслью о необходимости смены руководства.

ТОЛМАЗОВ: У меня была мысль такого порядка, что внедрение этих людей ... Я например сменять руководителей, руководство - такого настроения не имел, а привлечь этих людей к партийной работе, к партийному руководству...

МАТУЛЕВИЧ: Кто еще посещал квартиру РУМЯНЦЕВА?

ТОЛМАЗОВ: Один раз я видел КОТОЛЬНОВА, потом СЕРЕДОХИНА и года три-четыре тому назад еще раз АНТОНОВА и ФАДЕЕВА.

т.МАТУЛЕВИЧ: На протяжении какого периода лет Вы ходили к РУМЯНЦЕВУ? Последние годы - 1932-34 - ходили?

ТОЛМАЗОВ: Да.

МАТУЛЕВИЧ: Можно ли считать, что злоба к руководству нарастала. Можно ли сделать вывод, что в 1934 году вопрос особенно остро ставился?

ТОЛМАЗОВ: И даже раньше. Наростание безусловно было.

т.МАТУЛЕВИЧ: Озлобленность нарастала?

ТОЛМАЗОВ: Да.

т.МАТУЛЕВИЧ: И как раз в 1934 году в последнее Ваше посещение Вы сделали вывод о том, что РУМЯНЦЕВ ставит вопрос о терроре?

ТОЛМАЗОВ: Да, да.

т.МАТУЛЕВИЧ: И Вы были солидарны с ним?

ТОЛМАЗОВ: В 1934 году в этом духе говорилось еще в начале года, а в конце ничего не слышал.

т.МАТУЛЕВИЧ: Но в таких более решительных мерах борьбы Вы с ними согласны?

ТОЛМАЗОВ: У меня настроение было такого рода...

т.МАТУЛЕВИЧ: Мы уже знаем о Ваших настроениях. Садитесь.

НИКОЛАЕВ: Об"яснение можно дать?

ПРЕДСЕДАТ.: Перерыв на десять минут.

ЕТ-ПД.

28/1.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый НИКОЛАЕВ, может быть желаете, чтонибудь добавить к показаниям?

НИКОЛАЕВ: В отношении знакомства Андрияша ТОЛМАЗОВ, почему то отрицает, но мы оба выборжцы и с 1924 года были тесно связаны по работе. У меня есть документы, когда он мне написал большую резолюцию на заявлении, потом в Райкоме, когда работал ТОЛМАЗОВ - мы были приятелями, и я был второй рукой у КОТОЛЬНОВА, и он не знает меня не может. В последний период, когда мы работали в Сев.Зап.... также встречались.

ПРЕДСЕДАТ: В последний период, в 1934 году, приходилось встречаться?

ТОЛМАЗОВ: Нет, не приходилось.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый ТОЛМАЗОВ, может быть Вы вспомнили?

ТОЛМАЗОВ: Нет, возможно, когда я работал на комсомольской работе, то меня многие знали, но я НИКОЛАЕВА не помню.

Я повторяю, что НИКОЛАЕВА не видел с 1925 г., как ушел в Сев.РКИ, - я не знаю.

НИКОЛАЕВ: Когда мы приезжали в Горком, будучи членами ЦК Комсомола, в момент развертывания работы, то он приезжал и делал отчет в Луге, я был в президиуме, Мотя ИВАНОВ и он.

ТОЛМАЗОВ: Это было много времени тому-назад, я не помню.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый Толмазов садитесь.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый МЯСНИКОВ, признаете себя виновным в пред"явленном обвинении?

МЯСНИКОВ: Я только делаю поправку в обвинительному заключению, что я признал себя виновным в том, что состоял в к.-р. организации, но я признаю сейчас не только то, что состоял в к/р. организации, но и то, что был в ленинградском центре, об этом было написано.

28/2.

ПРЕДСЕДАТ: Какая была Ваша роль?

МЯСНИКОВ: Я прошу разрешения у суда, зачитать свои показания суду, они очень короткие, или я расскажу по записи.

ПРЕДСЕДАТ: Кто входил в ленинградский центр, куда Вы сами входили?

МЯСНИКОВ: ЛЕВИН В. - он являлся организатором, этой организовавшейся, после ХУ-го съезда в 1928 г., к.-р. организации, потом ДМИТРИЕВ Тимофей, МАНДЕЛЬШТАМ, КОТОЛЬНОВ, РУМЯНЦЕВ, я и СОСИЦКИЙ.

ПРЕДСЕДАТ: В 1934 году кто остался в составе центра?

МЯСНИКОВ: Примерно с 1933 г. я о полном составе центра не знаю, т.к. поддерживал связь с ЛЕВИНЫМ и РУМЯНЦЕВЫМ.

ПРЕДСЕДАТ: В Последний период руководящую роль играли ЛЕВИН и РУМЯНЦЕВ?

МЯСНИКОВ: Я поддерживал связь с РУМЯНЦЕВЫМ, считая его лицом, возглавлявшим зиновьевскую организацию в Ленинграде.

ПРЕДСЕДАТ: Кто был представителем московского центра, кто поддерживал связь?

МЯСНИКОВ: В 1928 г. приезжали ШАРОВ, ГЕРТИК, в 1934 г. ко мне приезжали КУКЛИН и ЕВДОКИМОВ.

ПРЕДСЕДАТ: Какие лично Ваши функции?

МЯСНИКОВ: Я поддерживал связь с Москвой по поручению ленинградского центра. В 1929 г. был на квартире у ЗИНОВЬЕВА, разговаривал с ним, в 1928 г. я виделся в Москве с ГЕРТИКОМ и разговаривал с КАМЕНЕВЫМ. В 1931 г., по поручению центра, был на квартире у БАКАЕВА. Это одна часть моих функций, другая часть - информация ленинградского центра на основе секретных документов, принимаемых решений партии, т.к. я был в партии и занимал руководящие работы в Московско-Нарвском районе.

28/3.

Кроме этого, информировал ленинградский центр о настроении партийных и советских кругов. По поручению центра в конце 1928 г. и начале 1929 г., выступил на партийном активе в Ленинграде против РЫКОВА, причем установка ЛЕВИНА вытекала из необходимости выступить против ТРОЦКОГО и РЫКОВА, я это выполнил и выступил на этом активе.

104
ПРЕДСЕД.: ... А последующие годы - 1933-34?

МЯСНИКОВ: В 1933- и 34 году вся работа ограничивалась главным образом поддержанием связи с низовыми людьми - с КОРОТКОВЫМ, ШИРЯЕВЫМ - зятем ЕВДОКИМОВА, и, в связи с тем, что РУМЯНЦЕВ работал в Выборгском Райсовете, он приезжал в Смольный и поддерживал со мной связь. Другой работы по линии центра я не выполнял в тот период.

ПРЕДСЕД.: Какие задачи ставила перед собой Ленинградский центр в 1933-34 году?

МЯСНИКОВ: Я бы характеризовал таким образом, что в 1933-34 году у самого Ленинградского центра твердых установок, что ему делать не было. Это вполне понятно, потому что он потерял всякую ориентацию, потому что, так называемые, "вожди" ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ достаточно себя скомпрометировали, потому что успехи, которые имела страна, достаточно говорили о несостоятельности всей оппозиции и о ее разгроме.

Вместе с тем, начиная с 1928 года, шли всякие разговоры о том, что необходимо бороться с партийным руководством. И в 1933-34 году центр не собирался, не обсуждал, но если можно вывести из разговоров, которые мне приходилось иметь в этот период, то основная установка была в том, что надо беречь вождей.

ПРЕДСЕД.: Каких вождей?

МЯСНИКОВ: ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, - возможней популяризировать их, не подрывать окончательно их авторитета - и всякие такие вещи, ставя своей задачей то, что все таки они должны будут притти к руководству.

ПРЕДСЕД.: К руководству? Каким образом Вы думали добиться того, чтобы ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ вернулись к руководству. Какая практика

у Вас намечалась?

МЯСНИКОВ: Практика намечалась такая: в 1934 году в отношении практики я ничего сказать не могу, но если исходить из той обстановки, которую создавали мы сами - и члены центра, и члены ленинградской организации - то ясно, что этот путь был путь авантюризма, путь террористический.

ПРЕДСЕД.: Значит Вы хотели ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ заменить убитых членов Полит.Бюро?

МЯСНИКОВ: Так не ставился вопрос.

ПРЕДСЕД.: И все таки, членами центра так ставился вопрос?

МЯСНИКОВ: Нет, по скольку я знаю, ни ЛЕВИНЫМ, ни мно ю в разговорах с РУМЯНЦЕВЫМ - мы таких вещей не говорили.

ПРЕДСЕД.: Как же так, кто же это говорил, если в последнее время в центре было 3 человека?

МЯСНИКОВ: Там было больше, но из разговора с РУМЯНЦЕВЫМ и ЛЕВИНЫМ я знал, что были такие люди, которые договариваются до очень серьезных вещей. Кто эти люди я не знаю.

ПРЕДСЕД.: В Ваших показаниях есть такая фраза: "Некоторые члены группы говорили..." (читает).

МЯСНИКОВ: Точно. Это было в 1928 году и было заявлено ГЕРТИКОМ и ШАРОВЫМ на одном из собраний центра на квартире у ЛЕВИНА, что для того чтобы добиться смены руководства - так как СТАЛИН не отдаст власти без боя, - то придется применить 7-е ноября, со всеми вытекающими выводами.

ПРЕДСЕД.: Какими выводами?

МЯСНИКОВ: Видимо, стало быть, были люди... стрельба в вождей...

ПРЕДСЕД.: А Вы без "видимо".

МЯСНИКОВ: Ну, гражданская война, вооруженное выступление.

ПРЕДСЕД.: Вооруженное выступление одиночек, или массовое?

МЯСНИКОВ: Так, как я понял ГЕРТИКА и ШАРОВА - это должно было быть вооруженным наступлением масс.

ПРЕДСЕД.: С одной стороны нужно повторить события 7-го ноября 1927 года и - с другой стороны стрельба в вождей. Как Вы понимаете стрельбу в вождей - индивидуальный террор?

МЯСНИКОВ: Конечно.

ПРЕДСЕД.: Кто из Ваших сторонников высказывался в необходимости стрельбы в вождей?

МЯСНИКОВ: Это было заявлено ГЕРТИКОМ и ШАРОВЫМ, которые приезжали из Московского центра.

ПРЕДСЕД.: Когда это было?

МЯСНИКОВ: В 1928 году, во второй половине.

ПРЕДСЕД.: Где они разговаривали?

МЯСНИКОВ: На квартире у ЛЕВИНА, когда там присутствовал ЛЕВИН, я, РУМЯНЦЕВ, СОСИЦКИЙ, ДМИТРИЕВ, КОРШУНОВ и не помню - был или не было КОТОЛЬНОВА.

ПРЕДСЕД.: А в 1934 году, кто говорил о необходимости стрельбы?

МЯСНИКОВ: В 1934 году я таких разговоров не слышал.

ПРЕДСЕД.: Но ведь стреляли?

МЯСНИКОВ: Да, люди стреляли, но мне не говорили об этом.

ПРЕДСЕД.: Вы ведь член центра?

МЯСНИКОВ: Да, я член центра, но о подготовке террористического акта я не слышал. Я даже не знал, что НИКОЛАЕВ является членом ленинградского центра.

ПРЕДСЕД.: В какой мере Вы считаете себя ответственным за убийство тов. КИРОВА?

МЯСНИКОВ: Я считаю, поскольку я состою в организации членом центра, участвовал в создании обстановки злобы и ненависти, в обстановке,

которой возможен был выстрел в КИРОВА и готовилось покушение на СТАЛИНА, — я должен отвечать как член организации за это убийство.

ПРЕДСЕД.: У Вас при обыске было взято два револьвера. Зачем вы их имели?

МЯСНИКОВ: Для самозащиты.

ПРЕДСЕД.: Против какой? Ведь Вы собирались нападать, а не на Вас нападали?

МЯСНИКОВ: Я не собирался употребить это оружие для нападения. Маузер принадлежал моей жене, а другой револьвер мне. Я получил его во время службы в Красной Армии.

ПРЕДСЕД.: А для чего Вы хранили у себя архив бывшей оппозиции?

МЯСНИКОВ: Я оправдываться здесь не хочу. Я хранил целый ряд секретных документов, периода 1926 — 27 годов.

ПРЕДСЕД.: Секретных от кого и для кого?

МЯСНИКОВ: И от партии секретных, и вообще, с точки зрения даже государственной.

ПРЕДСЕД.: Документы какой организации?

МЯСНИКОВ: Эти документы бывшей оппозиции периода 1926—27 годов.

ПРЕДСЕД.: Эти документы составлялись для каких учреждений?

МЯСНИКОВ: Для государственных учреждений.

ПРЕДСЕД.: Почему же Вы называете их секретными?

МЯСНИКОВ: Потому что я, являясь двуручником, не сдал их в свое время соответствующим организациям.

ПРЕДСЕД.: Какие документы?

МЯСНИКОВ: Завещание ЛЕНИНА, стенограмма допроса или выступление ТРОЦКОГО и ЗИНОВЬЕВА, платформа оппозиции; потом там целый ряд за-

108

29/5

писей моих личных и отдельные пасквилы, в виде стихотворений, песен, которые распевались оппозицией в то время?

ПРЕДСЕД.: Для чего Вы их хранили?

МЯСНИКОВ: Я сам не знаю для чего.

ПРЕДСЕД.: На вопрос, заданный следствием Вы ответили - "хранил я эти документы..." (читает).

МЯСНИКОВ: Да, конечно.

ПРЕДСЕД.: Вы их хранили до последнего времени?

МЯСНИКОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Когда Вы представили заявление о вступлении в партию, о возвращении в партию, кто Вам корректировал это заявление?

МЯСНИКОВ: Заявление мне никто не корректировал, я перед тем, как идти на заседание Контрольной Комиссии, был у ГЕРТИКА, который информировал меня, как идти на заседание этой комиссии, чтобы вступить в партию, конечно, с двуручническими целями, чтобы продолжать борьбу против партии.

ПРЕДСЕДАТ: ЛЕВИН являлся уполномоченным ленинградского центра и руководил всей этой работой; Вы это подтверждаете?

МЯСНИКОВ: Да, подтверждаю.

г. МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый МЯСНИКОВ, часто последнее время собирался центр?

МЯСНИКОВ: В 1933-34 г.г. центр не собирался, в целях конспирации мы перешли на индивидуальный способ. Я поддерживал связь с ЛЕВИНЫМ и РУМЯНЦЕВЫМ.

г. МАТУЛЕВИЧ: Метод борьбы у Вас намечался?

МЯСНИКОВ: При разговоре с РУМЯНЦЕВЫМ, о методе борьбы, у нас не говорилось, так как ЛЕВИН предупреждал, что нужно быть осторожнее. При разговоре с ЛЕВИНЫМ дело ограничивалось информацией и он информировал меня, так как был в курсе дел по сведениям из Москвы.

г. МАТУЛЕВИЧ: Метод борьбы не обсуждали?

МЯСНИКОВ: В период 1934 года не обсуждали.

ПРЕДСЕДАТ: Почему Вас предупреждали об осторожном отношении к РУМЯНЦЕВУ?

МЯСНИКОВ: Он говорил, что с РУМЯНЦЕВЫМ нужно быть немножко поосторожнее, потому что парень настроен нехорошо.

ПРЕДСЕДАТ: Почему нехорошо?

МЯСНИКОВ: Я не задавал такой вопрос - почему.

ПРЕДСЕДАТ: Вы член центра, Вас предупреждают, что РУМЯНЦЕВ не хорошо настроен и Вы не знаете почему, как не хорошо настроен?

МЯСНИКОВ: У него было настроение, вообще недовольства партийным руководством и положением.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы довольны были?

МЯСНИКОВ: У меня было тоже недовольство, но оно могло выражаться по иному.

т. МАТУЛЕВИЧ: У РУМЯНЦЕВА особо озлобленное настроение?

МЯСНИКОВ: В конце 1934 г. у него было недовольное и озлобленное настроение.

т. МАТУЛЕВИЧ: Скажите прямо, - какое настроение?

МЯСНИКОВ: Озлобленное настроение против партийного руководства.

т. МАТУЛЕВИЧ: РУМЯНЦЕВ с кем должен был иметь связь?

МЯСНИКОВ: Не знаю.

т. МАТУЛЕВИЧ: Кто должен знать?

МЯСНИКОВ: ЛЕВИН, как руководитель, а я держал связь с КОРОТКОВЫМ, потом с ШИРЯЕВЫМ - затем ЕВДОКИМОВА,

ПРЕДСЕДАТ: Вы знали, что в Вашем центре есть террористические настроения?

МЯСНИКОВ: Я чувствовал, что есть озлобленное и ненавистное настроение, но что готовится террористический акт...

ПРЕДСЕДАТ: У Вас были террористические настроения?

МЯСНИКОВ: В период 1933-34 г.г. я встречался с ЛЕВИНЫМ, у которого террористических настроений не было.

т. МАТУЛЕВИЧ: У Вас в ленинградском центре были террористические настроения?

МЯСНИКОВ: Нет, не знаю.

ПРЕДСЕДАТ: О РУМЯНЦЕВЕ знали, что он член центра?

МЯСНИКОВ: Да, как члена центра, но о других настроениях членов центра, я не знал. Знал только о том, что РУМЯНЦЕВ один период был очень злобно настроен.

т. МАТУЛЕВИЧ: Какой там период, все время.

МЯСНИКОВ: Но конец 1933 г. половина 1934 г. бросалась в глаза.

т. МАТУЛЕВИЧ: Кто руководитель ленинградского центра?

МЯСНИКОВ: Я являлся членом центра.

ПРЕДСЕДАТ: В показании от 18-го декабря Вы иначе выражались: "слепая ненависть к руководству ВКП/б/, особенно к СТАЛИНУ"... Вы подтверждаете это?

МЯСНИКОВ: Я подтверждаю это целиком, и уже заявил, что я, как член организации, несу ответственность за убийство тов. КИРОВА со стороны террористической группы.

ПРЕДСЕДАТ: Как один из подстрекателей?

МЯСНИКОВ: Я был один из участников, которые создавали террористические настроения в группе.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый МЯСНИКОВ садитесь.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый ХАНИК, признаете себя виновным в пред"явленном Вам обвинении?

ХАНИК: Признаю.

ПРЕДСЕДАТ: С какого времени принимали участие в этой организации?

ХАНИК: Незадолго после возвращения моего из Казакстана, процесс сколачивания этой организации происходил по мере возвращения людей и по мере притягивания кадров в Питер, примерно, с 1930 г.

ПРЕДСЕДАТ: Был перерыв в работе организации?

ХАНИК: Перерыв с 1933 г. с июня месяца, т.е. с момента моего переезда в Кронштадт.

ПРЕДСЕДАТ: Кто входил в центр ленинградской организации?

ХАНИК: Я о центре знал со слов РУМЯНЦЕВА, что существует руководящая группа или центр - это одно и то же. Помню он называл ЛЕВИНА, МЯСНИКОВА и СОСИЦКОГО Льва.

ПРЕДСЕД.: В Ваших показаниях Вы назвали РУМЯНЦЕВА, ЛЕВИНА, МАНДЕЛЬШТАМА, МЯСНИКОВА.

ХАНИК: Так, так.

ПРЕДСЕД.: А в московский центр кто входил?

ХАНИК: В московский центр входили бывшие руководители оппозиции - ЗИНОВЬЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, - о ЗАЛУЦКОМ я не знаю, потому что у него одно время были большие колебания, - затем КУКЛИН и ШАРОКИН.

ПРЕДСЕД.: Какой практике придерживалась организация, в которой Вы были членом, в 1934 году?

ХАНИК: Я говорил, что в 1933 году я отказался от организации, в силу обстановки той работы, которую вел.

ПРЕДСЕД.: Ну, а в 1933 году?

ХАНИК: Тогда придерживались практике сколачивания и подтягивания сил - во первых, и во вторых, литературная работа, популяризация целого ряда людей, имевших отношение к оппозиции и к настоящей контр-революционной организации.

ПРЕДСЕД.: Какими методами Вы думали дать дорогу Вашим "вождям" в ковычках - ЗИНОВЬЕВУ и КАМЕНЕВУ?

ХАНИК: Методом сбережения сил.

ПРЕДСЕДАТ.: Собирают кадры для чего - для какого то выступления?

ХАНИК: В разговорах с РУМЯНЦЕВЫМ, он сказал мне таким образом: во первых, могут быть события аналогичные событиям - 1926-28 годов, т.е. открытая дискуссия на фоне тех недовольств, которые, якобы, имели место. Во вторых, была надежда на смычку с другими антипартийными организациями.

ПРЕДСЕД.: Какими?

ХАНИК: Во первых, правыми, затем право-левацкими - ДОМИНАДЗЕ-ШАЦКИМ, которые имели большие силы.

ПРЕДСЕД.: Так это же просто болтовня.

ХАНИК: Может быть болтовня - я передаю то что слышал на самом деле. И наконец говорилось о том, что возможность войны.

ПРЕДСЕД.: Как война должна была Вам помочь?

ХАНИК: ... Разрешите продолжить мысль... Возможность ситуации войны, как и революции в одной из стран, могла бы вынести на гребень войны это самое руководство.

ПРЕДСЕД.: "Во время войны, на гребень волны".

ХАНИК: Все равно - война или революция.

ПРЕДСЕД.: Так как же ЗИНОВЬЕВ на гребень вылезет? Как использовать войну против Советского Союза? Расскажите подробнее - интересно все-таки.

ХАНИК: Здесь может быть разная ситуация - на случай об"явления войны например... видимо имели ввиду воспользоваться теми осложнениями, которые могли оказаться в стране, причем, нам прививали такую установку, что в войне основной массой воюющих будут крестьяне и колхозники, как преобладающая часть нашего человечества, и так как царит не-среди них недовольство, то здесь мне думается, очевидно, установка была такой контр-революционной установкой - использовать вооружение рабочих в интересах пролетарской революции.

ПРЕДСЕД.: Что то туманно сказано. Вы что думали - разоружить части Красные, т.е. на сторону врага перейти?

ХАНИК: Я сказал по моему ясно.

ПРЕДСЕД.: Я не понял. Предположим началась война, так какова Ваша практика, что Вы в этой войне будете делать?

ХАНИК: Пользоваться теми осложнениями, которые могут быть во время войны.

ПРЕДСЕД.: Так Вы то на чью сторону думали стать: на сторону врага, или же в тылу... назовите вещи своими именами.

ХАНИК: Воспользоваться этими осложнениями и притти к власти.

ПРЕДСЕД.: Каким образом воспользоваться? Перейти на сторону врага совсем?

ХАНИК: Очевидно, да.

ПРЕДСЕД.: Кто Вам говорил это?

ХАНИК: РУМЯНЦЕВ.

ПРЕДСЕД.: РУМЯНЦЕВ это Вам говорил?

ХАНИК: Да, РУМЯНЦЕВ.

ПРЕДСЕД.: В каком году?

ХАНИК: Примерно в 1933 году, когда мы оба приехали в отпуск. Он был в том же районе в Крыму, где и я.

ПРЕДСЕД.: Он говорил, что эта установка идет от ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА?

ХАНИК: Нет, он этого не говорил.

ПРЕДСЕД.: Откуда же эта установка исходит: от ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА или от второго штаба польской охраны. Или это все равно?

ХАНИК: Нет, это не одинаково, но поскольку ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ ... поскольку РУМЯНЦЕВ был связан с ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ...

ПРЕДСЕД.: А те с кем были связаны?

ХАНИК: Вот уж я не знаю - с кем были связаны. Все сами по себе были.

ПРЕДСЕД.: Вы говорите, что Ваша группа во время войны хотела воспользоваться сложившейся ситуацией... Что же это изме-

на или не измена?

ХАНИК: Я сказал - что бы притти к власти ЗИНОВЬЕВУ и КАМЕНЕВУ.

ПРЕДСЕД.: Опираясь на чью силу?

ХАНИК: На силу колхозников, как основной массы Союза.

ПРЕДСЕД.: То есть - явный изменческий акт?

ХАНИК: Да, так выходит.

ПРЕДСЕД.: И Вы солидаризировались?

ХАНИК: Не совсем.

ПРЕДСЕД.: На сколько же процентов не солидаризировались - на десять, на двадцать?

ХАНИК: Я боюсь сказать на сколько процентов.

ПРЕДСЕД.: И я тоже боюсь. И это люди с партийным билетом! Садитесь, ХАНИК.

т.МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый ХАНИК, Вы лично НИКОЛАЕВА знали?

ХАНИК: Я знал в 1923 году, когда посещал Выборгский Райком, а больше его не встречал.

т.МАТУЛЕВИЧ: Откуда Вы знали, что он состоит в организации?

ХАНИК: Со слов РУМЯНЦЕВА. Он говорил о ряде людей, в том числе и НИКОЛАЕВЕ.

т.МАТУЛЕВИЧ: Он говорил какую деятельность он проявляет?

ХАНИК: Нет, не говорил.

т.МАТУЛЕВИЧ: Он говорил, что состоит членом центра ленинградского?

ХАНИК: Как будто членом центра.

НИКОЛАЕВ: Можно добавить?

ПРЕДСЕД.: Пожалуйста.

НИКОЛАЕВ: С ХАНИКОМ не встречался с 19... года и до отъезда в КРОН-ШТАДТ. Он знал мои настроения.

31/5

..... положение в Горькоме. ХАНИИ там работал, я часто заглядывал и мы беседовали.

ХАНИК: Я категорически отрицаю, что знал НИКОЛАЕВА, с 1931 г. я учился и одновременно работал, так что видется с ним не мог, так как был очень занят.

ПРЕДСЕДАТ: Где работали?

ХАНИК: На курсовой сети.

НИКОЛАЕВ: Я знал о том, что он учится.

ХАНИК: А после учебы я работал заместителем директора Промышленного Техникума.

НИКОЛАЕВ: Мы часто встречались в Смольном, он приезжал туда за билетами, когда проводились торжественные заседания. Груп... САЙКИН и ЕСТИФЕЕВ.....

ПРЕДСЕДАТ: Вы знали САЙКИНА?

ХАНИК: Да, знал. Я был в комнате Технологического Института и всю свою работу проводил исключительно там, никакого отношения к Горкому не имел.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый МЯСНИКОВ, пожалуйста, садитесь.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый ЛЕВИН, Вы признаете себя виновным.

ЛЕВИН: Я признаю себя виновным в том, что с 1928 года до последнего времени, принадлежал к группе зиновьевцев и был одним из руководителей этой группы.

ПРЕДСЕДАТ: В качестве кого Вы были?

ЛЕВИН: Одним из руководителей этой группы.

ПРЕДСЕДАТ: Какой группы?

ЛЕВИН: Зиновьевской группы в Ленинграде.

ПРЕДСЕДАТ: Вы недавно, два дня тому назад, сказали; "подтверждаю показания МЯСНИКОВА, что я являлся уполномоченным"...

ЛЕВИН: Да, согласен.

ПРЕДСЕДАТ: События давно прошедших периодов, скажите - какие задачи преследовала Ваша организация в 1934 г., и какая была тактика?

ЛЕВИН: Организация зиновьевцев в 1934 г. преследовала те-же цели, т.е. добиваться идейного руководства ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, насильственного изменения состава руководящего центра. В 1934 году предполагалось, на основе того, что ЗИНОВЬЕВ вернулся из ссылки, восстановлен в партии, выступил на ХУП-м с "езде партии, был назначен в редакционный коллегия "Большевика", что таким путем, при помощи внедрения в партийные организации о том, что зиновьевцы существуют, добиваться максимального привлечения к руководству ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА. Вот та тактика, которая была за последний период 1934 г. Работая в "Большевике", ЗИНОВЬЕВ надеялся постоянно давать знать о себе в печати.

ПРЕДСЕДАТ: Чтобы больше ЗИНОВЬЕВ написал статей в "Большевик"?

ЛЕВИН: Чтобы изнутри добиваться привлечения к руководству ЗИНОВЬЕВА. Наша группа методов террористических актов не признавала.

ПРЕДСЕДАТ: Первый раз слышите?

ЛЕВИН: Говорю - не признавала, но к.-р. работа, проводимая нами, сводилась к тому, что каждое конкретное мероприятие мы критиковали, подрывая доверие к политике партии, привели к тому, что в отдельных рядах нашей группы выросли фашисты.

ПРЕДСЕДАТ: Подстрекателями этих фашистов являлись руководители вашей организации?

ЛЕВИН: Руководство нашей организации виновато в том, что приводило организационную работу и вызвало к жизни этих фашистов. Я говорю относительно того, кто стрелял в затылок С.М.КИРОВА, я говорю о НИКОЛАЕВЕ. Я сам НИКОЛАЕВА вижу в первый раз, до этого дня я с ним не встречался, так-же как и с другими обвиняемыми, сидящими вместе со мной. Но я по-

нимаю, что он был связан с нашей группой, его выстрел является результатом нашей к/р. работы и я несу, одинаково, ответственность с ним за выстрел, в нашего горячо любимого КИРОВА.

ПРЕДСЕДАТ: Если Вы ничего не делали, а старались только, чтобы ЗИНОВЬЕВ написал побольше статей в "Большевике", то причем тут Ваша виновность, что НИКОЛАЕВ стрелял в т. КИРОВА?

ЛЕВИН: Дело в том, что мы критиковали каждый шаг работы партии. Вот допустим, идет процесс о поджоге рейхстага, выступает с громадным энтузиазмом один из лучших и рядом с ним плетется, чтобы провести и вместо того, чтобы видеть заслуги ДМИТРОВА, что ДМИТРОВ выступает на этом процессе, наша группа взялась подрывать работу Коминтерна, качество его работы. Вот Вам одно, что мы проводили, мы подрывали доверие политики компартии. В 1934 г. мы переживали трудности, в связи с саботажем и новыми мероприятиями в деревне, чтобы видеть этот кулацкий саботаж, который внес некое затруднение в Ленинграде, мы взяли факт ухудшения положения и отнесли его за счет руководства Компартии. Все это единомышленники знали, и, конечно, только между нами не оставалось. Вот Вам второй метод, по которому мы проводили нашу работу, и который привел к выстрелу в С.М. КИРОВА. Мы критиковали действия не только вообще, но и отдельных лиц, говорили, что это виновато руководство, указывали персонально на лиц, стоящих у руководства. Я скажу о себе, о моем посещении ЗИНОВЬЕВА, как ЗИНОВЬЕВ ставил вопрос: "что политика верна в общем и целом, - но практика ее грубая, типично по Сталински" - вот так он говорил.

...говорил о том, что - меня натравили на СТАЛИНА, а я, приехав в Ленинград, здесь рассказал своим единомышленникам об этом факте.

Все это сводилось к практическим приемам всей работы контр-революционной группы здесь, в Ленинграде и, вероятно, в Москве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вели разговоры в Вашей группы в отношении Вашей практики в период возможной войны?

ЛЕВИН: Я таких разговоров не помню. У меня лично таких разговоров не было.

ПРЕДСЕД.: А все таки, были разговоры о том, как себя вести, если бы иностранное правительство об"явило войну?

ЛЕВИН: Повторяю, что таких разговоров не знаю. Если надо мое мнение знать, и если я имею возможность хоть каким нибудь доверием пользоваться.то...

ПРЕДСЕД.: Вы говорите, что не было таких разговоров?

ЛЕВИН: Да, я не помню таких разговоров.

ПРЕДСЕД.: РУМЯНЦЕВ в разговоре с Вами этого вопроса не касался?

ЛЕВИН: Нет.

ПРЕДСЕД.: ТОЛМАЗОВА знаете?

ЛЕВИН: Знаю.

ПРЕДСЕД.: С ним у Вас не было этого разговора?

ЛЕВИН: Я вообще^с ТОЛМАЗОВЫМ на политические темы не разговаривал очень долгое время.

ПРЕДСЕД.: В результате Вашей работы возможно было проявление террористических настроений у отдельных членов?

ЛЕВИН: Конечно, в результате наших разговоров возможно проявление настроений и применение террора, и, как я уже говорил прокурору во время моего допроса, так и сейчас говорю, что в результате этой работы могли вырасти настоящие фашистские элементы, которые могли допустить такой акт.

НИКОЛАЕВ: ... По Вашим заданиям.

ПРЕДСЕД.: Ваш.....как уполномоченного московского центра в 1934 году?

ЛЕВИН: Моя связь с московским центром фактически порвалась в начале 1933 года. Единственно - приезд из Москвы Сергея в 1934 году. Он проводил такую-же самую критику о которой я говорил: подрыв авторитета отдельных вождей партии и пр.. Больше никого из личных связей с московским центром я не видел.

ПРЕДСЕД.: В какой мере Вы себя считаете виновным в террористическом акте в отношении тов.КИРОВА?

ЛЕВИН: Я опять повторяю, что моя работа контр-революционная в течение 8-ми лет, постоянный подрыв авторитета политики партии и ее руководителей, - создали достаточную почву для возникновения террористических элементов среди нашей группы, и для применения методов террора по отношению к отдельным руководителям партии. В этом я себя, безусловно, считаю виновным.

ПРЕДСЕД.: В разговорах с РУМЯНЦЕВЫМ, Вы замечали с его стороны явно террористические настроения?

ЛЕВИН: Я с РУМЯНЦЕВЫМ на политические темы разговаривал очень давно. Последний политический разговор был примерно, в последнюю четверть прошлого года, когда он мне сказал, что предстоит арест и его. После этого я с РУМЯНЦЕВЫМ политических разговоров не вел. Моя связь в 1934 году ограничивалась МЯСНИКОВЫМ, я только с ним одним встречался в течение 1934 года.

С МАНДЕЛШТАМОМ, с РУМЯНЦЕВЫМ в течение 1934 года политических бесед не вел.

ПРЕДСЕД.: Для какой цели Вы хранили старый архив зиновьевской организации?

ЛЕВИН: Сейчас же после 15-го съезда партии я взял этот архив к бывшему единомышленнику ЕМЕЛЬЯНОВУ. Явно, что документы хранились не для того чтобы передать их в историю партии, а для того чтобы во время нового взрыва против партии использовать их против нее.

ПРЕДСЕД.: Садитесь ЛЕВИН. Остались недопрошенными СОСИЦКИЙ, РУМЯНЦЕВ, МАНДЕЛШТАМ. Объявляется перерыв на 15 минут.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый ЛЕВИН, в 1933-34 г. во время обсуждения вы-
соких вопросов, Вы затрагивали какие-нибудь рискован-
ные, опасные темы о борьбе с руководством нашей партии
и советского правительства?

ЛЕВИН: В 1933-34 г. таких вопросов не затрагивали.

ПРЕДСЕДАТ: Опасных вопросов никаких не обсуждали?

ЛЕВИН: Нет, в разговоре со мной я таких вопросов не помню.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый МЯСНИКОВ, Вы что-нибудь помните на эту тему?

МЯСНИКОВ: То, что я Вам писал в 1928 г. ГЕРТИК и ШАРОВ, кроме
разговора с РУМЯНЦЕВЫМ и что у РУМЯНЦЕВА были злобные,
нехорошие настроения в конце 1933- и начале 1934 г.

ПРЕДСЕДАТ: Что Вы конкретно понимали под словом "опасных слов"?

ЛЕВИН: РУМЯНЦЕВ со мной о рискованных темах - вопроса не под-
нимал.

ПРЕДСЕДАТ: Со слов работника московского центра?

МЯСНИКОВ: В 1928 г. ГЕРТИК и ШАРОВ ставили вопрос, что в борьбе
возможно повторится 7-е ноября 1927 г. и без борьбы
СТАЛИН не уступит. В 1928 г. такой разговор был.

ПРЕДСЕДАТ: Вы лично это слышали?

МЯСНИКОВ: Данные от ГЕРТИКА и ШАРОВА.

ПРЕДСЕДАТ: ЛЕВИН высказывал подобные мысли?

МЯСНИКОВ: Нет, у РУМЯНЦЕВА были злобные настроения в отношении
партийного руководства.

ПРЕДСЕДАТ: В чем выражалась работа ЛЕВИНА, как уполномоченного?

МЯСНИКОВ: Он держал связь с Москвой, информировал нашу органи-
зацию о всех решениях Москвы и направлял всю работу
по нашей линии в Ленинграде. Мую работу он направлял до
самого последнего времени, поскольку мы с ним встре-
чались довольно часто.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вам известно было, что в 1933-34 г. у отдельных членов ленинградского центра были террористические настроения?

ЛЕВИН: Мне не было известно.

т.МАТУЛЕВИЧ: О каких настроениях Вы знали о РУМЯНЦЕВЕ?

ЛЕВИН: Я рассказал, что с РУМЯНЦЕВЫМ я разговаривал на политические темы в 1933 г., а связан я был с МЯСНИКОВЫМ.

т.МАТУЛЕВИЧ: Лично МЯСНИКОВ с кем был связан?

ЛЕВИН: Повидимому с РУМЯНЦЕВЫМ.

ПРЕДСЕДАТ: Вы предупреждали, чтобы МЯСНИКОВ был осторожнее в отношении РУМЯНЦЕВА? т.к. он имеет опасные настроения?

ЛЕВИН: Я не знал об этих настроениях, я говорил о следующем, по моему, это было в 1932 году, а не в 1933 г. - о том, что молодежь вызывает некоторые сомнения, что она ищет какой-то новой связи вне членов группировки. Вот такой у меня разговор был с МЯСНИКОВЫМ.

т.МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый МЯСНИКОВ, предупреждал ли Вас ЛЕВИН в отношении РУМЯНЦЕВА, что с ним нужно быть поосторожней, так как он имеет опасные настроения?

МЯСНИКОВ: Да, предупреждал.

ПРЕДСЕДАТ: В каком году?

МЯСНИКОВ: Это было в конце 1932 или 1933 года.

ПРЕДСЕДАТ: Персонально, касались РУМЯНЦЕВА?

МЯСНИКОВ: Да, да, с РУМЯНЦЕВЫМ я в 1932 г. не был связан, а встречался в 1933 г. по линии работы Выборгского района. В конце 1932 г. я стал встречаться.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый МЯСНИКОВ, в Ваших показаниях сказано, что в 1933-34 г. Вы не собирались, а были связаны с ЛЕВИНЫМ и РУМЯНЦЕВЫМ и когда Вам задали вопрос - каким обра-

зом Вы осуществляли Ваши связи, Вы заявили, что вели отдельные переговоры через ЛЕВИНА, Вы говорили, что были ЛЕВИНЫМ предупреждены об осторожности. Это относится к концу 1933-34 г.?

МЯСНИКОВ: Да, это конец 1933 г.

ЛЕВИН: Это конец 1932 г.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы предупреждали МЯСНИКОВА в отношении РУМЯНЦЕВА?

ЛЕВИН: Я предупреждал МЯСНИКОВА в отношении группы молодежи вообще, а не в отношении РУМЯНЦЕВА.

т. МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый МЯСНИКОВ, Вы подтверждаете, что ЛЕВИН говорил?

МЯСНИКОВ: Да, говорил.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый СОСИЦКИЙ, Вы признаете себя виновным?

СОСИЦКИЙ: Признаю себя виновным в том, что я принадлежал к зинovieвской группе в Ленинграде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Состояли в ленинградском центре?

СОСИЦКИЙ: Да, состоял в ленинградском центре.

ПРЕДСЕДАТ: С какого времени по какое состояли в ленинградском центре?

СОСИЦКИЙ: Сказать, что наступил какой-то период времени - я не могу. Я хочу сказать, что лично я считаю, что с момента борьбы в 1927 году; я себе не представляю, что когда-то кончался период 1927 г., что прошел какой-то период времени и вот опять собралась какая-то группа, которая организовала из себя центр и начала существовать. Я себе этого не представляю и этого не замечал. Связь моя, особенно с ЛЕВИНЫМ, она протекала еще со старых времен оппозиционной борьбы, после того, как меня восстановили в рядах Компартии в 1928 году, мои встречи были чрезвычайно редки. Вот что я могу ответить - с какого момента я принадлежу к этому центру.

ПРЕДСЕД.: Какие задачи ставила Ваша организация и руководящий центр Вашей организации в 1933-34 году?

СОСИЦКИЙ: Во первых, я в 1934 году с ЛЕВИНЫМ совсем не встречался, кроме таких официальных мест, как заседание Ленинградского Совета. Таким встреч, которые давали бы возможность вести политические разговоры я в 1933 году не помню. Мне кажется, что их не было. Последняя моя встреча с ЛЕВИНЫМ была в 1933 году. Это происходило у ШУЛЫГИНА, бывшего оппозиционера. Это кажется единственная моя встреча была.

Что же касается установок, специальных установок или советов, то я их не слышал и мне их не давали. При встречах с ЛЕВИНЫМ, с МЯСНИКОВЫМ велись разговоры. Вначале все эти разговоры начались с общих вопросов, с общих тем, а потом окончились обычно тем, что - вот как поступают с ЗИНОВЬЕВЫМ, с КАМЕНЕВЫМ, что не дают им работать, не допускают до руководства, что это все такие люди, которые работали с ЛЕНИНЫМ десять лет, и т.д..

Причем, конечно, все это не выражалось в мягких тонах. Говорилось это довольно резко, что главная вина в том, что тов.СТАЛИН не допускает их до руководства и не допустит до руководства.

ПРЕДСЕД.: Какие же выводы Вы делали?

СОСИЦКИЙ: Причем, какой был смысл встречи товарищам со мной и привлечение меня к этому делу? Я считаю, что это было сделано для того, чтобы держать меня, при необходимости и использовать для связи с людьми-рабочими Выборгского района, с которыми я с небольшими пере-

рывами проработав десять лет. Вот по моему единственная цель, которая могла быть в отношении меня, в отношении моего использования.

ПРЕДСЕД.: Какие политические задачи ставила перед собой Ваша группа последние годы - Вы этого так и не сказали. Вы же показывали довольно определенно и не так давно, что "политической нашей целью была замена существующего руководства Советской власти". Правильно это?

СОСИЦКИЙ: Конечно, я подтверждаю, что в результате этих разговоров, где бы они не происходили, они в окончательном счете кончались тем, что должна быть обязательно смена руководства.

ПРЕДСЕД.: Как же Вы предполагали произвести смену руководства Советской власти?

СОСИЦКИЙ: Я думал не Советскую власть, а партийное руководство.

ПРЕДСЕД.: Я читаю Ваши слова - то что написано.

СОСИЦКИЙ: Я это отождествлял. Я говорю, что все эти вещи кончались тем, что необходима смена руководства.

ПРЕДСЕД.: Я это слышал три раза. Так вот, какими методами Вы хотели добиться смены руководства. Ведь не болтовней?

СОСИЦКИЙ: Какими методами - я не слышал, но нужно было делать выводы, что, конечно, разговорами, и тем паче политическими выборами на партийном съезде, этого ни в какой степени не могло быть.

ПРЕДСЕД.: Совершенно правильно, но как же вы хотели добиться смены руководства?

СОСИЦКИЙ: Я лично не добивался смены руководства.

ПРЕДСЕД.: Как член ленинградского центра Вашей организации - Вы хотели добиться смены руководства чем - уговорами, раз-

говорами, переговорами или другими методами, и какими?

СОСИЦКИЙ: Я лично помню один раз, не помню только в каком месте было, это, конечно, после того как вернулись в партию...

ПРЕДСЕД.: Отвечайте прямо на вопрос.

СОСИЦКИЙ: Я отвечаю... Я помню такой разговор был, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ, вернувшись в партию, рано или поздно могут быть привлечены к руководству. Что же касается прямых разговоров, что надо свергнуть руководителей - этого я не слыхал. Но вывод надо делать такой, что если у людей за душой ничего нет, если нет никакой идеи, которую можно противопоставить партийному руководству, то оставался единственный метод - насильственный метод. Других методов не могло быть совершенно. Но это - мое личное мнение на этот счет.

ПРЕДСЕД.: Какие же насильственные методы предполагались?

СОСИЦКИЙ: Я лично Вам не могу сказать, какие именно методы, но считаю, что в результате всей этой острой ненависти, которая была к партийному руководству, возможно, что в отдельных звеньях нашей организации могли возникнуть террористические настроения; потому что раз нет ничего цельного, раз нет ничего, что можно противопоставить партийной линии, естественно, может возникнуть мнение, что надо это дело свергнуть любыми путями.

Мне кажется, что такие разговоры, такие слухи нашли свое выражение в том злодейском акте, который

был совершен.

ПРЕДСЕД.: Почему сделанное и соответствовало Вашим целям.

СОСИЦКИЙ: Лично моим целям не соответствовало.

ПРЕДСЕД.: Почему же: Вы состояли в этой организации?

СОСИЦКИЙ: Я все время был связан с рабочими настроениями. До самого последнего времени работал на заводах.

Я хочу одно только сказать: почему это дело возникло не в рабочей группе бывших зиновьевцев...

ПРЕДСЕД.: Не надо объяснений.

СОСИЦКИЙ: Нет...

ПРЕДСЕД.: Я Вас не спрашиваю об этом.

У Вас были показания: "В нашей группе..." (читает).

Подтверждаете Вы это?

СОСИЦКИЙ: Подтверждаю это показание.

ПРЕДСЕД.: Дальше... "Отсюда наша организация..." (читает).

Подтверждаете Вы эти показания?

СОСИЦКИЙ: Нет: не приходил к террору. Я на предварительном следствии делал заявление такого порядка, что ...

ПРЕДСЕД.: Я считаю Ваши показания, Вами подписанные - "Отсюда наша организация, в силу неизбежной логики приходила к террору..." (читает).

Ваша группа подстрекала, Ваш центр руководил, НИКОЛАЕВ стрелял - вполне логично.

СОСИЦКИЙ: Вот именно, в порядке логики. Я лично никогда никого не подстрекал и не слышал о подстрекательстве.

ПРЕДСЕД.: Но ведь было же это подстрекательство?

СОСИЦКИЙ: Я говорил, что наша группа логически должна была прийти к логическим выводам, потому что нет других способов свержения существующего руководства.

ПРЕДСЕДАТ: Говорили Вас не поддерживали, говорили - над вами смеются и Ваши-же единомышленники стреляли, - тут и политическая, и моральная, и уголовная и какая хотите, ответственность.

СОСИЦКИЙ: Это было бы правильно, если бы я вел разговор о террористическом акте, но я такого разговора никогда не вел и не слышал, и подстрекателем никогда не был. Это мне-как СОСИЦКОМУ, противоречило.

ПРЕДСЕДАТ: Может быть другие стреляли, а Вы подстрекали?

СОСИЦКИЙ: Я не мог стрелять и не подстрекал.

ПРЕДСЕДАТ: В Вашем показании от 23-го декабря, которое Вы давали Зам.прокурора т.ВЫШИНСКОМУ, что: "в нашей группе израчивались"...Вы это подтверждаете?

СОСИЦКИЙ: Когда мне вручили обвинительное заключение, там было в разделе написано, что СОСИЦКИЙ признал себя виновным в том, что и где-то во второй части - неверно сформулировано.

ПРЕДСЕДАТ: Я говорю о показаниях - 23-го декабря.

СОСИЦКИЙ: Я именно говорил о том, что это логически вытекало, но это не значит, что этому следует террористический акт.

ПРЕДСЕДАТ: Тут не логически, а фактически вытекало, НИКОЛАЕВ стрелял в тов.КИРОВА.

СОСИЦКИЙ: НИКОЛАЕВ выстрелил в КИРОВА вследствие всей этой травли, разнузданной травли, но я этого не слышал, и это обвинение признать не могу.

ПРЕДСЕДАТ: Это не обвинение, а показание Ваше. И еще сказано: "Как и другие члены группы, я - СОСИЦКИЙ, питал чувство ненависти к СТАЛИНУ." Чувство ненависти Вы показали?

СОСИЦКИЙ: Я не помню, чтобы я так показал.

ПРЕДСЕДАТ: Это Ваша подпись /показывает протокол допроса/?

СОСИЦКИЙ: Это моя подпись.

ПРЕДСЕДАТ: Всего-же 4-е дня тому назад Вы это показали, и я думал, что Вы сейчас скажете, что это не Ваша подпись.

СОСИЦКИЙ: Нет, это моя подпись. Я заявил прокурору о том, что в группе* вращивались такие настроения и они не могли не вращиваться, что как-то нужно было поступить и поэтому, совершенно естественно, у некоторых элементов, неуступчивых и породило эти настроения, благодаря которым произошел выстрел 1-го декабря 1934 г., но здесь, мне кажется, что это дело нужно оттенить, я таких прямых разговоров не вел и ни от кого не слышал.

ПРЕДСЕДАТ.: Вы заявили недавно, что в ленинградском руководящем центре в 1934 г. не работали?

СОСИЦКИЙ: Нет, я не говорил, что не работал, но я был связан с ЛЕВИНЫМ.

ПРЕДСЕДАТ: Вы были в Ленинградском центре?

СОСИЦКИЙ: Да, я был, поскольку я не порвал формально связь, не заявил, что я отхожу - в этом мое и преступление, что я во время не смог разобраться в этом деле и порвать раз и навсегда, чтобы выйти из этого зловонного контр-революционного болота, которое меня привело на грань.

ПРЕДСЕДАТ: Что Вы думаете, расклетесь и этим дело кончится?

СОСИЦКИЙ: В этом мое преступление, более того, я должен заявить суду о том, что мне партия оказывала доверие, меня в 1928 г. вернули в партию и я должен честно и прямо заявить, что ко мне было такое-же отношение, как и к любому члену партии, когда я работал на заводе токарем-рабочим. После этого я был выдвинут партийной органи-

зацией на партийную работу...

ПРЕДСЕДАТ: К чему это Вы говорите?

СОСИЦКИЙ: Я хочу оттенить свое преступление и сказать о том, что я зверски обманул партию, которая мне доверяла.

ПРЕДСЕДАТ: Вы, вероятно, заверяли в 1927 г. партию, потом каетесь, грешите, и опять каетесь. Вы до последнего времени были членом ленинградского центра, до дня Вашего ареста?

СОСИЦКИЙ: Да, до дня ареста.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вас восстановили в партии в 1928 г.? Вы советовались с кемнибудь перед вступлением в партию?

СОСИЦКИЙ: В тот момент был разговор, как подать заявление. Лично я подавал заявление с товарищем, с которым я работал. Заявление я составил сам, но предварительно вел разговор с Михаилом БОГДАНОВЫМ.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы осознали тогда свою ошибку или подали заявление в партию для того, чтобы вести антипартийную работу?

СОСИЦКИЙ: Я тогда сознал свои ошибки.

т.МАТУЛЕВИЧ: Когда Вы вступили на антипартийный путь?

СОСИЦКИЙ: Это было в том-же 1928 году.

т.МАТУЛЕВИЧ: С кем Вы связывались?

СОСИЦКИЙ: С ЛЕВИНЫМ, потому что я был с ним связан и до оппозиции.

т.МАТУЛЕВИЧ: С 1928 г. Вы вели антипартийную работу до 1934 г. со всеми установками, которые были в Вашей к/р. организации, и Вы были согласны?

СОСИЦКИЙ: Конечно.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы чувствовали и знали, что Ваша к.-р. работа, которую Вы вели у себя - она катится к фашизму?

СОСИЦКИЙ: Вот в этом мое и несчастье, я не чувствовал. Вот почему мне вспоминается сейчас такой разговор, когда была беседа

БУХАРИНА с КАМЕНЕВЫМ, когда привлекли за это дело к ответственности, т.к. застали меня среди членов группы, то я подумал - почему нельзя двум членам партии вести разговоры, что здесь антипартийного. Это меня, если можно сказать, и сгубило. Я не понял к чему может привести такая безобидная встреча, а эти встречи довели на к/р. путь к фашистскому методу, который свершился 1-го декабря.

ПРЕДСЕДАТ: Для Вас не важно - каким методом и способом, но важно отстранение нынешнего руководства партии?

СОСИЦКИЙ: Нет, для меня было важно, я ни на какой террористический акт не пошел-бы.

ПРЕДСЕДАТ: Не пошел-бы, а все показали.

СОСИЦКИЙ: Нет, если бы я услышал, то я разоблачил бы немедленно.

ПРЕДСЕД.: Кого?

СОСИЦКИЙ: Того, кто мыслил об этом.

ПРЕДСЕД.: Вы шесть лет состояли в партии, ведя в то же время, контр-революционную работу.

СОСИЦКИЙ: Да, она вылилась в контр-революционную работу, — совершенно верно, но не в террористическую работу. О терроре я не имел даже представления.

ПРЕДСЕД.: Но террор совершен?

СОСИЦКИЙ: Да, к несчастью.

ПРЕДСЕД.: ... и в результате Вашей контр-революционной работы?

СОСИЦКИЙ: Да, это как результат всех этих слухов. Но я должен сказать, что наши вожди, которые воспитывали нас и которым мы поверили...

ПРЕДСЕД.: Вы с какого года член партии?

СОСИЦКИЙ: С 1919 года, но я не понял...

ПРЕДСЕД.: 17 лет пролетарской революции не могли Вас научить?

СОСИЦКИЙ: В это и заключается мое несчастье, что я не усвоил всего.

т.ГОРЯЧЕВ: Скажите, у Вас на квартире было совещание группы?

СОСИЦКИЙ: Было один раз.

т.ГОРЯЧЕВ: А вот скажите: кто присутствовал на этом совещании?

СОСИЦКИЙ: Был МАНДЕЛШТАМ Сергей, РУМЯНЦЕВ, ЛЕВИН и я.

т.ГОРЯЧЕВ: О чем говорили?

СОСИЦКИЙ: Я уже говорил на предварительном следствии.

ПРЕДСЕД.: Вы сейчас скажите.

СОСИЦКИЙ: Я уже говорил, что я точно не помню - вели этот разговор у меня, или где нибудь в другом месте, что, якобы, СТЭН приходил к ЗИНОВЬЕВУ, приносил платформу. Я точно не помню - у меня ли это было. Я сейчас припоминаю, что ЛЕВИН говорил о причинах смерти ШУРЫГИНА: что человек болел и умер только потому что его во время не полечили, не поддерживали, не дали денег. Именно старались мне втолковать, что даже в таких случаях...

т.ГОРЯЧЕВ: А не делал ли ЛЕВИН информацию по поводу своей поездки в Москву?

СОСИЦКИЙ: Я точно не помню, потому что часто выходил; выходил за вином, за закуской, возможно, что это было. Лично я об этом факте, что у меня на квартире делали информацию, не помню.

т.ГОРЯЧЕВ: Как же это могло получиться, что Вы активный член и без Вас будут информацию делать? Почему жену не посылали за вином?

СОСИЦКИЙ: У меня жена никогда не пойдет за вином.

т.ГОРЯЧЕВ: Скажите, о смене партийного руководства был разговор у Вас на квартире?

СОСИЦКИЙ: Я не помню точно как это дело было у меня на квартире. Не могу восстановить в памяти все это дело. В остальных случаях, были такие разговоры.

ПРЕДСЕД.: Хватит пока, садитесь, пожалуйста.

Подсудимый РУМЯНЦЕВ, Вы в чем признаете себя виновным?

РУМЯНЦЕВ: Я признаю себя виновным, в том, что я после 15-го съезда партии от группы "безвожденцев" состоял в контрреволюционном центре до 1929 года - до момента разрыва между зиновьевцами по вопросу об известном партии документе "дневник" когда КАМЕНЕВ начал переговоры с БУХАРИНЫМ.

ПРЕДСЕД.: А после 1929 года?

РУМЯНЦЕВ: Я в составе центра не состоял, но имел связь с членами к.-р. организации. Встречался с ЛЕВИНЫМ - на квартире у СОСИЦКОГО, с КУКЛИНЫМ - в 1934 году.

ПРЕДСЕД.: Значит, Вы утверждаете, что в 1934 году не были членом центра?

РУМЯНЦЕВ: Не был.

ПРЕДСЕД.: Целый ряд лиц утверждает, что Вы были.

РУМЯНЦЕВ: Я.....но в составе центра было шесть человек, - СОСИЦКИЙ, КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ и от безвожденцев - я, МАНДЕЛЬШТАМ и КОТОЛЫНОВ; соответственные районные уполномоченные по Ленинградскому, по Московскому, по Выборгскому, Сестрорецкому и другим районам...

ПРЕДСЕД.: Ваши показания говорят, что в состав центра входили - ЛЕВИН, МАНДЕЛЬШТАМ, КОТОЛЫНОВ, СОСИЦКИЙ. Все эти лица подсудимые заявляют, что Вы входили до последнего времени.

РУМЯНЦЕВ: Они порвали связь. Это знает ЛЕВИН и остальные, и с тех пор я с ними не встречался. В 1934 году я встречался с КУКЛИНЫМ.

ПРЕДСЕД.: Нет - из членов центра?

РУМЯНЦЕВ: По вопросам партийной политики, экономическим, хозяйственным, у меня с ними разговоров не было.

ПРЕДСЕД.: Ну, а по вопросам борьбы с партийным руководством, Советским правительством - в 1934 году у Вас были разговоры?

РУМЯНЦЕВ: С членами центра?

ПРЕДСЕД.: Или с лицами, стоявшими около центра.

РУМЯНЦЕВ: Не помню таких разговоров.

ПРЕДСЕД.: Я у Вас спрашиваю: были ли у Вас разговоры с членами центра о методах борьбы с Центральным руководством коммунистической партии?

РУМЯНЦЕВ: Был разговор с КУКЛИНЫМ следующего содержания: он позвонил в Совет, просил приехать на вечер к ним. Я приехал, застал ЛЕБЕДЕВА и СОЛОВЬЕВА, пошли в столовую; в столовой начали выпивать; я спрашиваю КУКЛИНА: "Как Ваши вожди, их настроение?" он отвечает: "Прежнее настроение". Он сказал еще, что к вождям он сам не ходит, а ходят БАКАЕВ и ЕВДОКИМОВ, а сам он хочет приехать в Ленинград. Он заявил, что известно, что у тов. СТАЛИНА большое сердце и что через год ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ будут в Полит.Бюро.

Я покраснел и спрашиваю: "Неужели Вы на это рассчитываете"? Это было громко сказано.

КОТОЛЬНОВ рассказывал свою беседу о разговоре с ФАЙВИЛОВИЧЕМ то-же самое. Так что все это идет из одного источника. Что КУКЛИН приехал сюда для того чтобы завязать нелегальные связи я увидел из следующего факта. Я видел МЯСНИКОВА в столовой....

ЕТ-ПД.

38/1.

РУМЯНЦЕВ: ...я спросил - ты знаешь, что Купр..... был, он говорит, что я у него был, разговаривая со мной Я спросил - ты видел когонибудь в Ленинграде, беседовал? Он ответил, что никого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Показания на очной ставке было зафиксировано, что "признаю, что был связан"...

РУМЯНЦЕВ: Я не скрыл от партии и считал, что я состоял и был на стороне врага.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Были связаны с уполномоченным московского центра и руководителем ленинградского центра? Ваши показания на очной ставке подтверждаете?

РУМЯНЦЕВ: Нет, я постоянной связи не имел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вообще были связаны до последнего времени?

РУМЯНЦЕВ: Я совершенно твердо заявляю, что был на квартире СОСИЦКОГО, когда беседовали с ЛЕВИНЫМ по всем вопросам, больше бесед не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С МАНДЕЛЬШТАМОМ Вы были связаны?

РУМЯНЦЕВ: Я два раза встретился в ноябре в Академии, а в отношении к.-р. разговоров с МАНДЕЛЬШТАМОМ-у меня не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну, как-же поддерживали тесную связь с МАНДЕЛЬШТАМОМ?

РУМЯНЦЕВ: Я два раза виделся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как это получилось, в подпольной организации оставался до последнего времени и поддерживал тесную связь с МАНДЕЛЬШТАМОМ.

РУМЯНЦЕВ: Я говорил, что скрыл от партии и Соввласти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Дело не в этом, поддерживали Вы связь с МАНДЕЛЬШТАМОМ?

РУМЯНЦЕВ: Я встречался в мае и в ноябре месяцах, бесед он со мной не вел и я не знал, что он член центра.

38/2.

ПРЕДСЕДАТ: Как-же можно давать такие показания с Вашей стороны?

РУМЯНЦЕВ: Тогда я виноват, что записал таким образом свои показания.

ПРЕДСЕДАТ: В этом показании всего 8 строчек, Вы читали свои показания?

РУМЯНЦЕВ: Читал.

ПРЕДСЕДАТ: Кто Вас допрашивал?

РУМЯНЦЕВ: Кажется, т. ВЬШИНСКИЙ, и я своей рукой даже подписывал.

ПРЕДСЕДАТ: Даже своей рукой внесли поправку, значит Вы оценили свои показания и подписали, это всего 7 дней тому назад показано. А на очной ставке с МЯСНИКОВЫМ от 18-го декабря - тоже отрицаете?

РУМЯНЦЕВ: С МЯСНИКОВЫМ.

ПРЕДСЕДАТ: Там говорится с МЯСНИКОВЫМ, значит и с ЛЕВИНЫМ?

РУМЯНЦЕВ: В мае и ноябре мес. были встречи.

ПРЕДСЕДАТ: Вы знаете ТОЛМАЗОВА?

РУМЯНЦЕВ: Да, знаю.

ПРЕДСЕДАТ: Был случай, когда говорили о Ваших террористических взглядах и настроениях?

РУМЯНЦЕВ: Нет, не было.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый ТОЛМАЗОВ, что Вам известно о взглядах и настроениях РУМЯНЦЕВА?

ТОЛМАЗОВ: Мне известно, когда шла речь о вожде - СТАЛИНЕ, - то РУМЯНЦЕВ говорил о СТАЛИНЕ с катой желчью, что это логически определяло, что у него, мало того, что имеется ненависть, но эта ненависть граничила более, что можно предположить, с чем граничила.... Это было в 1933 г., когда стоял вопрос о СТАЛИНЕ, как о вожде партии.

ПРЕДСЕДАТ: Когда этот разговор имел место?

ТОЛМАЗОВ: В 1933 г.

ПРЕДСЕДАТ: Осенью или летом?

ТОЛМАЗОВ: По моему, осенью.

ПРЕДСЕДАТ: Подсудимый РУМЯНЦЕВ, подтверждаете это?

РУМЯНЦЕВ: Нет, отрицаю.

ПРЕДСЕДАТ: Вы же не отрицали того факта, что в бывшей организации культивировались самые злобные и враждебные настроения в отношении т.СТАЛИНА. В Вашей организации были такие настроения или нет?

РУМЯНЦЕВ: Я не слышал сам этого, но злобная ненависть к руководству со стороны КАМЕНЕВА, я сам слышал от ТАРАСОВА, это было в начале 1929 г., когда он самые возмутительные вещи говорил.

ПРЕДСЕДАТ: Мы судим не за 1929 г., а за 1934 г., когда от разговора перешли к делу.

РУМЯНЦЕВ: Я слышал в 1929 г. и из разговора с КОТОЛЬНОВЫМ, что московский центр ждет, чтобы остановилось сердце пролетарской революции - т.СТАЛИНА. Вот что говорили.

ПРЕДСЕД.: Если Вы по Вашим словам не были последнее время членом центра ленинградского, чем же об"яснить, то что Вы показали в одном из Ваших показания - "наша организация зиновьевцев..." (читает).

РУМЯНЦЕВ: Вся борьба, которая была с 14-го с"езда.

ПРЕДСЕД.: ... "Как я уже показывал..." (читает). Значит Ваша организация воспитывает в духе террора?

РУМЯНЦЕВ: Я несу полную ответственность!

ПРЕДСЕД.: Вы слушите мой вопрос? Ваша организация воспитывает в духе ненависти, в духе террористических настроений - или нет?

РУМЯНЦЕВ: Этого я не могу утверждать.

ПРЕДСЕД.: Вы же показывали в трех-четырех местах.

РУМЯНЦЕВ: Возьмите такой момент: я организовал дискредитацию членов Полит.Бюро после 15-го с"езда, я организовал команды свистунов, когда приехал тов.КИРОВ, тов.ВОРОШИЛОВ, МОЛОТОВ и другие. Я несу за это ответственность.

ПРЕДСЕД.: Мы Вас судим за события не 1928 года, а 1934 года.

РУМЯНЦЕВ: Я сужу о М....., когда он рассказывал про встречу СТАЛИНА и БУХАРИНА на вечере писателей и тоже самое похабные вещи передавал из злобы к тов.СТАЛИНУ. Вся эта система приводила к тому чтобы.....

ПРЕДСЕД.: Но Вы то были одним из участников всей этой системы клеветы и подготовки террора.

РУМЯНЦЕВ: В 1934 году я не участвовал в этом.

ПРЕДСЕД.: Вы сами не отрицаете, что за последнее время состояли в организации, поддерживали самые тесные связи.

с руководителями организации - ЛЕВИНЫМ и т.д..

РУМЯНЦЕВ: Я с 1929 года ничего общего не имел. Я писал в своем заявлении тов.СТАЛИНУ в 1933 году и тов.УШАКОВУ, ЧУДОВУ и другим...

ПРЕДСЕД.: В показаниях ХАНИКА имеется следующая фраза: "Настроения этой слепой, я бы сказал - звериной ненависти..." (читает).

РУМЯНЦЕВ: Я с ХАНИКОМ виделся ~~два~~ два раза, при чем, в 1934 году вовсе не встречался.

ПРЕДСЕД.: "Не было границ тем нападкам..." (читает).

РУМЯНЦЕВ: Я с ХАНИКОМ не встречался в 1934 году.

ПРЕДСЕД.: В Вашем показании от 18 декабря пишется следующее: "Я глубоко раскаиваюсь..." (читает).

РУМЯНЦЕВ: Я это писал потому что с 1928 года была создана контр-революционная организация сверху до низу, и я принимал в составе этой к-р. организации самое активное участие. Следствию мною было сказано, что НИКОЛАЕВ состоял в группе при Политехническом Ин-те. Как же я не несу ответственность? Я считаю себя полностью ответственным.

ПРЕДСЕД.: Вы фашистскими методами считаете террористические - и еще какие нибудь?

РУМЯНЦЕВ: Фашистские методы - это те методы, которые мы применяли во время 15-го съезда партии: выход на улицу, насилие, которое мы применяли над докладчиками, защищавшими линию партии, и т.д.. Все это фашистские методы.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ТОЛМАЗОВ в своих показаниях говорил ... (читает). Показания ТОЛМАЗОВА от 19/ХП-этого года.

РУМЯНЦЕВ: Мне следствием был показан протокол, что я вопрос о терроре. Я такого собрания не помню.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ТОЛМАЗОВ, подтверждаете Вы это свое показание?

ТОЛМАЗОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Снова спрашиваю - когда этот разговор имел место?

ТОЛМАЗОВ: В 1933 году.

ПРЕДСЕД.: В конце 1933 года?

ТОЛМАЗОВ: В августе-сентябре.

ПРЕДСЕД.: По-моему Вы говорили, что в начале 1934 года?

ТОЛМАЗОВ: Нет, я все время говорил, что в конце 1933 года.

т.МАТУЛЕВИЧ: В руководящий центр входил РУМЯНЦЕВ до самого последнего времени?

ТОЛМАЗОВ: Как мне известно, по моему, входил, безусловно.

т.МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый МЯСНИКОВ, входил РУМЯНЦЕВ в центр ленинградский?

МЯСНИКОВ: Да.

т.МАТУЛЕВИЧ: До самого последнего времени?

МЯСНИКОВ: Да.

т.МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый ЛЕВИН, входил РУМЯНЦЕВ в Ленинградский центр?

ЛЕВИН: Я говорил, что с начала 1934 года, фактически центр Ленинградский не существовал, но я держал связь с МЯСНИКОВЫМ, и мне известно, что МЯСНИКОВ держал связь с РУМЯНЦЕВЫМ до самого последнего времени.

т.МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый СОСИЦКИЙ, входил РУМЯНЦЕВ в центр организации?

СОСИЦКИЙ: Он входил, но я его не видел с января 1933 года, когда мы встретились на квартире у меня, на именинах и никаких разговоров на политические темы тогда не было.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый РУМЯНЦЕВ, в одном из Ваших показаний имеется фраза - на вопрос - "кто из членов Вашей к.-р. организации проявлял..." (читает).

Подтверждаете Вы это.

РУМЯНЦЕВ: Подтверждаю.

ПРЕДСЕД.: Когда Вы говорите, вышли из центра?

РУМЯНЦЕВ: В 1929 году.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы организационно поддерживали связь?

РУМЯНЦЕВ: Я имел встречу за пять лет с ЛЕВИНЫМ, в 1933 году, на квартире у СОСИЦКОГО.

т.МАТУЛЕВИЧ: Какая беседа?

РУМЯНЦЕВ: Контр-революционная.

т.МАТУЛЕВИЧ: Это было конспиративное собрание, посвященное чему? Ведь не просто пришли чай пить. Было собрание для чего?

РУМЯНЦЕВ: Информацию делал о поездке в Москву.

ПРЕДСЕДАТ: ЛЕВИН сделал информацию об установке из Москвы о дальнейшей деятельности?

РУМЯНЦЕВ: Совершенно правильно.

т. МАТУЛЕВИЧ: А Вы считаете, что пришли туда получить установку для дальнейшей работы?

РУМЯНЦЕВ: Правильно, я выразил свое отношение, я заявил, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ являются политическими, что в этом отношении определилось,

ПРЕДСЕДАТ: В своих отношениях Вы выразили то, о чем показал ТОЛМАЗОВ?

РУМЯНЦЕВ: Я прошу уточнить, когда была беседа с ТОЛМАЗОВЫМ. Я встречался в ноябре 1933 г., где была его жена, ФАДЕЕВ, а жена его, как известно, член партии.

т. МАТУЛЕВИЧ: Когда приехал КОТОЛЬНОВ из Москвы?

РУМЯНЦЕВ: В августе или сентябре.

ПРЕДСЕДАТ: До конспиративного собрания у СОСИЦКОГО?

РУМЯНЦЕВ: После этого.

т. МАТУЛЕВИЧ: У СОСИЦКОГО в 1933 г. или у Вас в 1933 г., когда КОТОЛЬНОВ приехал из Москвы?

РУМЯНЦЕВ: В 1934 г. он был в отпуску.

т. МАТУЛЕВИЧ: Кто созвал совещание на квартире?

РУМЯНЦЕВ: Никто не созывал. Пришел ТОЛМАЗОВ, ФАДЕЕВ и КОТОЛЬНОВ. КОТОЛЬНОВ рассказал о настроениях в Москве.

ПРЕДСЕДАТ: Вы точно помните, что пришел ФАДЕЕВ и ТОЛМАЗОВ, а затем КОТОЛЬНОВ, когда Вы собрались?

РУМЯНЦЕВ: Правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы уже были там[?] или в середине беседы пришли?

ТОЛМАЗОВ: Это он перепутал, я пришел в середине собрания.

т.МАТУЛЕВИЧ: РУМЯНЦЕВ Вам делал информацию?

ТОЛМАЗОВ: Да, информировал.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы говорите, что организационно отошли от центра, просто частная Ваша беседа и встреча? Но Вы все время организационно были связаны с ЛЕВИНЫМ, СОСИЦКИМ?

РУМЯНЦЕВ: Там-же был и ЛЕВИН.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы признаете, что были связаны?

РУМЯНЦЕВ: Я в составе центра не был.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы сказали, что у Вас центр не существовал в 1933 г.

ЛЕВИН: Я подтверждаю, что в марте или апреле, в связи с ссылкой ЗИНОВЬЕВА и арестов ГЕРТИКА, со слов РУМЯНЦЕВА, центр фактически не существовал, связь была цепочная.

т.МАТУЛЕВИЧ: Что такое?

ЛЕВИН: Я в течение 1933-34 г. ни разу на политические темы не беседовал, а говорил только с МЯСНИКОВЫМ.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы говорите в ленинградской к.-р. организации была перестройка, в целях конспирации, Вы создали связь через одного члена организации, в общем была произведена реорганизация, а центр существовал в составе тех-же руководителей?

ЛЕВИН: Совершенно правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: РУМЯНЦЕВ оставался в составе Вашей организации и держал связь?

т. МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый МЯСНИКОВ, Вы подтверждаете, что имели свидание в 1933 г., когда имели связь с РУМЯНЦЕВЫМ, что он особое озлобление имел в отношении партийного руководства?

МЯСНИКОВ: Я подтверждаю это.

РУМЯНЦЕВ: Я отрицаю, я с МЯСНИКОВЫМ на политические темы не беседовал, за исключением одного раза, когда МЯСНИКОВ был настроен против партийного руководства. Это было в 1933 году, когда он заявил, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ....

т. МАТУЛЕВИЧ: Подсудимый РУМЯНЦЕВ, тогда ваши взгляды, в этот период времени, Вы считали вполне солидарными с той работой, которую проводила к.-р. организация, о необходимости смены партийного руководства?

РУМЯНЦЕВ: В 1933 г. - нет. У меня не загоралось сердце любовью, я проявлял двуручничество.

т. МАТУЛЕВИЧ: В 1933 г. Вы были солидарны с той работой, которую проводила к.-р. организация, в которой Вы состояли?

РУМЯНЦЕВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТ: Почему, расскажите.

РУМЯНЦЕВ: Это старые работники ленинградской организации.....

т. МАТУЛЕВИЧ: Все руководители центра подтверждаю, что Вы являетесь руководителем этого центра.

РУМЯНЦЕВ: Я утвержден был ЗИНОВЬЕВЫМ.

т. МАТУЛЕВИЧ: ТОЛМАЗОВ подтверждает, что Вы высказывали анти советские взгляды.

РУМЯНЦЕВ: Я прошу уточнить.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы участвовали на конспиративном совещании и разделяли взгляды?

РУМЯНЦЕВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТ: Для чего пришли туда?

РУМЯНЦЕВ: Я помню, что СОСИЦКИЙ звал меня туда выпить.

т. МАТУЛЕ-
ВИЧ: СОСИЦКИЙ и Вы собрались туда для того, чтобы заслушать
информацию ЛЕВИНА?

СОСИЦКИЙ: В основном, это выразилось в информации.

т. МАТУЛЕ-
ВИЧ: И выпивка, как конспирация?

СОСИЦКИЙ: Конечно, как предлог.

т. МАТУЛ.: Как конспирация?

СОСИЦКИЙ: Конечно, начинается с выпивки, а кончалось информацией...

... они меня позвали выпить, а там, совершенно правильно, по существу была информация о поездке ЛЕВИНА в Москву, так что я был участником этого конспиративного совещания.

ПРЕДСЕД.: НИКОЛАЕВА знали?

РУМЯНЦЕВ: Встречался с ним.

ПРЕДСЕД.: Вы знаете показания ТОЛМАЗОВА в отношении Вас, о разговорах насчет войны?

РУМЯНЦЕВ: Знаю, но не помню такого разговора.

ПРЕДСЕД.: Не помните или отрицаете?

РУМЯНЦЕВ: Не помню. Разговор о снабжении был - это я помню совершенно точно.

ПРЕДСЕД.: Садитесь. Подсудимый МАНДЕЛЫШТАМ. (Мандельштам встает), Вы признаете себя виновным в пред"явленном Вам обвинении?

МАНДЕЛЫШТАМ: Так как оно сформулировано в обвинительном заключении - нет.

ПРЕДСЕД.: Ну, а в какой мере, признаете себя виновным?

МАНДЕЛЫШТАМ: Я признаю себя виновным в том, что своей антипартийной, своей контр-революционной деятельностью в течение последних лет способствовал - как я это указывал на предварительном следствии - созданию враждебных взаимоотношений к партийному руководству; способствовал созданию (как это показали факты) террористическим к.-р. фашистским настроениям. В этой мере я себя признаю себя виновным.

Свое участие в террористических действиях или в

подготовке, или обсуждении - я категорически отвергаю, потому что я не был сторонником индивидуального террора. Не был им даже и тогда, когда этот индивидуальный террор был направлен против представителей царского самодержавия; я тем более не могу себя признать к контр-революционным террористам, потому что человек воспитанный партией большевиков, прошедшей политическую школу в партии большевиков, человек, выросший в Марксизме, - я не мог бы и не был никогда контр-революционным террористом. Я именно совершил величайшее преступление в том смысле, что я обязан был, должен был предвидеть, что человек политически вдумчивый и имеющий все-таки политическое зрение должен был предвидеть, должен был знать, то злобное шипение, которое раздавалось в среде бывшей зиновьевской оппозиции по адресу вождя партии и Советского правительства, без наличия каких бы то ни было идей и принципиальной политической платформы, без наличия каких бы то ни было принципиальных (в последнее время в особенности) разногласий политикой партии, - что этот политический смрад, который шел из этого болота и явился результатом прямого авантюризма, без-принципной борьбы за власть, безпринципной претензии на свой возврат в руководящий состав партии, - что все это вместе взятое не могло не способствовать созданию самых к.-р. настроений против существующего руководства.

В этом я свою вину признал.

Я считаю, что вина моя ~~отягощается~~ еще тем, обстоятельством, что за последние годы я, как человек маломальски политически вдумчивый, мог рассмотреть еще раз свое

прошлое, осмыслить его и сделать для себя соответствующие политические выводы.

Я понял уже в 1932 году, в конце 1932 года понял, что КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ-повторяли/слова РУМЯНЦЕВА - представляют из себя политические трупы. Возвращение к руководству не возможно.

Я понял также, что существующее... (Я могу продолжать?)

ПРЕДСЕД.: Пожалуйста, пожалуйста.

МАНДЕЛЬШТАМ: ... существующее руководство ВКП(б) во главе со СТАЛИНЫМ выдержало все эти исторические проверки на протяжении всего хода развития нашей революции. Я это понял. Я сумел в свое время подавить в себе чувство обиды, которую имели оппозиционеры, по отношению к существующему партийному руководству и партии за то что они в свое время получили от нее основательный упрек, и особенно потому что к ним пред"являлось после возвращения в партию недоверие. Я принципиально свое мнение изменил.

ЕТ-ПД.

42/1.

МАНДЕЛЬШТАМ: /продолжает/...но я считаю, что это не только не смягчает, но наоборот, оттягивает, ибо в политике нужна последовательность и нужно идти до конца. Сделав такой вывод, я должен был порвать с той антипартийной средой, в которой я вращался в течении 6-ти лет. Я этого не сделал, правда, может быть не сделал это потому, что мне в тот период времени, и даже на протяжении последнего времени, все эти остатки фракционных связей, которые имели место в среде бывших оппозиционеров-зиновьевцев, не казались к.-р. организацией, но об"ективно, говоря для суда, для общественного мнения, совершенно безразлично почему я этого не сделал. Важны об"ективные результаты, важно то, что эти связи я сохранил и связь поддерживал, хотя зачастую, не буду говорить всегда, но особенно за последнее время, я высказался в отношении партийного руководства положительно, это может подтвердить и РУМЯНЦЕВ, с которым я был довольно близко связан в последнее время, около 2-х лет, с которым я и поддерживал систематическую связь, но важно то, что я, несмотря на это, не сделал никаких организационных выводов. Я повторяю еще раз, что это значительно оттягивает.

ПРЕДСЕДАТ: Вы были членом ленинградского центра до самого последнего времени?

МАНДЕЛЬШТАМ: Я, в своих показаниях, на предварительном следствии и на следствии, в дальнейшем, показал, что я входил в состав этого центра. Это показано в моих показаниях на предварительном следствии и я не хочу отрицать тех показаний, которые я давал, но хочу сказать, что и центр и органи-

42/2.

зацию, в особенности центр, я понимал условно. В этом смысле я признаю свое участие в центре до самого последнего времени, хотя повторяю, что я с руководителями систематически не виделся, только с РУМЯНЦЕВЫМ, а случайные встречи были у меня с ЛЕВИНЫМ и СОСИЦКИМ?

ПРЕДСЕДАТ.: Вы были руководителем ленинградского центра вместе с ЛЕВИНЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ и ДРУГИМИ?

МАНДЕЛЬШТАМ: Я ответил на это и в своих показаниях на предварительном следствии, и отвечаю на это, в таком-же смысле, и сейчас потому, что я не хотел этого подписывать на предварительном следствии, но я не трус и политическую ответственность ни при каких обстоятельствах, не только за свои поступки, но и за поступки других, не склонен отвергать. Я признаю участие в этом центре только тогда, и сейчас в том только смысле, как я сказал, но как говорил ЛЕВИН о получении каких-либо директивных перестроек после исключения ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА - я не знаю.

ПРЕДСЕДАТ.: В Вашем показании от 19-го декабря имеется следующая мысль: "вся работа нашей группы была направлена против СТАЛИНА и партийного руководства"... Это вы подтверждаете?

МАНДЕЛЬШТАМ: Я не помню, чтобы я записывал свои показания именно в такой форме.

ПРЕДСЕДАТ.: Я читаю, как записано.

МАНДЕЛЬШТАМ: Я не понимаю, я задал вопрос следователю, который вел следствие и просил доказать.

ПРЕДСЕДАТ.: Вот я сейчас пред"явлю Вам ваши показания, зачем так много лишних слов?

МАНДЕЛЬШТАМ: Возможно, что я и записал, это было не на предварительном следствии, а позже.

ПРЕДСЕДАТ: Все равно, все следствие предварительное, раз до суда.

МАНДЕЛЬШТАМ: Я дал два показания.

ПРЕДСЕДАТ: /Дайте подсудимому МАНДЕЛЬШТАМУ прочесть его показания/.

МАНДЕЛЬШТАМ: Да, совершенно правильно, это подпись моя.

ПРЕДСЕДАТ: В конце этого показания есть еще одна фраза: "Я подтверждаю, что обманывал партию"... Подтверждаете это или нет?

МАНДЕЛЬШТАМ: Я думаю, что все предыдущее, что я здесь изложил целиком подтверждает то, что там сказано.

ПРЕДСЕД.: А вот эту фразу, которую я прочел, из Ваших показаний от 19/ХП, - Вы подтверждаете?

МАНДЕЛЬШТАМ: Нет, я ее подписал, но не подтверждаю. Я хотел ее изложить иначе, в той редакции, как я написал в ответ на тот-же вопрос в показании от 18 декабря.

ПРЕДСЕД.: Вы не могли 18 декабря изложить иначе вопрос, представленный 19 декабря. Вы никак не могли 18 исправить то что Вы писали 19-го.

МАНДЕЛЬШТАМ: Я не говорю, что исправлял, а я только объясняю, что 19-го декабря был в таком состоянии, что мог это дело подписать, даже не вдумываясь и не вчитываясь в протокол.

ПРЕДСЕД.: Что же Вы собственно отрицаете? Далее Вы писали, что "Вся работа нашей группы..." (читает), разве это не верно? Разве Вы за СТАЛИНА работали, за партийное руководство, или против СТАЛИНА?

(Мандельштам молчит).

Вы поддерживали СТАЛИНА или наоборот, боролись со ~~Что-же Вы увильваете~~ от ответа?
СТАЛИНЫМ. Очень просто вопрос стоит: за или против?

МАНДЕЛЬШТАМ: Я увильвать от вопроса не хочу, а я хочу ответить так, как это представляется мне возможным.

ПРЕДСЕД.: За или против?

МАНДЕЛЬШТАМ: Персонально или не персонально?

ПРЕДСЕД.: У Вас написано: "Вся работа нашей ..." (читает).

Подтверждаете это Ваше показание? Если не подтверждаете, то почему не подтверждаете?

МАНДЕЛЫТАМ: Разрешите об"яснить. Все что я сказал раньше о формах борьбы, которая практиковалась в зиновьевской оппозиции на протяжении последних лет, было направлено против партийного руководства и, стало быть, против СТАЛИНА в первую очередь. Но весь вопрос в том, что речь шла не о борьбе против лиц, не о борьбе, направленной против отдельных руководителей, не о борьбе с применением террора, а против партийного руководства.

ПРЕДСЕД.: В лице кого, в лице ЗИНОВЬЕВА - что-ли?

МАНДЕЛЫТАМ: В лице, тех, кто представляет партийное руководство.

ПРЕДСЕД.: То есть, в данное время кто представляет партийное руководство?

МАНДЕЛЫТАМ: Полит-Бюро.

ПРЕДСЕД.: Так здесь написано. Что же Вы настаиваете?

МАНДЕЛЫТАМ: Я не настаиваю.

ПРЕДСЕД.: "Вот почему..." (читает). Подтверждаете Вы это или не подтверждаете? Ваша организация вела борьбу с руководством партийным в том числе и Полит.Бюро?

МАНДЕЛЫТАМ: Политическую ответственность дважды подтвердил и сегодня трижды подтверждаю.

ПРЕДСЕД.: "НИКОЛАЕВ был членом организации". Подтверждаете Вы это?

МАНДЕЛЫТАМ: На основе тех разговоров, которые, вернее на основе тех материалов, которые мне были пред"явлены, я должен был сделать этот вывод.

ПРЕДСЕД.: Что значит - должен был сделать этот вывод. Он был членом Вашей организации или не был?

МАНДЕЛЫТАМ: Я этого точно сам не знаю.

ПРЕДСЕД.: Сегодня не знаете, а 19-го знали.

МАНДЕЛЫШТАМ: Я знал на основе тех материалов следствия, и если материалы правильны...

ПРЕДСЕД.: О каких материалах речь идет?

МАНДЕЛЫШТАМ: Мне было пред"явлено несколько выдержек и показаний подсудимых, где было сказано, где устанавливалось, что НИКОЛАЕВ являлся одним из бывших оппозиционеров, тесно связанным с КОТОЛЫНОВЫМ. Несколько этих выдержек мне не позволили отрицать этого факта, что он состоял членом нашей организации.

ПРЕДСЕД.: "КОТОЛЫНОВ также был членом этой группы, одним из ее руководителей". Подтверждаете Вы эту фразу?

МАНДЕЛЫШТАМ: Членом группы он был, но руководителем - этого не было.

ПРЕДСЕД.: Вы не знаете всех кто был в центре Вашей организации?

МАНДЕЛЫШТАМ: Знаю.

ПРЕДСЕД.: А вот в Ваших показаниях от 18 декабря Вы пишете "зиновьевская организация по существу являлась..." (читает). Правильно?

МАНДЕЛЫШТАМ: Правильно.

ПРЕДСЕД.: Значит Вы о всех организационных мероприятиях знали?

МАНДЕЛЫШТАМ: Нет.

ПРЕДСЕД.: Но Вы об этом говорили.

МАНДЕЛЫШТАМ: Простите, я говорил только о том, что знал, и на основе тех документов...

ПРЕДСЕД.: Вас допрашивали не как простого обывателя, взятого с улицы, а как активного участника к-р. организации, в которой Вы состояли. Правильно?

МАНДЕЛЫШТАМ: Да.

ПРЕДСЕД.: Почему же Вы говорите, что давали показания на основе каких то материалов, которые Вам давали?

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы суду доложили о том, что идейно отошли от организации. Когда отошли?

МАНДЕЛЫШТАМ: Я сказать точно дату не могу, но это относится примерно, к 1933 году.

т.МАТУЛЕВИЧ: К какому периоду?

МАНДЕЛЫШТАМ: К началу 1933 года.

т.МАТУЛЕВИЧ: Совершенно всякую деятельность прекратили?

МАНДЕЛЫШТАМ: Я не так сказал.

т.МАТУЛЕВИЧ: А как-же?

МАНДЕЛЫШТАМ: Я сказал так, что изменил свое отношение к партийному руководству.

т.МАТУЛЕВИЧ: В каком отношении у Вас изменилось отношение к руководству? Вы, что - стали признавать партийное руководство?

МАНДЕЛЫШТАМ: Да, стал признавать.

т.МАТУЛЕВИЧ: Значит признали линию правильной?

МАНДЕЛЫШТАМ: Да.

т.МАТУЛЕВИЧ: Значит должны были порвать с идей?

МАНДЕЛЫШТАМ: Да.

т.МАТУЛЕВИЧ: Но не порвали организационно?

МАНДЕЛЫШТАМ: Да.

т.МАТУЛЕВИЧ: Вы свои показания помните?

МАНДЕЛЫШТАМ: Помню.

т.МАТУЛЕВИЧ: На Урал ездили в 1934 году?

МАНДЕЛЫШТАМ: Да.

т.МАТУЛЕВИЧ: Устанавливать связь с ИРКОВИЧЕМ?

МАНДЕЛЫТАМ: Да.

т.МАТУЛЕВИЧ: Кто такой ИРКОВИЧ?

МАНДЕЛЫТАМ: Бывший оппозиционер.

т.МАТУЛЕВИЧ: Для чего Вы устанавливали связь?

МАНДЕЛЫТАМ: Я Вам могу передать беседу.

МАТУЛЕВИЧ: Мне беседа не нужна. Я Вам могу дать Ваши показания, где Вы точно говорите, что воспользовались командировкой на урал и восстановили связь с ИРКОВИЧЕМ. А это говорит о том, что в Ваших показаниях совершенно правильно указано, что Вы до последнего времени вели организационную контр-революционную работу. Отсюда все Ваши показания, что Вы порвали не соответствуют действительности.

МАНДЕЛЬШТАМ: Я с самого начала так и заявил, что я все осознал, я стремился поднимать авторитет партийного руководства и защищать, но организационно с этой средой я не порвал, что это не является смягчающим обстоятельством, а отягощающим, вот это я говорил и это я подтверждаю еще раз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это не то, что Вы говорили.

МАНДЕЛЬШТАМ: Это именно то, что сохранил связь с ЕЛЬКОВИЧЕМ и другими бывшим и оппозиционерами и это есть сохранение организационных связей, которые объективно, я это повторяю и еще раз повторяю, представляли к.-р. работу, направленную против партии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я еще раз прочту Вам Ваши показания: "На Урал"....
Вы подтверждаете это?

МАНДЕЛЬШТАМ: Да

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы ехали на Урал и устанавливали связь, чтобы укрепить Вашу организацию?

МАНДЕЛЬШТАМ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где-же Ваши внутренние переживания и раскаяние, потому что организационно Вы продолжали работать, используя каждый момент, даже поездку в командировку, чтобы установить связь с Уралом.

МАНДЕЛЬШТАМ: Также вопрос ставил мне т. ВЫШИНСКИЙ 19-го числа и я тоже ответил, конечно, логики в этом нет, но расценивая со стороны, не только субъективной, я хочу...

т. МАТУЛЕВИЧ: Ответ должен быть коротким. Почему логики нет в Ваших показаниях?

МАНДЕЛЬШТАМ: Потому, что логики не было в самой политической позиции, потому не было логики и в действиях. Потому что, порвав внутренне и встречаясь со своими друзьями, защищая

партийную линию, признав ее единственным неизбежным и надежным путем к победоносному развитию нашей страны, я должен был организационно порвать со всеми друзьями, но я этого не сделал. В этом противоречие - отсутствие логики, и это объясняет все двурушнические действия, о которых я показал и показываю сейчас.

т. МАТУЛЕВИЧ: Вы не только не порвали связь, а мы установили, что Вы активно продолжали работать в этой организации. Эта активность Ваша говорит о том, что в 1934 г. Вы имели командировку на Урал, чтобы установить организационные связи на Урале с активом, и Вы работали в этой организации. Значит видно, что никаких разочарований в к.-р. работе не было, и Вы до последнего времени ею жили и работали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый МАНДЕЛЬШТАМ, садитесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Опрос всех подсудимых закончен, у меня имеется дополнительный вопрос к НИКОЛАЕВУ.

Подсудимый НИКОЛАЕВ, когда Вы беседовали с латвийским консулом, у Вас был затронут вопрос о фашистских организациях Ваших или зарубежных, с которыми Вы хотели установить связь или консул?

НИКОЛАЕВ: Да, я упустил из виду, вопрос был затронут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Именно в такой форме?

НИКОЛАЕВ: Я задал вопрос - целесообразно-ли использовать материал и сделал намек об организации, я думал материал направить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какого направления эта организация?

НИКОЛАЕВ: Конечно, фашистского.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Есть разные; немецкая фашистская организация или еще какая?

НИКОЛАЕВ: Да, материала не было, я не давал по адресу.

ПРЕДСЕДАТ: Разговор с латвийским консулом в Ленинграде был или нет? Если был, то в чем заключался?

НИКОЛАЕВ: Вообще разговор был.

ПРЕДСЕДАТ: Но конкретно.

НИКОЛАЕВ: Нет.

ПРЕДСЕДАТ: Кто говорил о этих фашистах, Вы или консул?

НИКОЛАЕВ: Мне было поручено, по заданию КОТОЛЫНОВА, именно там есть указание на следствии, что я должен был нащупать почву, как можно связаться. Я вопрос поставил перед консулом о направлении этого материала, но какого именно, - не указал.

ПРЕДСЕДАТ: Вы поставили этот вопрос или консул?

НИКОЛАЕВ: Мы поставили вопрос, я поставил вопрос. Первый вопрос заключался в том, чтобы дали мне деньги и переслать по адресу.

ПРЕДСЕДАТ: Объявляется перерыв на 10 минут, затем приступим к последним словам подсудимых.

ПРЕДСЕД.: Следствие закончено. Подсудимым представляется последнее слово.

Подсудимый НИКОЛАЕВ, что Вы хотите добавить?

НИКОЛАЕВ: Сегодня 28-е декабря; 28 дней после событий, происшедших 1-го декабря в Смольном, в момент убийства КИРОВА. Мне даже трудно представить историю подобного рода, и я еще могу просить пощады на жизнь.

Я сказал всю правду. Я хочу остановить внимание суда на том, как я пришел к к.-р. организации:

Моя юность, мое детство прошли на активной комсомольской работе, не долгие годы. Затем я был под таким влиянием, окунулся на столько глубоко, что уже в 1924-25 году вместе с Ваней КОТОЛЫНОВЫМ на своих плечах возил вождей в Выборгский район на комсомольские собрания - ЗИНОВЬЕВА, ЕВДОКИМОВА и других. Это впоследствии, конечно, имело большое влияние; это воспитание формировало меня.

Будучи под влиянием организации, во главе с КОТОЛЫНОВЫМ и ХАНИКОМ - как руководителей Выборгского района, воспитавших целые десятки оппозиционеров у нас в районе, в Ленинграде и области, - я был настолько под их влиянием, что мне трудно было найти такой решительный момент, найти опору, чтобы в результате с ними покончить, порвать всякую связь окончательно.

Возьмите 26-27 годы, когда происходила внутрипартийная борьба, когда возвратился зиновьевско-троцкистский блок. Опять здесь руководители (я еще тогда был на комсомольской работе) - Мотя ИВАНОВ, Ника КУЗНЕЦОВ, в том числе и Вася ЗВЕЗДОВ, - мы сидели в Луге

- и они в ленинградском центре оппозиции привозили и питали нас такими материалами, что, якобы, Центральный Комитет партии занимается в ленинградском Обкоме партии и комсомола шпионажем; указывались фамилии и обсуждались информации; мобилизовывали внимание даже в тот момент когда один из уездных активистов был упущен из списка - Петр ЗАВОД....ИИ, и комсомольская организация стала возбуждать этот вопрос.

Даже после того, как мне старый друг и товарищ детства - секретарь Районного Комитета Комсомола прислал личное письмо, чтобы притти к нему на работу, я все-же, имея дружественные связи с АНТОНОВЫМ, СОКОЛОВЫМ, НИКАНСРОВЫМ и целым рядом других товарищей, пошел на производство. И СОСИЦКИЙ знает меня - тоже на производстве работал.

И вот два или три года, действительно в самый разгар оппозиционной работы, я находился на производстве. Но почему я не привлекался к партийным взысканиям? Во первых, благодаря ВОРОНКОВУ, который был секретарем коллектива партии на заводе "Красный Арсенал" и, во вторых, благодаря скрытому участию^В оппозиционной работе.

Теперь дальше. Почему я пошел именно на террор в 1934 году? Новые знакомства, новые встречи, новые трудности и переживания во второй пятилетки. У оппозиционеров снова поднимается ненависть, снова подымается желание организовать конспиративную работу, и они всеми мерами стараются своим влиянием, своими щупальцами вовлечь - и от имени руководителей, и от имени центра, и от имени бывших вождей - ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА. Оппозиционеры все встречались с ними. От них

слышен был один разговор, что нам нужно насильственным путем отстранить противников оппозиции - КИРОВА, СТАЛИНА; что нам нужно добиться возвращения к управлению страной и партией ЗИНОВЬЕВА, ЕВДОКИМОВА, КАМЕНЕВА, ТРОЦКОГО.

И путь этот был единственным путем, избранным после решений съезда, выступления СТАЛИНА о том, что оппозиционеров нужно отстранять. Этот путь был избран как единственный путь - это путь насильственный, путь террористический.

Я рассказал всю правду. Но почему? Потому что я раскаиваюсь целиком и полностью в совершенном тягчайшем преступлении, какого не было на протяжении целого десятка лет в нашей стране, в нашем государстве. Если и были, то именно это было тоже из-за угла и это происходило со стороны классового врага. Я раскаиваюсь как сын государства, социалистического отечества, пролетарского государства, и я несу ответственность перед государством.

Я одно прошу, если могу просить о чемнибудь, прошу у суда, у партии поставить меня в живых. Я хочу увидеть жизнь и докажу своим трудом, своим умом, своими руками и ногами, что куда бы я не пошел, где бы я не работал, - там я любую каплю принесу на этот алтарь, на алтарь социалистического строительства.

Уже на следующий день после события, когда я увидел великие личности, наших вождей партии, то тогда я прямо сказал: это - великие личности и сейчас. И я просил у вождей пощады. Сейчас у суда, когда я раскаиваюсь полностью и рабоблачил всю деятельность к.-р. организации я прошу пощады, я прошу дать мне жизнь, и обещаю перед партией и судом в любую минуту, в любой час еще сколько могу прожить,

доказать, что я поправимый человек.

Я должен сказать, что мое активное участие...

ЕТ-ПД.

107

НИКОЛАЕВ: /продолжает/ ...что мое активное участие, вообще партия сейчас доказала каждому оппозиционеру, каждому сознательному элементу, каждому контр-революционеру, каждой капиталистической стране, что только под руководством партии возможен победоносный путь. Я все глубоко проанализировал то, что я сделал. Я вижу, что я полностью себя разоблачил, признал полностью ошибки. Я сейчас кончаю, и должен сказать, что мы являемся свидетелями того, что действительно, под руководством т.СТАЛИНА, под руководством нашего великого вождя и партии, пролетариат придет к окончательной победе социализма. Эти успехи еще больше бурлят в наших нервах, в наших жилах, пойти вперед, не покладая рук работать, не останавливаясь ни перед какими препятствиями и я кладу на алтарь все свои силы, всю свою могую энергию, которую воспитала во мне партия.

АНТОНОВ: Преступление, которое я совершил, находясь в фашистской организации зиновьевцев, настолько кошмарно, настолько ужасно, что собственно, не приходится сомневаться в суровом приговоре. Встает вопрос - как это так, я выходец из рабочей семьи, сам работавший на производстве с самых юношеских лет, с 17-ти лет примкнувший к коммунистическому движению, смог попасть в то болото, из которого сейчас, классовыми руками нашего НКВД, был вытащен. Я считаю, что самым основным моментом того, что я завяз в таком болоте - была вера в авторитет ЗИНОВЬЕВА, в самом деле в 1925 г.

когда я пришел в оппозиции, я еще недостаточно осознал те идейные вопросы и разговор, который был внутри партии.

Вера в непогрешимость вождей, которые с 1917 г. работали в ленинградской организации, заставила меня пойти с ними. Теперь, когда для каждого совершенно ясны те достижения, которые имеет наша страна, совершенно четко можно сказать, что никакой противоположной линии по отношению к генеральной линии партии - невозможно даже себе представить, насколько очевидным оказался успех нашего Советского государства и только, опять-же, те сомнения, что после таких вождей, как ЗИНОВЬЕВА оттесняют от руководства, не привлекают, это заставило меня опять еще глубже завязнуть в пучине. Я должен сказать, что если, несмотря ни на что, суд найдет, что я, вытащенный из этого болота, все-таки у меня осталось кое что здорового, найдет возможным сохранить мне жизнь, то я всю энергию, все знания, всю свою душу отдам на то, чтобы частично хотя-бы, смыть то позорное пятно, которое лежит на мне, как на выходе из рабочей семьи, лежит на моей пролетарской семье. Вот все, что я хочу сказать пролетарскому суду.

ЗВЕЗДОВ: То, что я очутился здесь - это понятно, это создал тот фундамент, который был положен в основе всей антипартийной, антисоветской работы. Если преклонение перед авторитетом ЗИНОВЬЕВА толкнуло на шаги антипартийных выступлений в моей прежней комсомольской работе, то это только авторитет ЗИНОВЬЕВА.

Живой пример, живое слово, которое давалось нам, и я не один такой, нас много. Это целиком выработало то, что из нас получилось. Мы имели возможность пользоваться двурушничеством и в 1927 - 1928 г.г. при вступлении в ряды партии, я считал, что совершенное преступление - это тоже сделано по указке одного и того-же лица. Я это понимаю и целиком себе прощаю, а вот одного я простить не могу, я даже здесь, перед лицом суда, ту линию, которую я занял на следствии - я не сумел до конца довести. Весь ход следствия показал одно, что здесь неразоружившиеся враги, здесь сидят люди, которые стараются скрыть, которые стараются оставить про запас и кадры, и те веревочки, которые привели в движение.....

и сил на то, чтобы на прямой вопрос суда сказать: да, я участник подготовки совершения террористического акта - у меня не хватило. Я считаю, что то, я был сказал, наглешее поведение КОТОЛЫНОВА на суде, который великолепно знал через меня, через АНТОНОВА как выполняются его поручения, - этот пример достаточно точный, достаточно яркий, для того чтобы мне было очень ярко освещено.

О себе я все сказал. Если суд найдет возможным, я готов и смертью и жизнью искупить... (садиться)

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ЮСКИН!

ЮСКИН: Не в такую минуту как сейчас можно было бы лгать суду. То что я говорил, то заявление, которое сделал суду, оно освещало и освещает истинное мое участие, с точки зрения двух месяцев тому назад, в этом кошмарном преступлении; что фраза, сказанная мне НИКОЛАЕВЫМ мною не была учтена, как нужно было это действительно члену партии, а вместо этого я еще пошутил со своей нелепой, ненужной иронией.

Так я в то время рассматривал этот разговор, рассматривал как обыватель.

Мое детство: учение у кустика - 4½ года, работал у него, военная служба и затем работа на заводах, вступление в партию и работа в партии. Отсюда я должен сделать вывод, что я могу и должен только благодарить партию, ибо партия мне дала так много, на что я не мог рассчитывать, и что не получают десятки тысяч членов партии, находящиеся в ее рядах.

А между тем - самоуспокоенность, небдительность, не у места привешенный язык, обывательские настроения, под

под которыми скрывалась суть антипартийная, антисоветская. Так нужно расценивать ту встречу, которая явилась основой моего участия в этом злодейском преступлении.

Я должен сегодня, хотя поздно, но сказать спасибо органам следствия, которые научили меня, правда, хоть и поздно, понимать и называть вещи своими именами. И если я на суде здесь освещал свое участие в этом деле, то освещал его с точки зрения того момента, когда это происходило. Все показания, которые я подписывал, это суть названия вещей своими именами.

Какие выводы я должен сделать? Что из-за фразы сказанной мне НИКОЛАЕВЫМ, я был поставлен в известность о том, что готовится террористический акт, Я не принял мер - значит, стал участником этого преступления.

Прошу суд учесть одно, что на протяжении всей своей работы в партии, все что поручала мне партия, на тех участках где я работал - я старался работать хорошо. На всех участках, которые мне поручала партия, или непосредственно поручал партийный комитет, везде я старался оправдать ~~шши~~ звание члена партии.

Не в этом суть. Суть в том, что я виноват; я виноват, но все же надо учесть, что я за все время пребывания в партии не участвовал ни в каких оппозициях, не был ни в каких оппозиционных группировках.

Не смотря на свою тяжелую вину, я прошу суд, прошу великодушно судей, дать мне возможность самым ^{на} тяжелым физи-

121

зических участках, концлагерях по капелке отдать свою жизнь, чтобы хотя этим загладить свою вину перед партией, перед моим классом.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый СОКОЛОВ!

СОКОЛОВ: Я еще раз подтверждаю полностью и целиком свою вину, и усугубляю еще тем, что я, будучи молодым членом партии, тем членом партии, которому партия и правительство создали самые наилучшие условия, как материальные, так и все остальные, создали самые лучшие условия для учебы и наконец - самое последнее - в 1932 году еще увеличили свои заботы, послав меня в Академию им. ВОРОШИЛОВА, доверив мне не только политическую роль, но и оборонность страны, - я подло и нагло оттолкнул ее, будучи членом террористической к.-р. организации.

Учитывая всю тяжесть преступления, я просил бы только суд ~~дать~~ возможность всеми силами, всей жизнью, трудом и работой смыть то пятно и вымолить прощения у партии и Советского правительства за содеянное мною преступление.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый КОТОЛЫНОВ!

КОТОЛЫНОВ:

ЕТ-ПД.

48/1.

КОТОЛЫНОВ: Товарищи! Я откидываю все эти формулировки громких фраз о политической и о моральной ответственности за убийство т.КИРОВА. Я должен просто и прямо сказать, что пребывая в годы оппозиции в к.-р. зиновьевщине, борясь против партийного руководства, сея озлобленные настроения против отдельных вождей партии, - все это несомненно порождало террористические настроения. Выстрел НИКОЛАЕВА - есть результат этих настроений. Я за это отвечаю, и я виновен. Я нахожусь и я подчеркиваю, что все показания НИКОЛАЕВА, я их полностью подтверждаю. Когда я говорил председателю суда, что я не знал о настроении НИКОЛАЕВА, это верно, но это не исключает вины всей к.-р. организации, которая воспитывала бывших оппозиционеров, все равно, ответственность лежит на нас всех. Я нахожусь в трагическом положении, По ходу дела так, что я полностью разоружился, я полностью снял с себя к.-р. зиновьевскую сбросил ее на пол и кладу голову перед судом, но, товарищи, есть вещи, которые я..... и передо мной стоит перспектива следствия, со мной говорили, я благодарен ДМИТРИЕВУ, последние дни я с ним беседовал и в высшей степени приятно. Он со мной беседовал и говорил, куда я иду и какие у меня перспективы. Все время говорил мне - не прегирайся, расскажи, как было дело о террористической организации, кто был наверху, кто внизу и только в таком случае тебе партия поверит, - он был прав, что прегираться нельзя, надо рассказать все. Я, товарищи, заявляю с полной ответственностью, что все, что у меня было, все жало, которое было приобретено - я его выпустил, но в организации убийства т.КИРОВА, в организации террористичес.

кой группы - я не виноват, я не виноват абсолютно. Сами понимаете - нет смысла мне скрывать это, потому что я прекрасно понимаю, что если мне суд не поверит, если мне партия не поверит, если пролетарское государство не поверит, я знаю чем кончится. И, несмотря на это, мне либо врать, что была такая группа, что я разговаривал с НИКОЛАЕВЫМ или сказать правду. Этого у меня не было. Я любую кару могу принять на себя, доказать партии и пролетарскому государству, но ни о какой пощаде я не молю, и я требую сурового наказания, но в этом убийстве я не участвовал, и в этом заключается моя трагедия, в том, что так обстоятельства сложились, что НИКОЛАЕВ, АНТОНОВ показывают о том, что я знал, но я не знал, не участвовал, не организовывал и не встречался с НИКОЛАЕВЫМ. Я прошу суд, разобраться более подробно, в обстоятельствах этого дела. Имея обвинительный материал, я видел ряд противоречий, о которых часто говорил, как-и просил установить, т.к. это неточность, лживые показания НИКОЛАЕВА. Я хотел говорить коротко, но это очень неприятно, я сам намерен говорить исключительно обвинительную речь, но эти трагические обстоятельства так произошли, что я не могу говорить. Все сидят на скамье подсудимых, все признают себя виновными в террористическом акте, а я отказываюсь. Защищать присутствующих мне не приходится /НИКОЛАЕВ: "языком ЗИНОВЬЕВА ты говоришь"/, нет я буду просить суд. Вот те противоречия, на которые я хотел обратить внимание суда, когда он будет разбирать это дело.

Первый вопрос - кем был вовлечен НИКОЛАЕВ в к.-р. организацию. Своими-же показаниями у него выходит, что он первую встречу имел с ШАТСКИМ, а потом с КОТОЛЫНОВЫМ. Но,

товарищи, сами показания того-же НИКОЛАЕВА говорят, что он с марта месяца не работал и жена его показывает - по чему он не работал? Жена НИКОЛАЕВА указывает, что он не работал для того, чтобы иметь время для подготовки террористического акта. Так было с конца марта 1934 г. вплоть до его ареста, он нигде не работал и это объясняется не тем, что он не мог получить работу, а он хотел себя посвятить целиком и полностью подготовке террористического акта, стало-быть он готовился к террористическому акту уже задолго, до той встречи, о которой он говорит, со мной. Он говорит, что в сентябре была встреча, и в марте. Он встречался с ШАТСКИМ около квартиры КИРОВА летом 1934 г. Это опять до моей встречи, - со слов самого НИКОЛАЕВА.

Видно из дальнейших слов самого НИКОЛАЕВА, что он говорит неправду и возникает подозрение насчет правдивости его слов. Он рассказывает о своей встрече со мной, он говорит, что это было в середине сентября, после встречи с ШАТСКИМ в августе 1934 г., КОТОЛЫНОВ разговаривал со мной о работе к/р. организации. Он ссылаясь на мою августовскую беседу с ШАТСКИМ, я заверяю, что я ШАТСКОГО не видел с 1928 г. и его не встречал, никаких разговоров не вел. Из этой беседы КОТОЛЫНОВА можно вывести, что я вел подготовку террористического акта, т.е. из этой беседы само показывает, что КОТОЛЫНОВ может вести подготовку к террористическому акту.

ПРЕДСЕДАТ: подсудимый КОТОЛЫНОВ, Вы в суду обращаетесь, а не к НИКОЛАЕВУ.

КОТОЛЫНОВ: Нужно было ему говорить так; но что получилось, что он

48/4.

готовился к террористическому акту еще до меня, до моей встречи. Я мог еще привести массу противоречий; он говорит о том, что встреча со мной была, а если Вы спросите, как происходила встреча в Индустриальном Ленинградском Институте, где имеется 10 тысяч студентов, кто уславливался и еще целый ряд обстоятельств, то будет ясно, что этих встреч не было. Поэтому я прошу обратить внимание суда на обстоятельства этого дела.

Теперь еще одно обстоятельство, которое он утверждает, будто бы он был связан, по моему заданию, с латвийским консульством...

Это, товарищи, категорическая неправда. Даже он указывает, что он мне выдал 4.500 рублей денег.

(НИКОЛАЕВ: Да.)

Я должен, товарищи, заявить, что это клевета, это исключительная ложь и это могут подтвердить все товарищи, на глазах которых я живу. У меня есть семья - я жена, ребенок и есть дом.работница, потому что я и жена учимся. И мы находились в ужасных материальных условиях. Мною в виду тяжелого материального положения был взят аванс в 250 рублей, в сентябре м-це до 1-го января. Я был у директора института, и взял еще аванс - 100 рублей. Это было в октябре - ноябре.

По совхозу, где я отдыхал образовался долг в 183 рубля. И я в конце ноября и первого декабря вел разговоры с директором о том, чтобы списать этот долг, и мне списали, потому что видели мое тяжелое положение.

Больше того: я был вынужден (мне очень неприятно об этом говорить) заложить пальто моей жены летом в ломбард, и теперь в холода жена должна была мерзнуть, так как я не мог выкупить пальто.

Я перебивался, находясь на последнем курсе вместе с женой, с надеждой окончить учебу и поправить мое материальное положение.

Об этом может подтвердить товарищ, который мне оказывал помощь; об этом может подтвердить директор Ин-та, которому я говорил о моем тяжелом положении; об этом может подтвердить моя жена и дом.работни-

ца; и парт.орг наш, мой хороший друг.

Ну, могло ли быть, чтобы я имел 4.500 тысячи, находясь в таком положении?

Что мы видим во материальном положении НИКОЛАЕВА? Да у него - вот "показаниями допрошенного" (читает).

ПРЕДСЕД.: НИКОЛАЕВ последнее слово за себя говорил, а Вы за себя говорите.

КОТОЛЫНОВ: Я понимаю, но я хочу сказать, что его материальное положение было хорошим, он не терпел материальной нужды, не смотря на то, что не работал в течение долгого времени. Все присутствующие знают, что значит иметь дачу в Сестрорецке у частного.

НИКОЛАЕВ: И ты, и каждый может иметь.

КОТОЛЫНОВ: Нет, я не смогу иметь, потому что на это нужно очень много денег. Все это говорит о том, что этих денег у меня не было, что я этих денег не видел, и не знал о них, также как я не встречался с НИКОЛАЕВЫМ.

и Я знаю, что весь материал находится у суда, и суд при тщательном разборе может все это установить.

Мне кажется, что во все эти обстоятельства нужно будет вникнуть. Это в конце концов дело суда, который будет выносить приговор.

С полной ответственностью последний раз заявляю, что виноват в к.-р. зиновьевщине. Я отвечаю за тот выстрел, который был сделан НИКОЛАЕВЫМ, но я в организации этого убийства участия не принимал.

Вот этого человека - ЮСКИНА, я в первый раз вижу;

этого человека - СОКОЛОВА - первый раз вижу. Я действительно знал АНТОНОВА, действительно знал ЗВЕЗДОВА, с которыми встречался по Ин-ту, но я никогда от них не слышал об убийстве КИРОВА. Поэтому я их прошу - в последний раз сказать правду.

Я хочу сказать как произошло, что на скамье подсудимых такое огромное количество комсомольских работников, то чего не было у других оппозиций - ни у ТРОЦКОГО, ни у правых. Это было задолго до партийной драки; ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, готовясь к партийной драке, повели завоевание...

ПРЕДСЕД.: Вас в этом не обвиняют. Вас обвиняют в террористическом акте, в подготовке его, а история партии нам сейчас не нужна.

КОТОЛЬНОВ: Мне еще задавали вопрос - как Вы скатились в к.-р. болото. Я должен сказать, что 7-го ноября, мы уже фактически скатились в контрреволюцию. 15-й съезд нас одернул и предупредил, но мы не останавливались и опять продолжали вести борьбу против партийного руководства; входили в партию организовано, не разоружившись. Это было двурушничество, это был обман партии. Все это означало, что фактически к.-р. зиновьевщина продолжала существовать.

Я хочу сказать больше. Никто из присутствующих не знает где предел был контр-революционной зиновьевщины, куда мы могли дальше скатиться, если бы нас не остановили. Выстрел в КИРОВА фактически остановил к.-р. зиновьевщину. Это чудовищная плата, это очень дорогая

цена для партии, но это сигнал к тому, что к.-р. зиновьевщина должна быть уничтожена.

Я хочу сказать несколько слов о том, в каком положении я оказался. Я пришел в комсомол 14½ лет; в партию - 15½ лет. Мы привыкли работать с утра до вечера, не считаясь ни с здоровьем, ни с силами. У нас самое высокое, самое дорогое было партия. Партия была все. У нас была беззаветная любовь к вождям, к руководству партии, у нас была исключительно здоровая обстановка и хорошие взаимоотношения между ленинградским комсомолом и ленинградской партийной организацией.

Но, товарищи, все карты были спутаны, когда руководство ленинградской оппозицией начало вести борьбу против партии, против партийного руководства. Всю любовь, все лучшие революционные чувства молодежи эти руководители ленинградской оппозиции впитали в себя, присвоили себе и отравляли наше сознание.

Чему мы научились в годы оппозиции, пребывая в к.-р. зиновьевщине. Мы научились бороться против партии, мы научились бороться против партийного руководства, вести всякие озлобленные разговоры против партийного руководства; приобрели все эти навыки. Встречаться и беседовать, критиковать партию за спиной партии. Все это, товарищи, в конечном итоге нас исколечило, нас - партийный молодежь это в конечном итоге сделало инвалидами.

Мне 29 лет, я вспоминаю кем пришел и чем стал сейчас. Действительно, пройдя эту полную школу, пройдя к.-р. зиновьевщину, я стал инвалидом.

...Товарищи, у меня была близкая связь с партией, у меня были здоровые настроения и я не был все время врагом партии. У меня были прекрасные настроения во время чистки и в последний год. У меня была прекрасная связь с партийной организацией, у меня никаких разногласий с генеральной линией партии не было. Я часто критиковал ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, я отдавал отчет, что только нынешнее руководство партии, во главе с т.СТАЛИНЫМ, выведет страну от одной победы к другой. Зиновьевская, старая связь перемешалась, нельзя было найти начало товарищеской или оппозиционной связи, все это было настолько перепутано, что получалась круговая порука, которая была между нами и не давала пойти сказать, что происходит в недрах зиновьевской оппозиции, и давала возможность катиться в к.-р. болото. Когда мне показали постановление ЦК партии об исключении нас из партии, как конт-революционеров, это для меня уже был смертный приговор, потому что таких решений я еще не видел.

Решение о том, что мы исключаемся, как контр-революционеры - это уже равносильно для меня, который вырос в партии, который и хотел и ставил своей задачей умереть в партии, это было смертным приговором. Я ни от кого пощады не прошу, я требую перед партией самую суровую кару и с большой радостью, почему? Потому, что я буду умирать не как контр-революционер, а как революционер, который, собрав в себе все мужество, раскаялся, разоружился идейно и организационно до конца.

50/2.

Сложил всю свою к/р. зиновьевщину к ногам. Я считаю, что к.-р. зиновьевщина неизвестно к чему бы скатилась в дальнейшем, очень жаль, что раньше ее не уничтожили. Но сейчас она должна быть уничтожена до основания. Какая-бы кара не была мне предназначена партией и пролетарским государством, во всяком случае, я буду умирать с лозунгом: - "да здравствует ленинская партия и ленинское руководство великого вождя т.СТАЛИНА; долой ЗИНОВЬЕВА"; мне так хочется крикнуть: "Будь вы прокляты ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ и БАКАЕВ, которые отравили нас против партии, против партийного руководства".

ШАТСКИЙ:

Я должен, товарищи, подтвердить, что никакой связи с к.-р. группой, с террористической группой я не имел. Ни о каких приготовлениях, ни о террористических актах над т. СТАЛИНЫМ и КИРОВЫМ я не знал. Ни о каких разговорах, о которых здесь говорили и на следствии, якобы, я вел антипартийную беседу и о том, что я вел переговоры относительно покушения, - я этого не подтверждаю, я этого не признаю. Я должен суду сказать следующее; что я сказал на следствии, что люди, которые со мной встречались - это бывшие комсомольцы, партийцы и беспартийные рабочие, - я говорил о всех переживаниях, которые у меня есть, я всем говорил, что я должен оправдать свое доверие перед партией и Советской властью. Я видел, что увольнение с завода - это было недоверием ко мне. Я все невзгоды переносил мужественно и не шел в болото этой террористической, махровой организации, - я в ней не был и не намеревался быть.

50/3.

Весь процесс для меня, был как раз перманентом, когда я мог еще более лучше познакомиться с делом, но я провела еще раз правдоподобность и, товарищи, когда ничего не делал, сколько ты не проверяй, ничего не высосешь из пальца, ничего не скажешь. Так вот, я еще раз подтверждаю, в эту последнюю минуту, нет того, что бы я мог изложить суду о это к/р. организации.

Для меня раньше было, и в настоящее, и в будущее - это следующее: честное серьезное отношение к труду, заботливое участие и энергичная борьба на пользу рабочего класса, на пользу революции. Это все, что я мог сказать суду.

ТОЛМАЗОВ:

Пред"явленное мне обвинение следствием и судом, о принадлежности к к.-р. организации, - я целиком и полностью признаю. Террористическая деятельность, которая прошла и проведена этой организацией, она прошла мимо. Я на следствии говорил, что НИКОЛАЕВА не знал, что вижу сегодня первый день, считая с 1924 года, когда работали в комсомоле, но если доказано следствием, что НИКОЛАЕВ является членом этой организации, я должен нести, целиком и полностью, ответственность за то деяние, которое совершено и построено исключительно на тех к.-р. троцкистских и зиновьевских осколках, чем жила организация. Я считаю себя в этом деле виновным, что я не сумел, именно порвать полностью связь, ибо старые дружественные отношения

50/4.

со старыми комсомольцами меня относительно связывало с отдельными людьми и работниками, и в силу этого часть отдельных разговоров, переводилась на политические темы и привела в к.-р. болото. Все эти разговоры случайные, не выдуманные, проводились каким нибудь одним лицом. Разговор этот был именно ^У тех, окончательно обанкротившихся к.-р. деятелей **ЗИНОВЬЕВА** и **КАМЕНЕВА**, а с ними и люди, которые всячески обманывали пролетарское государство стремились и стремятся, до сегодняшнего дня, все возможное, чтобы провести ряд мероприятий, приносящих громадный вред нашей партии, нашему правительству. Я считал, что сегодняшний процесс не только должен дать обвинение по отношению к той группе, сидящих здесь людей, но и должен быть окончательным толчком, чтобы окончательно разгромить те основные столбы, которых уже здесь некоторые повторяли, которые в силу ряда причин тянули, и благодаря различных к.-р. дразг и сплетен, привели к тем последствиям, которые мы сегодня имеем. Я не хочу сказать, что у меня есть какое-то смягчающее преступление, но я прошу учесть все обстоятельства, которые сложились по отношению ко мне, учесть то положение, что я член партии с 1919 г. и фактически имею одно партийное взыскание, на вид, за связь с оппозицией. Я в прошлом - рабочий, выдвиженец, выходец из бедняцкой семьи, но я за время революции никакой террористической не вел.

РК-НЗ

51/1

...- я прошу все это дело учесть и учесть обстоятельства той работы, которая возлагалась на меня партией и советской властью, и которую я выполнял с честью. Когда меня партия послала в..... губернию, когда я должен был приниматься за новую работу в системы Потреб.Кооперации, то я освоил эту работу. Я считаю, что если правительство и пролетарский суд найдет необходимым найти такую меру наказания, которое в дальнейшем даст мне возможность своей практической работой, своей грудью, руками, свою вину хотя бы частично искупить и доказать, что я еще способен, что я еще сын пролетарской революции и целиком выполнить те задачи, которые стоят перед партией.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый МЯСНИКОВ!

МЯСНИКОВ: Я на следствии и здесь на суде признался, что несу ответственность за тот выстрел, который произвел НИКОЛАЕВ в КИРОВА, как член организации, как член центра ленинградской организации, членом которой является НИКОЛАЕВ.

Я не сторонник индивидуального террора. Я не знал о том, что подготавливается террористический акт над КИРОВЫМ над СТАЛИНЫМ. Я не знал, о том, что создавалась какая то специальная террористическая группа. Я этого не знал, но это не снимает с меня ответственности, и я повторяю, что несу ответственность как член организации.

В своем последнем слове я должен сказать, что на эту скамью подсудимых вместе с нами должны сесть и КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ, и сесть потому что они являются нашими воспита-

телями, они нас воспитали в ненависти к партийному руководству. Они всякими разговорчиками, слушками старались создать у нас впечатление, что политика партии не верна. Они старались всех кто колебался привлечь, притянуть.

Они должны нести кару, потому что отвечают не только исполнители, но и те кто направил дуло револьвера в КИРОВА.

Мне тяжело говорить. Я не думал, что буду сидеть на скамье подсудимых вместе со шпионами, изменниками родины, вместе с убийцами. Являясь членом партии с 1919 года, будучи на фронтах гражданской войны, я не представлял себе, что буду в таком положении.

Я тоже сомневался в правильности моей оппозиционной борьбы; были сомнения, но у меня не хватало мужества, не хватало решительности, порвать окончательно с этой к.-р. сволочью. Такова природа двурушничества. Если кто сумел с самого начала прихода в партию порвать со старым - тот спасся; кто хоть сколько нибудь сохранял свои связи, должен был неизбежно докатиться. И вот я тоже докатился в результате того, что состоял в организации, которая в силу своей беспринципной политики, своей бессодержательностью должна была стать на путь фашистской борьбы, не избегно порождала фашистов вроде НИКОЛАЕВА, который стрелял в КИРОВА.

Я не хочу просить милости у суда. Я полностью признаю свою вину перед партией, Советской властью, рабочим классом. Мне не хочется просить никаких снисхождений: я этого не смею делать, потому что если здесь выступали комсомоль-

цы, то я старше их по партийному стажу и должен нести ответственность больше чем они.

Я только прошу, если суд найдет возможным, дать мне какую угодно, самую тяжелую работу, чтобы завоевать снова право носить высокое знамя гражданина Советской родины.

Я глубоко раскаиваюсь во всем своем 8-летним контр-революционном пути; я отрекаюсь от ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, считая их предателями, изменниками нашей социалистической родины, контр-революционерами, организующими борьбу против руководителей партии и власти. Я считаю что с контр-революционной зиновьевщиной нужно покончить раз и на-всегда!

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ХАНИК!

ХАНИК: Очень тяжело говорить здесь на суде, особенно когда встает перед тобой, все то что ты выпитал с молоком матери (потому что и мать у меня большевичка-партизанка). Я на предварительном следствии и на те вопросы, которые мне здесь были пред"явлены, в полнейшей чистосердечностью и раскаянием рассказал все что знал, о чем был в курсе дела и о тех людях которых знал.

В процессе этого следствия я должен отдать большую благодарность т.т. КОГАНУ, СТРОМИНУ, к которым я вначале попал, т.т. КОСАРЕВУ и ЕДОВУ, т.т. МИРОНОВУ и АГРАНОВУ, которые показали мне всю историческую сущность и значимость и которые просто открыли мне глаза и показали как по иному надо рассматривать вещи, иначе чем я смотрел до

сих пор.

Ясно, что суд, имея дело с контр-революционной организацией к которой принадлежу и я, не может не считать меня ответственным целиком и полностью за тот фашистский и бандитский акт - за убийство незабвенного, скажем, КИРОВА. Я не хочу оправдываться тем, что в 1933 году, с самого начала я порвал с организацией. Мне может быть в этом отношении помогла поездка из Ленинграда; ведь если бы я остался в Ленинграде, то может быть и не порвал, потому что здесь тебя так засасывает эта атмосфера, атмосфера борьбы за каждую твою здоровую клеточку, еще не зараженную ядом КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА и иже с ними.

Может быть вина не только их: тут был такой дифференцированный подход; здесь по существу была и организация, и центр организации, и старики, и молодежь. Кто то организовывал, кому-то поручали, кому-то сообщали и т.д.. Но если разобраться по существу, то политический корешок нужно отсюда извлечь. Есть одна общность - это ответственность за акт, являвшийся следствием систематического культивирования звериной ненависти к руководству партии, в частности к СТАЛИНУ, КИРОВУ, КАГАНОВИЧУ, МОЛОТОВУ.

Особенно отравлялась молодежь.

...Каким методом, слухами, спелтнями, выпадами, слухками, всякими похабными анекдотами, критиковали там, где крыть было нечего, - все это пресловутый центр. Всякие группочки состояли, как бы из широких классовых зрелостей. Верили своим учителям - ЗИНОВЬЕВУ, КАМЕНЕВУ, БАКАЕВУ, которые довели до того, что произошло такое тяжелое для страны событие 1-го декабря, и они показали свои плоды борьбы против руководства партии. Это ничего не имеет вообще не только с партийностью, но и с гражданством, всем известно о том, что индивидуальный террор отрицали на всем протяжении существования РСДРП- ВКП/б/. Это было последнее желание, до которого нас довели зиновьевско-каменевские охвосты, но это не случайно, не вредно здесь вспомнить их изменничество в канун...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый РУМЯНЦЕВ, Вы что лекцию читаете или находитесь на суде?

РУМЯНЦЕВ: Дайте мне говорить, я все передумал. Старички, члены партии, знали об этом, но молодые восприняли ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, как кристаллически честных вождей и эта беззаветная преданность, слепая любовь и в последующем, в после 1926-28 г.г. и сейчас, привела к этим событиям. Такое двурушническое отношение, проявлявшееся с нашей стороны, окончательно скатилось к махровой контр-революции. Я сейчас выпущу целый абзац, т.к. вижу неудовольствие председателя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не нужно, чтобы Вы читали лекции о методе борьбы перед судом.

ХАНИК: Э. Эпоха страны была одной из эпох ЛЕНИНА, которая насыщена колоссальными победами, которые проверить было очень трудно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какое это имеет отношение сейчас?

ХАНИК: Э. Я хочу сказать, что КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ не могли примириться с тем, что эти победы давались без КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА, которые претендовали на роль единственных наследников ЛЕНИНА и единственных спасителей горести и бед. Эта группа привела людей в бездну, которые очутились перед судом. Я хочу сказать, что есть-ли какая-то идейная база или платформа зинovieвцев, есть-ли устойчивость и т.п., - это все чепуха, ибо все эти пресловутые наметки, онив. значительном количестве настолько раз, что в платформе остался один фук. Эта платформа является дырявым прикрытием, чтобы скрыть инстинную правду, которая сводится к борьбе за власть и руководству страной, а также в борьбе против нынешнего руководства. Я считаю, что эти люди, как и мы грешные, должны потерпеть чрезвычайно суровую кару. Чем люди выше, тем больше они должны понести наказание. Я с 1931 г. работал с полной отдачей сил и в значительной степени - уверенно, я хочу просить суд, если будет какая нибудь возможность послать меня на любой острый, опасный участок работать, на великую стройку социализма под руководством великого вождя и непоколебимого СТАЛИНА. Я буду честным, чтобы доказать, что я родом не контр-революционер, не подлец, а сын рабочего класса.

СТ-ПД.

52/3.

ЛЕВИН: Тяжело говорить, оказавшись на скамье подсудимых, еще тяжелее потому, что за твоей спиной 10 лет непрерывной двуручнической к.-р. работы. Несколько раз партия предлагала мне возможность возвращения в ее ряды, чтобы доказать свою преданность партии и государству.

В 1926 г., будучи исключенным и в 1927 г. был восстановлен. Но выйдя из Центральной Контрольной Комиссии - я вновь начал эту работу. На XV съезде, подав заявление за единое разоружение и в то-т-же самый момент принял меры к тому, чтобы старая обанкротившаяся зиновьевская оппозиция, могла вновь бороться против партии. Имевшийся у меня архив был выдан во время следствия. Два раза проходил чистку, два раза партия пыталась меня проверить, два раза на словах оказался годным членом партии, но на деле изменнически обманывал партию.

10 лет - с 1925 г., накануне 35 года, могли думать о том, что суд поверит хотя бы одному слову, что я скажу здесь, он не поверит, потому что слишком дорого и тяжело преступление. Начав с борьбы в качестве фракционера оппозиции и превратившись в антисоветскую группу, мы доказались до к.-р. организации, на одном из крыльев которой стоял НИКОЛАЕВ, стрелявший 1-го декабря В КИРОВА.

Вот путь, который мной пройден за эти десять лет двухрушнической работы. Партия предупреждала нас. На наших глазах отдельные группы, в результате борьбы против партии скатывались в болото контр-революции. На наших глазах ТРОЦКИЙ из фракции внутри партии, превратился в передовой отряд международной контр-революции; на наших глазах группа правых превратилась в апологетов кулацких банд.

Надо быть этому выстрелу, чтобы понять, что между нами и фашистами есть прямая связь; надо было захлопнуться дверям тюрьмы, надо быть этому процессу, чтобы я сам осознал, что между мною и НИКОЛАЕВЫМ есть прямая связь. Можно ли в таких условиях просить пощады? Конечно, нет. Политически я не существую, в перспективе ничег нет. Я остался без идей, без платформы, с одной беспринципной склокой против руководства партии, против отдельных ее руководителей. После этого политиком называться - вряд ли кто может. Это обывательщина, это мещанина, это по вуществу контр-революционное болото. Вот как дело на сегодня обстоит со мной.

Хотелось бы мне - годы не так еще велики (37 лет), мозг работает, силы есть, - хотелось бы где нибудь помочь, не помочь, а вернее по возможности сгладить те преступления, тяжелые преступления, которые я совершал в течение десяти лет. Так дело обстоит. Надо просить в качестве милости - жизни для того чтобы постараться хоть немного сгладить результаты тех преступлений, ко-

торые я совершал в течение десяти лет.

ПРЕДСЕД.: Перерыв десять минут.

(перерыв десять минут)

ПРЕДСЕД.: Подсудимый СОСИЦКИЙ!

СОСИЦКИЙ: Прежде всего я должен признать и подтвердить все то, что я прямо и хорошо знал, все что мне было известно об этой проклятой контр-революции - то что я говорил на следствии и подтвердил здесь на суде.

После всего что случилось, трудно, конечно, найти более или менее подходящие слова, которые могли бы в чем нибудь, хотя бы как нибудь действительно разоблачить и уничтожить до конца, не оставляя камня на камне от этого контр-революционного виновьевского болота.

Я должен здесь принести свою искреннюю признательность и благодарность тов. ЛОПКОВУ - работнику Наркомвнудела, который действительно по товарищески, по партийному раскрыл передо мной всю пропость к которой я пришел. Товарищи судья, я в последнюю минуту говорю абсолютно искренне, что я этого действительно не ожидал для себя, что когда я был арестован и когда ^я ^{пробыл} в первый раз ~~предъявили~~ на следствии ~~обвинен~~ ~~нии~~, то я просто был поражен: какая причина могла привести меня в тюрьму, и только после того, когда мне членораздельно, ясно показали всю глубину моего падения, всю эту связь непрерывную с той прош-

лой моей контр-революционной деятельностью, которая была после восстановления моего в 1928 году, - для меня стало совершенно ясно.

Я считаю, что я дважды виноват тем, что партия искренно поверив мне дала мне возможность исправить свои ошибки, свою антисоветскую деятельность, которую они переросли к моменту моего исключения. Я говорил на суде, говорил на следствии, что мне, вскоре после работы на производстве, после мобилизации меня из Красной Армии и после восстановления в партии, мне партия доверила партийную работу, а потом хозяйственную и т.д.. С другой стороны у меня абсолютно ничего нет, кроме искренней благодарности. Я понял, что я сделал предательский акт. Я только попав сюда в тюрьму говорил в последний раз с товарищем ЛЮШКОВЫМ о всех тех переживаниях, которые я перенес с того периода времени; я сказал, что самое тяжелое, что было в моей трудовой жизни, - это то что я должен сегодня сидеть и сижу на скамье подсудимых вместе с презренными убийцами,

Этот горячо любимый всем рабочим классом и пролетарским городом Ленина - Сергей Миронович КИРОВА, с которым я лично имел очень близкое соприкосновение в своей работе, которую вел. Я под его руководством с 1932 года выполняю работу, при непосредственном, очень близком

его руководстве. Я должен был после моего восстановления действительно покончить раз и на всегда со всем этим прошлым.

Но те яды, которые буквально входили в мой организм - они видимо тормазили выход оттуда. Мои дружественные личные связи с подсудимым ЛЕВИНЫМ, за-долго до оппозиции, когда он еще был моим начальником - начальником Полит. отдела дивизии, - он не дал мне возможность покончить с этим проклятым прошлым, чтобы больше к нему не возвратиться. Сам я этого не сумел сделать.

Здесь действительно надо сказать одно, что вместе с здесь сидящими должны были раньше всего и главную ответственность за это неслыханное^В пролетарской революции преступление нести ответственность наши вожди в ковычках - ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ и иже с ними. Они целиком и полностью должны отвечать за все, и за нас в частности тоже.

Я хочу одно только просить у пролетарского суда. Я целиком признаю всю свою вину, что я дошел до такого предела, дальше которого идти некуда. Я прошу пролетарский суд об одной милости: если он найдет возможным дать мне возможность исправить это тягчайшее мое преступление и хотя бы где нибудь иметь счастье и возможность называть себя гражданином страны Советов и доказать свою преданность и искренность в самом тяжелом труде, где бы это не было, - так-же как я когда то доказал своим участием в ликвидации Кронштадтского мятежа, на Корниловском фронте и Латышском.

СОСИЦКИЙ: /продолжает/ Я понимаю, что смешно сейчас говорить о какой-то милости, но я единственно нахожу, хотя бы малейшее оправдание и право просить у пролетарского суда, я чувствую, что я не окончательно погибший человек, что я в состоянии буду честно, вместе со всем пролетариатом, - под руководством нашей великой Ленинской партии, руководимой т.СТАЛИНЫМ, который ведет нашу страну от одной победы к другой, хотя бы когда нибудь сгладить частицу величайшего преступления, которое я совершил. Вот единственно о чем я прошу пролетарский суд. Последнее - это независимо ни от чего, разгромить, уничтожить, не оставляя ничего от этой контр-революционной зиновьевской и каменевской организации, не оставлять и духа, чтобы дать стране Советов двигаться дальше вперед, чтобы она звездой, которая освещает путь всему мировому пролетариату. Вот все, что я считал нужным сказать в последнем слове и просить суд о том, что я послал заявление в ЦК ВКП/б/, где просил также об этом.

РУМЯНЦЕВ: Председатель и члены Верховного Суда, я признаю себя виновным, до последнего дня я состоял членом к.-р. организации в Ленинграде, знал о существовании и не нашел мужества, своевременно разоблачить и тем самым предотвратить то кошмарное убийство нашего лучшего ученика ЛЕНИНА и соратника т.СТАЛИНА - Сергей Мироновича КИРОВА. Я благодарен т.т. АГРАНОВУ, МИРОНОВУ и ЛЮШКОВУ, которые мне помогли порвать с к.-р. болотом. Тяжело выступать, впервые в своей жизни, перед военным пролетарским судом, когда

сознаешь весь позор своего преступления, когда сознаешь свое тяжчайшее преступление, когда понимаешь, что выращен и воспитан Советской властью. Я доброволец Красной Армии, чекист 20-21 г.г., охранял огнесклад от взрывов, и очутился в положении врага своей родины, подлеецом и контр-революционером. Мне 32 года, из них 16 лет всей своей сознательной жизни, был в партии и комсомоле. Своей политической жизнью я обязан, в результате полученного мною воспитания у "вождей" к.-р. группы ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА я не снимаю с себя личной ответственности, т.к. совершенное мною преступление велико и огромно, Но было такое время, когда я еще маленьким подростком, воспитывался в ленинградском комсомоле и не зная всей роли, я верил ЗИНОВЬЕВУ, как богу, отдавал ему свое чистое сердце, подчинялся безразсудно свое сознание, верил так, что своей искренней преданностью, не замечал, что делал. Верил в авторитет ЗИНОВЬЕВА, верил ЕВДОКИМОВУ, что ЗИНОВЬЕВ настоящий ученик ЛЕНИНА, и вот из этого проистекает величайшее преступление, вот почему я заявляю здесь, перед судом военной Коллегии, что я перед XIV-м съездом партии противопоставлял комсомол партии. Я организовывал дискредитацию членов Политбюро. Я организовывал комсомольский центр, я внедрял изучение антисоветских песен "Кирпичики" и др., направленные против руководства партии, создавал сомнения и подрывал авторитет партии и правительства, по любому решению. Я грубо нарушал партийную дисциплину. Распространял нелегальную литературу среди беспартийных и комсомольцев, и все это делал под лозунгами - "непойманный не вор", "ври и обманывай руководящий аппарат".

В 1927 г. проведен блок ЗИНОВЬЕВА с ТРОЦКИМ. Я неплохую прошел школу в период 1920-21 г.г. 7-го ноября 1927 г. я возвратился в Ленинград, после Владивостока и Шанхая, где было восстание в 1927 г., я участвовал в разработке возмутительной платформе по комсомолу вместе с ГЕССЕНОМ, вслед затем, платформы блока. Не верил в построение социализма в нашей стране и прививал это другим. Вот почему, незаметно для себя, при любом обсуждении или оценке, всем окружающим представлялось в другом виде. Этим объясняется, что решительно реализовав директиву ЗИНОВЬЕВА на переход к фашистским методам борьбы, перед ХУ съездом, выходил на улицу с антисоветскими лозунгами, все это привело к антисоветской развязанности и я за это несу прямую ответственность. Затем наступил этап о переходе членов к.-р. организации, Вы знаете, что ХУ-й съезд признал зиновьевцев контр-революционерами. В период работы съезда блок развалился и ЗИНОВЬЕВ подал заявление о формальном отходе. Троцкисты стали на путь партии, а зиновьевцы откололись в группу "безвозвращенцев" - ТАРХАНОВ, БАРДИН, НАУМОВ и др....

...и другие, названные мною на следствии. Эта группа не могла отказаться в один день от своих взглядов, но по существу мы болтались между зиновьевцами и троцкистами.

Для характеристики можно указать, что свое отношение к 15-му съезду они выразили в том, что члены организации, не исключенные из партии, не выступили с осуждением к.-р. взглядов, не голосовали за решения съезда, а обычно уходили в уборную, закурить и т.д., чтобы не голосовать.

После 3-го июня среди молодняка наступили серьезные настроения, возвратиться в партию, но когда мы вели переговоры с ТАРАСОВЫМ, КОТОЛЫНОВЫМ - с т. ЯРОСЛАВСКИМ, то буквально зиновьевцы за рукава тащили в партию и КАМЕНЕВА на редактировал письма и заявления, и этим мы внесли всю фальшь при возвращении в партию.

Приехав из Москвы в Ленинград с такой установкой мы убеждали молодняк: от пропаганды отказывайся, взглядов не осуждай, фракционной работы не прекращай. То есть, после 15-го съезда партии, больше восьми месяцев, вместо того чтобы показать всю пропасть, куда идет этот молодняк, мы не только не останавливались, а наоборот, убеждали занять двурушническую позицию при возвращении в партию.

В 1928 году ЗИНОВЬЕВ, после подачи своего заявления, приехал в Ленинград. Как-то в этот период на квартире у ШАРОВА состоялось нелегальное собрание; куда пригласили "безвозвращенцев", я там был. ЗИНОВЬЕВ тогда еще открыл это контр-революционное движение в партии. Он формулировал на поставленные вопросы следующие задачи этой контр-революционной организации: ЗИНОВЬЕВ говорил, что в партии

существуют два крыла: - центристское, возглавляемое СТАЛИНЫМ и правое - БУХАРИНСКОЕ. На другой путь нельзя идти, надо возвращаться в партию; лозунг активного наступления на капиталистические элементы мы мол добились в результате тяжелой борьбы с партией. Хотя и расплатились тяжело за эту борьбу, все-же лозунг активного наступления на капиталистические элементы - наша победа, победа ЗИНОВЬЕВА. ЗИНОВЬЕВ таким образом решения 15-го съезда расценивал как определенную победу его борьбы, что лозунг активного наступления оправдывает его борьбу; и создал базу для возвращения двуручнически настроенных элементов в партию.

ЗИНОВЬЕВ говорил о том, что угроза справа миновала.

Безвозденцы об"единялись на паритетных началах, боясь зиновьевской комбинации, ибо он основываясь на том, что миновала угроза справа, ставил задачей организацию сохранения связи и т.д.. Долго спорили о составе центра. ЗИНОВЬЕВ настаивал на том, чтобы в составе центра было больше их членов; безвозденцы на это не шли. Долго шла эта волынка. Наконец, этот нелегальный центр был утвержден лично ЗИНОВЬЕВЫМ. Прожил этот центр до начала 1929 года. Я сам с ТАРАСОВЫМ, НАУМОВЫМ был у КАМЕНЕВА; он рассказал об этой знаменитой беседе с БУХАРИНЫМ, но самая безобразная, самая непристойная площадная брань против партийного руководства употреблялась КАМЕНЕВЫМ. НАУМОВ сделал замечание, что сам факт разговора с БУХАРИНЫМ является блоком с правыми.

Нападал КАМЕНЕВ с исключительным бешенством на тов. СТАЛИНА. Этот барсук в японском халате заявил о том, "что за вождь СТАЛИН? Он не имеет ни одного научного труда по разработке социалистического хозяйства и пролетарской революции. Он обирает идеи и предложения БУХАРИНА, ЗИНОВЬЕВА и мои". Вот до чего дошли эти мазурики.

Ничего не имея предложить в противовес генеральной линии партии и партийной политики и хозяйственной политики страны, у этого гнезда осталась только одна ненависть. Единственный лозунг это - "За Ленинское Полит.Бюро с ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ".

Разве не позор, не ужас то о чем я говорил вначале, когда КУХАРЕВ-старый большевик, в 1917 году, ведущий лучший отряд на Зимний, - заявляет "пусть остановится сердце пролетарской революции, чтобы через год ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ стали у руководства нашей партии.

Это надо дойти до такого перерождения, до такой белогвардейщины, чтобы я вышел ... пролетарский суд и Военный Трибунал за горло взять эту контр-революцию. Покончить с ней надо. Эта сволочь привела и нашу молодежь к такому печальному итогу. Лучшие порывы, многие годы изломаны. Сейчас понимаешь всю свою вину и все свое преступление.

Я встречал зиновьевцев, разговаривал с ними, Я работал по 14-15 часов в сутки. Я работал в Выборгском Совете в Доме Культуры дни и ночи.

...работали здесь люди, превосходно себя чувствуешь, у тебя и настроение и под"ем, а как встретишь зинovieвца, - нитье, клевета, клевета на Советскую власть, поклеп на партию, как липкая грязь в уши, в сознание, в сердце влезает и эта черта двурушников жила у меня до сегодняшнего дня. Она имела следствие того воспитания, глубоко засилья. Я делал попытки к тому, чтобы их вырвать окончательно. Я признаю все свое тягчайшее преступление перед партией и Советским правительством. Я не принадлежал к террористической группе и о существовании ее не знал, поверьте, если бы я знал, что рука КОТОЛЫНОВА организует убийство, я бы сам ему пустил пулю и сам его сдал в ОГПУ. Ко мне поступали записки и я подавал в ОГПУ, об этом знают, что какой-то процесс происходил у меня. Я не знаю НИКОЛАЕВА, я не разговаривал с ЗВЕЗДОВЫМ, не знаю ИСКИНА, не разговаривал и не встречался с СОКОЛОВЫМ. Все свои встречи я свел к минимальности. Я пытался отойти от этого, но я не отошел. Я виноват в этом, я признаю всю эту вину, это еще остаток последней моей и я здесь на суде освобожусь, т.к. совесть у меня чиста, я в терроре не участвовал и не защищал. Надо быть лютым врагом, ненавидящим Советскую власть или быть зверем, чтобы совершить такое деяние в пролетарском государстве, невиданное в мире, превзошедшее смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург и, тем более опасность состоит в том, что стрелял коммунист, открытый враг, в сто раз лучше скрытой, а коммунист в тысячу раз опасней.

Я это понимаю и сознаю и каленным железом должна быть ликвидирована эта к.-р. зинovieвская группа. Я проклял тот день своей жизни, когда встал на путь борьбы с партией. Я порвал с этим к.р. гнездом и болотом, я прошу Вас здесь - Верховная Коллегия и верховные судьи, если найдете хотя малейшую возможность сохранить мне жизнь в Советском Союзе и вернуться к светлым дням и новой радостной, такой яркой, расцветающей революционной стране. Я клянусь, что на любой труд и участок работы пойду, если мне предоставится возможность. Я с самоотверженной преданностью искуплю свое тягчайшее преступление.

АНДЕЛЬШТАМ: Товарищи! Конечно, самое ужасное, самое позорное, - это оказаться на скамье подсудимых, к такой жалкой роли. Все это, конечно, пролетарское революционное человеческое достоинство дороже жизни товарища, для любого, который имел или имеет какое нибудь убеждение, я не хочу повторяться, читать тут политические лекции, делал экскурсии в прошлое, потому что материалами предварительного следствия по делу тех, которые здесь сегодня сидят на скамье подсудимых и по делу тех, которые еще будут сидеть, - все это достаточно правильно. Я подтверждаю все материалы, которые изложил тут подсудимый РУМЯНЦЕВ, конечно, наши повинные те, на кого указывали перстом все подсудимые. Пролетарское государство, партия и Советская власть - спросят с них за это, а сегодня спрашивают с нас. Вот, товарищи, и все подсудимые, если действительно Вы разоружились, так сумеете подняться на позицию гвардии, на позицию Советской власти, на позицию пролетарского суда

и сказать - никакой пощады, расстрелять всех до единого, всех расстрелять. Товарищи! Я не контр-революционный террорист, дело, конечно, суда верить мне или не верить, но я достаточно серьезный политический деятель в прошлом и сумел я дойти до того, чтобы таким ударом по башке понять всю гнусность своего положения, понять в какую пропасть я скатился. Поэтому, Вашим ответом, справедливым ответом, ответом единственного достойного пролетарского суда, ответом, которому будет аплодировать весь ленинградский пролетариат и те, кто найдут в себе мужество из подсудимых, хотя речь касается их лично, - единственным ответом может быть расстрел для всех без исключения.

Товарищи! Я прошу Вас только об одной милости, - так уже, по человечески, потому что политически Вы сделаете свое дело, - расстрелом, но по человечески прошу Вас об одном, товарищи, я старый боец, мне тяжело умирать, как собаке, поэтому я прошу Вас, товарищи, разрешите мне принять этот выстрел в грудь, а не в затылок, как принимают обычно. Прошу Вас об этом, дорогие товарищи, Затем я прошу вас перед смертью, но верю и врать не хочу в последнюю минуту перед смертью, если Вы найдете это возможным, то дайте мне разрешение увидеться с моей женой и написать письмо по адресу руководителя нашей партии. Вот мои последние просьбы.

Да здравствует Ваш суровый, беспощадный приговор всем нам, которые скатились в мерзкой и отвратительной к.-р. оболочке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ЗВЕЗДОВ, когда Вы кончали последнее слово, то очень нервно сказали несколько фраз. Вы сказали приблизительно такую фразу, что вместе с АНТОНОВЫМ отчитывались в задании, которое получал КОТОЛЫНОВ.

Уточните пожалуйста.

З В Е З Д О В: Я хотел подтвердить обвинительное заключение, которое Вы мне пред"явили в том, что целый ряд заданий, которые исходили от КОТОЛЫНОВА, были нам выданы и второе, я считал вполне нужным здесь подчеркнуть, что я, например, встретив НИКОЛАЕВ в здании Истомола, имел с ним беседу, позволившую судить о том, что НИКОЛАЕВ готовится к совершению своего преступления.

... Это я передал сразу СОКОЛОВУ, и это было мною сообщено АНТОНОВУ, так что я делаю такой вывод, что КОТОЛЬНОВ встретился с НИКОЛАЕВЫМ, и облегчало их столкновение ^{это} вот именно мое сообщение.

Дальше я думаю, что то поведение, которое было в самом начале на суде, конечно, поведение недостойное ни в какой мере и степени человека, который участвовал в преступлении. Конечно, ~~я~~ не случайно я знал о том, что КОТОЛЬНОВ готовит террористический акт.

ПРЕДСЕД.: Какие же Вы задания от КОТОЛЬНОВА получали?

ЗВЕЗДОВ: Задания шли в разрезе сбора сведений в Смольной. Собирать сведения по Смольному мне приходилось в течение 1934 года. По роду выполняемой работы я часто был в Смольном. Мне нужно было установить - не встречу ли я кого либо из лиц, которые раньше участвовали в оппозиционной работе и сейчас находятся на работе в Смольном. Одну из таких фамилий я сообщил. Другое задание было о том, чтобы быть в курсе работ самого городского Комитета партии. И третье - нужно было мне сообщить о том какие мероприятия проводятся, в частности по линии студенческой. Я сообщал, в порядке извращенного освещения, о том, что ...

ПРЕДСЕД.: Кому сообщали?

ЗВЕЗДОВ: АНТОНОВУ и КОТОЛЬНОВУ, о том, что готовится второй тур ~~шпши~~ всесоюзного социалистического соревнования, в котором непосредственно принимают участие такие то лица и что это проводится по заданию КИРОВА, и что этот факт необходимо использовать для соответствующей дискредитации соцсоревнования.

Мною также было сообщено об имевших место в течение 1934 года волнениях в районе Островском. Ну, и потом, примерно, такие разговоры еще о практических вопросах, которые мне сейчас трудно вато вспомнить.

ПРЕДСЕД.: В отношении террористического акта получали сведения от КОТОЛЫНОВА или нет?

ЗВЕЗДОВ: В отношении террористического акта я ему - вернее не ему а АНТОНОВУ - во первых, сообщил о встрече с НИКОЛАЕВЫМ, о том, что он имеет настроения такого сорта, которые позволяют ему выступить; и эти сведения я передал АНТОНОВУ.

ПРЕДСЕД.: Зачем передали АНТОНОВУ?

ЗВЕЗДОВ: Для того чтобы он передал КОТОЛЫНОВУ.

КОТОЛЫНОВ: Председатель, можно мне?

ПРЕДСЕД.: Может быть АНТОНОВ добавит?

АНТОНОВ: ЗВЕЗДОВ мог непосредственно связаться с КОТОЛЫНЫНЫМ, также как и я, он его прекрасно знал. Я никаких поручений от КОТОЛЫНОВА не получал. Я после разговора, который был в сентябре месяце больше не видел. Это я заявляю самым искренним образом.

ПРЕДСЕД.: Те сведения о которых говорил ЗВЕЗДОВ, что он передал для передачи КОТОЛЫНОВУ - Вы получали их? О готовящемся террористическом акте?

АНТОНОВ: О настроениях он говорил.

ПРЕДСЕД.: Для чего?

ЗВЕЗДОВ: Для передачи КОТОЛЫНОВУ.

АНТОНОВ: Во всяком случае, я КОТОЛЫНОВА после этого не видел.

ПРЕДСЕД.: Но Вы получали для КОТОЛЫНОВА сведения?

АНТОНОВ: Этого не было. Просто был разговор и он говорил о настрояниях НИКОЛАЕВА, а о том, чтобы специально передать эти сведения КОТОЛЫНОВУ - такого разговора не было.

КОТОЛЫНОВ: Товарищи, я с тех пор как мне стали говорить о НИКОЛАЕВЕ и т.д. - я просто не верил, я думал, что щупали, ищут настоящего пути. Я об этом говорил и МИРОНОВУ и ДМИТРИЕВУ.

Товарищи, в течение последних дней, мне все на следствии заявляли: ты лжешь, все нити ведут к тебе и ты задерживаешь следствие. И я рассказал, разоружился до конца. Мне легче сказать - "да", чем сказать "нет". И, товарищи, десять дней я находился в таком напряженном состоянии, что, смерть - это для меня не самое страшное, а.....самым злым врагом Советской власти.

Что я хочу сказать? Я стою буквально на коленях перед судом, и клянусь, что ни от АНТОНОВА, ни от ЗВЕЗДОВА, ни от НИКОЛАЕВА ничего не слышал о террористическом акте. Я в своем слове даже ничего не говорил в защиту. Я говорил, что требую суровой кары, не смотря на то, что моя жизнь сложилась очень исковерканно.

ПРЕДСЕД.: Суд удаляется на совещание, для вынесения выговора.